

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 21, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Частноправовые науки

<i>Лисица В. Н.</i> Природа и ее элементы как объекты гражданского, экологического и энергетического права	5
<i>Зыков С. В.</i> Распоряжение долей в праве собственности и исключительном праве	14
<i>Абдиримов А. Ф.</i> Понятие и содержание категории «исламский банкинг»	23
<i>Разумов С. А.</i> Гражданско-правовая сущность и способы передачи прав на цифровую валюту	35

Уголовно-правовые науки

<i>Брянская Е. В.</i> Убедительность судебной речи защитника Ф. Н. Плевако в истории уголовного процесса России	44
<i>Брашнина О. А.</i> Потенциал синергетического подхода при исследовании нормативных и казуальных основ уголовного права	53
<i>Зарубина К. А.</i> К вопросу о противодействии современной профессиональной преступности в России уголовно-правовыми мерами: возможности и перспективы	58
<i>Нгуен Нам Ха.</i> Уголовная ответственность коммерческих юридических лиц по уголовному кодексу Вьетнама	67
<i>Май Тхань Шон.</i> Институт частного обвинения в уголовном процессе Российской Федерации и некоторые предложения для Вьетнама	78
Информация для авторов	89

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2025. Volume 21, № 1

CONTENTS

Частноправовые науки

<i>Lisitsa V. N.</i> Nature and Its Elements as Objects of Civil, Ecological and Energy Law	5
<i>Zykov S. V.</i> Disposition of Shares in the Right of Ownership and Exclusive Right	14
<i>Abdirimov A. F.</i> The Concept and Content of the Category “Islamic Banking”	23
<i>Razumov S. A.</i> Emergence and Exercise of Digital Currency Rights	35

Criminal Law Sciences

<i>Bryanskaya E. V.</i> The Persuasiveness of the Judicial Speech of the Defender F. N. Plevako in the History of the Russian Criminal Process	44
<i>Brashnina O. A.</i> The Potential of a Synergetic Approach in the Study of Normative and Casuistic Foundations of Criminal Law	53
<i>Zarubina K. A.</i> On the Issue of Countering Modern Professional Crime in Russia by Criminal Law Measures: Opportunities and Prospects	58
<i>Nguyen Nam Ha.</i> Criminal Liability of Commercial Legal Entities in Accordance with the Criminal Code of Vietnam	67
<i>Mai Thanh Son.</i> Institute of Private Prosecution in Criminal Procedure of the Russian Federation and Some Recommendations for Vietnam	78
Instructions for Contributors	89

Editor in Chief V. N. Lisitsa Associate Editor N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

E. B. Abdrasulov, R. S. Abdulin, A. I. Abdullin, O. I. Andreeva, A. M. Baksalova, N. I. Biyushkina,
V. A. Boldyrev, R. N. Borovskikh, A. V. Gabov, I. G. Dudko, E. A. Zhegalov, B. V. Zmerzly,
V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, A. A. Kondrashov, E. V. Korotysh, I. A. Kravets,
V. I. Kruss, I. D. Kuzmina, V. A. Laptev, Dzh. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina, V. N. Rudenko,
D. A. Savchenko, I. A. Umnova-Konyukhova

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin,
G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence
Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 347.21+ 349.4

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-5-13

Природа и ее элементы как объекты гражданского, экологического и энергетического права

Валерий Николаевич Лисица

Институт государства и права РАН
Москва, Россия

lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>

Аннотация

В отличие от гражданского и энергетического права объектами экологического права могут быть природа и ее компоненты в целом (земля, недра, воды, воздух, животный мир и т. д.), в частности, в управленческих и природоохранных (по охране природы в целом) правоотношениях по государственному регулированию. В этой связи их использование в ГК РФ, в том числе в названиях и положениях ряда статей, не является оправданным. Вместе с тем разные части природы, которые имеют пространственно-территориальные или иные условные границы (пределы) и могут быть выделены (юридически обособлены) от иных сопредельных ее частей благодаря своим идентификационным признакам (земельный участок, лесной участок, водный объект, участок недр, отдельное животное и т. д.), выступают не только объектами экологического, но и гражданского и энергетического права в имущественных отношениях, возникающих по поводу таких объектов и касающихся обычно использования части природы в установленных границах. Такие отношения по общему правилу подлежат регулированию гражданским законодательством в части имущественного оборота, а также энергетическим законодательством в необходимых случаях, если иное прямо не предусмотрено экологическим законодательством.

Ключевые слова

природа, природные ресурсы, природные объекты, объекты экологического права, объекты гражданских прав, объекты энергетики, имущество, недвижимость, индивидуально-определенная вещь

Для цитирования

Лисица В. Н. Природа и ее элементы как объекты гражданского, экологического и энергетического права // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 5–13. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-5-13

Nature and Its Elements as Objects of Civil, Ecological and Energy Law

Valeriy N. Lisitsa

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>

Abstract

Unlike civil and energy law, the objects of ecological law can be the nature and its components in general (land, subsoil, water, air, wildlife, etc.), in particular, in governmental and environmental (on the nature protection in general) legal relations on the state regulation. In this regard, their use in the Civil Code of the Russian Federation, including in the titles and provisions of a number of articles, is not justified. At the same time, different parts of nature that have spatial-territorial or other conditional boundaries (limits) and can be separated (legally defined) from its other adjacent parts due to their identification features (a land plot, forest plot, water area, subsoil plot, individual animal, etc.), are not only objects of ecological, but also civil and energy law in property relations arising in relation to such objects and usually

© Лисица В. Н., 2025

related to the use of a part of the nature within established boundaries. As a general rule, such relations are subject to regulation by civil legislation in the sphere of property transactions, as well as energy legislation, if necessary, unless otherwise expressly provided for by environmental legislation.

Keywords

nature, natural resources, natural objects, objects of ecological law, objects of civil rights, energy facilities, property, real estate, individually defined thing

For citation

Lisitsa V. N. Nature and Its Elements as Objects of Civil, Ecological and Energy Law. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 5–13. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-5-13

Как известно, природа и составляющие ее ресурсы являются основой жизнедеятельности граждан и экономики государства. Конституция Российской Федерации¹ (ст. 9) гарантирует охрану земли и других природных ресурсов, указывая на возможность их нахождения в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Вместе с тем порядок такой правовой охраны, особенности использования и участия в гражданском обороте определяются различными федеральными законами, образующими разные отрасли законодательства, которые не всегда в полной мере корреспондируют друг другу и требуют уточнения в части пределов участия природы и ее элементов в качестве объектов разнообразных правоотношений, которые возникают при осуществлении экономической (хозяйственной) и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду, и относящиеся к сфере действия экологического, гражданского и энергетического права.

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды»² содержит для этого необходимые дефиниции (ст. 1), определяя природу (природную среду) как совокупность ее компонентов (земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство), а также природных (естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства) и природно-антропогенных объектов (измененные в результате хозяйственной и иной деятельности природные объекты и объекты, созданные человеком, обладающие свойствами природного объекта и имеющие рекреационное и защитное значение). Именно компоненты природной среды, природные объекты, а также природные комплексы (комплексы функционально и естественно связанных между собой природных объектов, объединенных географическими и иными соответствующими признаками) названы данным Федеральным законом объектами охраны окружающей среды (ст. 4).

Вместе с тем в отдельных отраслях законодательства можно встретить и другие объекты. Так, к примеру, Земельный кодекс Российской Федерации (ст. 6)³ помимо земли как природного объекта и природного ресурса к объектам земельных отношений относит земельные участки и части земельных участков. При этом земельный участок рассматривается как объект права собственности и признается в качестве недвижимой вещи, которая, как известно, является объектом гражданских прав (ст. 128 и 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)⁴).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 28.12.2024).

² Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

³ Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

В отличие от земель земельный участок как недвижимая вещь подлежит государственному кадастровому учету, а право собственности и другие вещные права на него, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»⁵. Этого нельзя сказать в отношении части земельного участка, который не является полноценным объектом гражданского оборота; данное положение, как справедливо отмечается в цивилистической литературе, является вынужденной уступкой законодателя, отходом от юридической теории к экономической практике [2, с. 16–22]. В ГК РФ можно встретить и другие случаи, когда в пользование передается часть вещи, к примеру, в договоре фрахтования части вместимости транспортного средства (ст. 787), но это тем не менее не делает такую часть самостоятельным объектом гражданских прав.

В Лесном кодексе Российской Федерации⁶ отсутствуют положения об объектах лесных отношений. Однако они в принципе должны быть аналогичны объектам земельных отношений, учитывая, что лесной участок рассматривается в нем как земельный участок, который расположен в границах лесничеств и образован в соответствии с требованиями земельного законодательства и Лесного кодекса Российской Федерации (ст. 7). Кроме того, последний часто оперирует такими понятиями, как «лес», рассматриваемый как экологическая система или как природный ресурс (ст. 5), объект лесной и лесоперерабатывающей инфраструктур (ч. 6 ст. 12, ч. 2, 3 и 5 ст. 13, п. 4 ч. 1 ст. 21, ч. 4 и 6 ст. 23.2, п. 14 ч. 1 ст. 25 и др.).

Водный кодекс Российской Федерации⁷ также не содержит положений об объектах водных отношений, но использует в основном одно понятие – водный объект, понимая под ним «природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима», а под водными ресурсами – «поверхностные и подземные воды, которые находятся в водных объектах и используются или могут быть использованы» (п. 3 и 4 ст. 1).

Различие между природой (точнее, ее компонентами, исходя из предмета регулирования соответствующих федеральных законов) в целом и ее отдельными объектами проводят и другие законодательные акты Российской Федерации. Так, Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»⁸ выделяет животный мир как совокупность живых организмов всех видов диких животных и объект животного мира – отдельный организм животного происхождения (дикое животное) (ст. 1), а Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»⁹ – недра как часть земной коры, которая расположена ниже почвенного слоя, включая подземное пространство и содержащиеся в ней полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы (преамбула и ст. 1.2), и участок недр – геологический или горный (геометризованный блок недр) отвод (ст. 7).

В отличие от экологического законодательства ГК РФ практически не использует понятие «природа», указывая лишь в отдельных случаях, что земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах (п. 3 ст. 129), а также

⁵ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

⁶ Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

⁷ Водный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

⁸ Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

⁹ Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 08.08.2024) «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

то, что если они не находятся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, то являются государственной собственностью (п. 2 ст. 214).

Имущественный характер и возможность использования в экономической деятельности характерны и для объектов энергетического права. Так, согласно Федеральному закону от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»,¹⁰ объекты электроэнергетики представляют собой «имущественные объекты, непосредственно используемые в процессе производства, передачи электрической энергии, оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике и сбыта электрической энергии, в том числе объекты электросетевого хозяйства» (абз. 32 ст. 3), а объекты электросетевого хозяйства – «линии электропередачи, трансформаторные и иные подстанции, распределительные пункты и иное предназначенное для обеспечения электрических связей и осуществления передачи электрической энергии оборудование» (абз. 11 ст. 3).

Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении»¹¹ к объектам теплоснабжения относит источники тепловой энергии (устройства, предназначенные для производства тепловой энергии), тепловые сети (совокупность устройств, включая центральные тепловые пункты и насосные станции, предназначенных для передачи тепловой энергии, теплоносителя от источников тепловой энергии до теплопотребляющих установок) или их совокупность (п. 3, 5 и 5.1 ст. 3).

Интересно отметить, что не только в действующем законодательстве, но и в современной эколого-правовой науке перечень объектов экологического права определяется по-разному [8, с. 6]. Можно встретить даже довольно широкое понимание данного вопроса, предусматривающее отнесение к ним не только природы (окружающей среды), природных объектов и природных комплексов, но и даже Вселенной как информационно-энергетической основы развития природы на Земле и самого человека, который органично принадлежит природе [5, с. 122–124].

На примере земельных отношений в литературе справедливо аргументирована необходимость использования двух неравнозначных понятий – «земля» и «земельный участок». Обосновывается, что на данном этапе развития земельных отношений земля является самостоятельным объектом земельных, в том числе управленческих, охранительных отношений, а в отношении земель, находящихся в публичной собственности, – также и имущественных отношений. В свою очередь объектом охранительных земельных отношений могут являться как земельные участки, так и земля в целом [6, с. 54].

В ряде случаев положения действующего экологического законодательства могут не предусматривать разграничение компоненты природы от ее части, что было подвергнуто критике со стороны науки экологического права. Так, отмечалось, что объектом водных отношений как части экологических отношений должны быть не водные объекты, а воды – вся вода, находящаяся в водных объектах, т. е. в естественном природном состоянии на поверхности суши в формах ее рельефа или в недрах [4, с. 138]. Данное замечание является вполне обоснованным в части признания воды в целом в качестве объекта водных отношений. Вместе с тем наряду с ним следует выделять и отдельные водные объекты как части таких вод для обеспечения их имущественного оборота. Иначе становится проблематичным гражданско-правовое регулирование отдельных водных отношений, в частности, имущественных отношений по использованию воды, в которых должен быть в обязательном порядке выделен водный объект как водоем (водоток) или его часть с формальным (условным) определением его границ в целях выделения (отграничения) его от других подобных объектов.

¹⁰ Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 25.11.2024) «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О теплоснабжении» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.

Так, к примеру, Водный кодекс Российской Федерации прямо устанавливает, что договор водопользования, к которому подлежит применение гражданского законодательства (ст. 17, ч. 1 ст. 18 и др.), должен содержать сведения о водном объекте, в том числе описание местоположения береговой линии (границы водного объекта), его части, в пределах которых предполагается осуществлять водопользование (п. 1 ч. 1 ст. 13). Вместе с тем водопользование может осуществляться и без предоставления водных объектов в установленных случаях (ч. 4 ст. 11), что следует отнести к сфере действия лишь водного права.

В цивилистической науке используется понятие объекта гражданских прав, нашедшее свое законодательное закрепление в ст. 128 ГК РФ, в качестве которого могут выступать, в частности, такие имущественные объекты, как земельные участки, участки недр и иные природные объекты, участвующие в гражданском обороте [16, с. 20–22]. То же самое следует сказать в отношении объектов энергетического права, которые имеют имущественный характер и потому представляют собой объекты гражданского права [9, с. 22–35; 15, с. 137, 142].

Вместе с тем, как было отмечено, в ГК РФ имеется ряд расхождений по данному вопросу, когда глава 17 ГК РФ имеет название «Право собственности и другие вещные права на землю», а объектом права собственности согласно названию ст. 261 ГК РФ выступает именно земельный участок, а не земля в целом. В эколого-правовой литературе в этой связи обращается внимание на то, что далеко не вся территория Российской Федерации до сих пор поделена на земельные участки; земли, находящиеся в границах Российской Федерации, до образования из них земельных участков и предоставления их гражданам или юридическим лицам, признаются тем не менее объектом государственной или муниципальной собственности [7, с. 63–64]. Однако необходимо помнить, что до выделения (формирования) из таких земель земельных участков их использование в гражданском обороте вряд ли возможно, учитывая, что действующие гражданско-правовые средства в целом не предназначены для таких объектов, как природа в целом или ее компоненты. Представляется, что до вовлечения в гражданско-правовой оборот земля, лес и другие природные ресурсы должны рассматриваться как естественные богатства, ценности (достояния) всенародного значения, собственностью особого рода и иметь специальный правовой режим¹² и, как следствие, скорее всего, относиться к сфере публичного права [3, с. 24–26; 11, с. 87–98].

Данные особенности и различия следует объяснить комплексным характером регулирования экологических отношений, которое осуществляется с использованием гражданско- и административно-правовых методов [17, с. 28–30], в связи с чем экологическое право обычно рассматривается как комплексная или даже интегрированная отрасль права [1, с. 32–38].

Представляется, что природа (ее отдельные компоненты) в целом выступает объектом в первую очередь отношений по государственному регулированию [12, с. 33–34; 14, с. 49–53] на основе принципа баланса публичных и частных интересов [13, с. 43–61], когда для этого не имеет смысла, проблематично или нецелесообразно выделять (обособлять) отдельный объект среди других (земельный участок, участок недр, животное и т. д.). К примеру, это касается управленческих и природоохранных отношений, в рамках которых органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридические и физические лица осуществляют деятельность по сохранению и восстановлению природы, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, предотвращению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидации ее последствий.

¹² См., например: п. 3.1 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728; п. 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 09.01.1998 № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 429.

Так, к примеру, в сфере земельных отношений к ним относится осуществление мероприятий в области обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения, которое является расходным полномочием субъектов Российской Федерации (ст. 3.1 Федерального закона от 16.07.1998 № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»¹³). Кроме того, в рамках государственного регулирования проводятся также государственный мониторинг земель, землеустройство, резервирование земель для государственных или муниципальных нужд, перераспределение земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, государственный земельный надзор и т. д. (главы V.4, XI и XII Земельного кодекса Российской Федерации).

Другие отношения – по использованию природы – обычно предполагают выделение отдельного участка (объекта) гражданам и юридическим лицам в пользование. Особенно это характерно для сферы земельных отношений, в которой широко используются в целях гражданского оборота именно земельные участки как объекты различных гражданских прав: право собственности, право постоянного (бессрочного) пользования, право пожизненного наследуемого владения, право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут), право аренды, право безвозмездного пользования и др. (глава 17 ГК РФ, главы III–IV Земельного кодекса Российской Федерации). В отличие от многих других объектов экологического права, имеющих зачастую гораздо больший публичный интерес, в отношении земельных участков могут заключаться разнообразные гражданско-правовые сделки: договоры купли-продажи, аренды, безвозмездного пользования, залога и т. д.

В сфере лесных отношений граждане и юридические лица по общему правилу осуществляют заготовку древесины на основании договоров аренды лесных участков (ч. 9 ст. 29 Лесного кодекса Российской Федерации). Предоставление недр в пользование оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии на пользование недрами, которая удостоверяет право пользователя недр на пользование конкретным участком недр в определенных границах (ч. 1 и 3 ст. 11 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»).

Вместе с тем не исключено использование природы и без предоставления отдельного участка (объекта) в пользование, которое осуществляется в соответствии с природоресурсным (экологическим) законодательством. Так, к примеру, возможно использование земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков или при установлении публичного сервитута (главы V.6 и V.7 Земельного кодекса Российской Федерации). Пользование недрами также может осуществляться без получения лицензии на пользование недрами в отдельных, установленных законом, случаях (ч. 5 ст. 11 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»). Граждане вправе свободно и бесплатно пребывать в лесах и для собственных нужд осуществлять заготовку и сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, других пригодных для употребления в пищу лесных ресурсов (пищевых лесных ресурсов), а также недревесных лесных ресурсов (ч. 1 ст. 11 Лесного кодекса Российской Федерации).

Важно отметить, что один и тот же объект, к примеру земельный или лесной участок, может относиться одновременно к сфере гражданского, экологического и энергетического права, что поднимает вопрос о разграничении действия данных отраслей права. Большинство актов экологического законодательства содержит необходимые положения по данному вопросу. Так, к примеру, в соответствии с п. 3 ст. Земельного кодекса Российской Федерации, «имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами». Согласно

¹³ Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ (ред. от 24.12.2024) «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3399.

ч. 2 ст. 3 Лесного кодекса Российской Федерации имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, лесных насаждений, полученных при использовании лесов и осуществлении мероприятий по сохранению лесов древесины и иных лесных ресурсов, регулируются гражданским законодательством, а также Земельным кодексом Российской Федерации, если иное не установлено Лесным кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами. Другим словами, приоритет в регулировании данной группы экологических (природо-ресурсных) отношений, которые одновременно относятся и к предмету гражданского права, отдан экологическому праву, имеющему специальный характер в отношении имущественных природных объектов.

В отличие от экологического в энергетическом законодательстве, которое включает в себя различные нормативные правовые акты, действующие в области организации и функционирования топливно-энергетического комплекса и альтернативной нетопливной энергетики, и регулирующие по сути предпринимательские и иные отношения [10, с. 111], отсутствуют необходимые положения о разграничении действия различных федеральных законов. Учитывая, что природные ресурсы могут и даже практически всегда используются при осуществлении хозяйственной деятельности в сфере энергетики, в том числе при создании и эксплуатации объектов энергетики, представляющих собой по своей гражданско-правовой природе разнообразные движимые и недвижимые вещи, включая и земельные участки, представляется, что экологическое законодательство подлежит преимущественному применению к отдельным видам энергетических отношений, которые касаются охраны и использования природной (окружающей) среды и потому относящихся также к сфере действия экологического права.

Таким образом, природные объекты гражданского, экологического и энергетического права и их правовые режимы различаются между собой, что предопределено задачами, стоящими перед каждой из этих отраслей права. Если объектами экологического права могут быть как природа (ее компоненты) в целом, что характерно для управленческих и природоохранных правоотношений по государственному регулированию, так и юридически обособленные ее части (земельный участок, лесной участок, водный объект, участок недр, отдельное животное и т. д.), то для гражданского права (энергетического права в сфере имущественных отношений) именно последние, выступающие в качестве имущества, следует признавать объектами гражданских отношений, которые по общему правилу подлежат регулированию гражданским (в ряде случаев также энергетическим) законодательством, если иное прямо не предусмотрено экологическим законодательством.

Список литературы

1. **Боголюбов С. А., Сулейменов М. К.** Экологическое право – интегрированная отрасль. Проблемы теории экологического права. Диалог // Экологическое право. 2014. № 4. С. 32–38.
2. **Болдырев В. А., Сысоев В. А.** Часть земельного участка как объект гражданских прав и гражданско-правовой охраны // Вестник арбитражной практики. 2013. № 6. С. 14–22.
3. **Бринчук М. М.** Природа – публичное благо // Государство и право. 2013. № 8. С. 15–26.
4. **Бринчук М. М.** Теоретические проблемы объекта водных отношений в водном праве России // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 136–138.
5. **Дубовик О. Л., Сосновский В. В. М. М. Бринчук.** Экологическое право: объекты экологических отношений. М.: ИГП РАН, 2011. 152 с. // Государство и право. 2012. № 11. С. 122–124.
6. **Землякова Г. Л.** Земля и земельный участок как объекты земельных правоотношений: проблемы терминологии // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 1 (53). С. 54–63.
7. **Землякова Г. Л., Самончик О. А., Устюкова В. В.** Конституционные основы земельного и аграрного права // Государство и право. 2014. № 1. С. 63–73.

8. **Игнатьева И. А.** Объекты в экологическом праве: аспекты исследования и условия включения в правовую сферу // Вестник Москов. ун-та. Серия 11: Право. 2019. № 5. С. 3–21.
9. **Кресс В. В.** Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 5 (210). С. 22–35.
10. **Лакно П. Г.** Энергетическое право в XXI в.: состояние и перспективы развития // Государство и право. 2009. № 4. С. 109–116.
11. **Лисица В. Н.** Правильно ли разграничены права государственной собственности на природные ресурсы? // Федерализм. 2004. № 4 (36). С. 87–98.
12. **Лисица В. Н.** Применение норм инвестиционного права в регулировании инвестиционных отношений // Законодательство. 2011. № 10. С. 31–40.
13. **Лисица В. Н.** Принципы международного инвестиционного права. Новосибирск: НГУ, 2009. 246 с.
14. Основы организации и развития малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях / В. Н. Аксенов, И. Е. Глушков, Ю. В. Горбачева [и др.]. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2008. 384 с.
15. **Павлова Д. А., Рогачевский А. Л., Трубецкая А. А.** Правовая природа объектов энергетического права // Ленинград. юрид. журнал. 2021. № 3(65). С. 137–150.
16. **Суханов Е. А.** Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 1. С. 16–22.
17. Экологическое право: учебник / под ред. С. А. Боголюбова. М.: Юрайт, 2024. 318 с.

References

1. **Bogolyubov S. A., Suleimenov M. K.** Environmental law – an integrated branch. Problems of the theory of ecological law. *Dialog. Ecological law*, 2014, no. 4, pp. 32–38. (in Russ.)
2. **Boldyrev V. A., Sysoev V. A.** A part of a land plot as an object of civil rights and civil law protection. *Bulletin of arbitration practice*, 2013, no. 6, pp. 14–22. (in Russ.)
3. **Brinchuk M. M.** Nature – a public good. *State and law*, 2013, no. 8, pp. 15–26. (in Russ.)
4. **Brinchuk M. M.** Theoretical problems of the object of water relations in the water law of Russia. *Gaps in Russian legislation*, 2011, no. 6, pp. 136–138. (in Russ.)
5. **Dubovik O. L., Sosnovsky V. V.** “M.M. Brinchuk. Ecological law: objects of ecological relations. Moscow, 2011. 152 p.” *State and law*, 2012, no. 11, pp. 122–124. (in Russ.)
6. **Zemlyakova G. L.** Land and land plot as objects of land law relations: problems of terminology. *Bulletin of the O.E. Kutafin University*, 2019, no. 1(53). pp. 54–63. (in Russ.)
7. **Zemlyakova G. L., Samonchik O. A., Ustyukova V. V.** Constitutional foundations of land and agrarian law. *State and law*, 2014, no. 1, pp. 63–73. (in Russ.)
8. **Ignatieva I. A.** Objects in ecological law: aspects of research and conditions for inclusion in the legal sphere. *Bulletin of Moscow State University: Law*, 2019, no. 5, pp. 3–21. (in Russ.)
9. **Kress V. V.** Theoretical aspects of determining the place of energy (energy resources) in the system of objects of civil rights. *Lex Russica*, 2024, vol. 77, no. 5(210), pp. 22–35. (in Russ.)
10. **Lakhno P. G.** Energy law in the 21st century: state and prospects of development. *State and law*, 2009, no. 4, pp. 109–116. (in Russ.)
11. **Lisitsa V. N.** Are the rights of state ownership of natural resources properly delimited? *Federalism*, 2004, no. 4(36), pp. 87–98. (in Russ.)
12. **Lisitsa V. N.** Application of norms of investment law in the regulation of investment relations. *Legislation*, 2011, no. 10, pp. 31–40. (in Russ.)
13. **Lisitsa V. N.** *Principles of international investment law*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009, 246 p. (in Russ.)

14. **Aksenov V. N., Glushkov I. E., Gorbacheva Yu. V.** [et al.]. *Fundamentals of the organization and development of small and medium-sized businesses in municipalities*. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House, 2008, 384 p. (in Russ.)
15. **Pavlova D. A., Rogachevsky A. L., Trubetskaya A. A.** The legal nature of objects of energy law. *Leningrad law journal*, 2021, no. 3(65), pp. 137–150. (in Russ.)
16. **Sukhanov E. A.** Real estate in the system of objects of civil rights. *Journal of Russian law*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 16–22. (in Russ.)
17. **Bogolyubov S. A.** (ed.) *Environmental law: textbook*. Moscow: Yurayt, 2024, 318 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Валерий Николаевич Лисица, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
SPIN 6003-1410

Information about the Author

Valeriy N. Lisitsa, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Researcher of Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
SPIN 6003-1410

*Статья поступила в редакцию 11.01.2025;
одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 21.02.2025*

*The article was submitted 11.01.2025;
approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 21.02.2025*

Научная статья

УДК 347.238; 377.77

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-14-22

Распоряжение долей в праве собственности и исключительном праве

Сергей Викторович Зыков

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

Zykovsv@yandex.ru

Аннотация

Еще в римском праве была предусмотрена возможность отчуждения сособственником своей доли (при условии преимущественного права покупки). Данный способ гарантий интересов сособственника сохранился в европейских правовых системах; а также присутствовал в российском праве, хотя единый правовой механизм получил законодательное закрепление только в советский период, откуда позаимствован современным российским правом. Применительно к другому полному абсолютному праву – исключительному – «доля» определяет размер притязаний на доходы и компенсацию за нарушение и объектом оборота в настоящее время не является. Это препятствует вовлечению в оборот результатов интеллектуальной деятельности и инвестированию в их разработку. Законопроект, рассматриваемый в настоящее время в Госдуме, не решит проблем в данной сфере.

Ключевые слова

общая собственность, распоряжение долей в праве собственности, исключительное право, доля в исключительном праве, право преимущественной покупки, распоряжение долей в исключительном праве

Для цитирования

Зыков С. В. Распоряжение долей в праве собственности и исключительном праве // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 14–22. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-14-22

Disposition of Shares in the Right of Ownership and Exclusive Right

Sergey V. Zykov

Institute of Philosophy and Law of SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Zykovsv@yandex.ru

Abstract

Even in Roman law, the possibility of alienation of a co-owner's share (subject to the preemptive right of purchase) was provided. This method of guaranteeing the interests of a co-owner has been preserved in European legal systems; and was also present in Russian law, although a single legal mechanism was legislatively enshrined only in the Soviet period, from where it was borrowed by modern Russian law. With regard to another full absolute right – exclusive – “share” determines the size of claims to income and compensation for violation, and is not currently an object of circulation. This prevents the involvement of the results of intellectual activity in circulation and investment in their development. The bill currently being considered in the State Duma will not solve the problems in this area.

Keywords

common property, disposal of shares in the right of ownership, exclusive right, share in the exclusive right, right of pre-emption, disposal of shares in the exclusive right

© Зыков С. В., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 1

For citation

Zykov S. V. Disposition of shares in the right of ownership and exclusive right. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 14–22. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-14-22

Закрепление в условиях рыночной экономики оборотоспособных исключительных прав, многие из которых были существенно продлены, приводит к их дроблению при наследовании по закону, актуализирует вопрос распоряжения соответствующей долей. Значимость этой проблемы подтверждается как наличием соответствующих законопроектов, так и широким обсуждением вопроса в цивилистике.

Проблема распоряжения долей в праве давно решена применительно к другому абсолютному полному праву – собственности, с которого и начнем рассмотрение.

Еще римскому праву была известна общность имущества, которая могла возникнуть в порядке наследования, в силу договора товарищества, совместного приобретения по договору купли-продажи (D.10.3.2) или в результате слияния (смешения) вещей (D.6.1.3.2.). Ульпиан отмечал, что каждый из сособственников вещи владеет ею в соответствии с некими нераздельными частями, «так что эти части имеют в себе больше идеального, чем телесного» («ut intellectu magis partes habeant quam corpore» – D.45.3.5).

В Дигестах попутно упоминаются последствия отчуждения доли в праве собственности (например, D.8.4.18.), из чего следует заключить, что такое отчуждение было возможно.

Д. И. Азаревич писал, что каждый сособственник доли «может распоряжаться свободно», но ссылки приводит преимущественно на конституции императоров [1, с. 379]; аналогичные ссылки приводил В. М. Хвостов (кроме права залога – D.10.3.6.9 и ошибочного указания на узуфрукт части участка D.7.6.5.2) [2, с. 12]. Сказанное не означает, что возможность свободного отчуждения доли появилась только в позднем праве, больше оснований предполагать, что данный вопрос слабо отражался в эдиктах магистратов и комментариях к ним юристов, поскольку не был дискуссионным. Д. В. Дождев, говоря о свободе распоряжения долей в праве собственности, в качестве исключения указывает на невозможность единоличного отпущения на волю общего раба и установление сервитута на общую вещь [3, с. 440], но следует признать, что оба эти случая являются формами распоряжения объектом в целом.

Таким образом, римское право защищало интересы сособственников (которые нередко оказывались в таком статусе вынужденно) в ситуации, когда конфликт между ними грозил параличом осуществления права собственности, посредством института свободного отчуждения своей доли наряду, конечно, с возможностью раздела общей вещи (что не всегда было возможно в силу физических свойств объекта).

Вопросы общей собственности в государствах континентальной Европы детально рассмотрены в докторском диссертационном исследовании У. Б. Филатовой. Автор выделяет две концепции: индивидуалистическую, в рамках которой сособственность рассматривается исключительно как вещное право (что, в частности, означает свободу распоряжения собственной долей) и концепцию общности, рассматривающей сособственников как квазиюридическое лицо [4, с. 14]. Первая концепция идет из классического римского права и характерна для России [4, с. 5], при этом во всей работе просматривается симпатия У. Б. Филатовой ко второму подходу, предполагающему образование гражданско-правового сообщества или юридического лица и применение, в той или иной форме, режима большинства. Однако даже при его использовании самой долей собственник может свободно распоряжаться, с оговоркой о преимущественном праве покупки (правопорядки Германии, Швейцарии, Австрии) [4, с. 71–72, с. 75, с. 92]. Разумеется, эта свобода закреплена там, где получила отражение римская индивидуалистическая концепция долевой собственности, например во французском праве [4, с. 95–96].

Очевидно, логика та же, что и в римском праве: необходимость предоставить возможность сособственникам выйти из конфликтных отношений. В этих же целях иногда применяется институт судебной продажи общей вещи с разделом вырученной цены.

Переходя к отечественному праву, отметим, что его древнейшие источники не уделяют внимания вопросу распоряжения долями в праве собственности, хотя само это понятие было, безусловно, известно, как минимум, в рамках наследования. В этом контексте достаточно единообразно использовался термин «часть», как в переводе Эклоги («Леона царя премудрого и Константина главизны»), так и в переводе Прохирона («Закон градский»).

О возможности распоряжения долей общерусские нормативные источники не сообщают, можно предположить, что вопрос регулировался обычным правом, но как именно – установить затруднительно. Исследователи приводят завещание 1518 г., в котором каждому из наследников предоставлялось право самостоятельно распорядиться своим «жребием», но с учетом преимущественного права приобретения другими наследниками [5, с. 128]. Понятно, что эта формулировка может интерпретироваться и как ограничение обычного права свободного распоряжения долей, и как его установление вопреки общему обычаю, и как простое воспроизведение в тексте существующего обычая. Из общих соображений (влияние римского права через византийские источники), второй вариант представляется наименее вероятным.

В Уложении 1649 г. (XVII, 14) применительно к наследованию вотчин допускалось свободное отчуждение «жребия» при условии возможности выкупа другими наследниками («братьями») «по оценке»¹.

Переходим к праву императорского периода. В Книге II Раздела II Законов гражданских Свода законов Российской империи² содержалась Глава III «О праве собственности общем» (ст.ст. 543–556). В ней, в свою очередь, имелось два отделения об имуществе нераздельном и о подлежащем разделу. Нормы, касающиеся распоряжения долей в праве собственности, были приняты в разное время (1649, 1781, 1836 гг.) и различались. Как отмечал К. А. Неволин, «законы и юридические акты, означая различные виды и представляя примеры общей собственности, не определяли в общих каких-нибудь правилах существа прав, в ней заключающихся» [6, с. 442].

Согласно ст. 548 Законов гражданских, произвести продажу «части» в общем имуществе неакционерной компании можно было «не иначе как с согласия прочих», однако, если не пожелают принять в соучастники нового приобретателя, обязаны сами заплатить сособственнику «справедливую цену». Участник (наследник) в посессионных горных заводах должен за один год предложить выкупить свою долю соучастникам, а потом еще известить их об окончательной цене продажи, по которой они вправе приобрести сами (ст. 549). В отношении имущества, подлежащего разделу, прямо закреплялось право соучастника продать или заложить «свой жребий», но другие могут сами заплатить деньгами «по оценке» (ст. 555). Таким образом, в Законах гражданских можно выделить единый подход – возможность отчуждения доли с преимущественным правом покупки другими сособственниками. Однако формулировки применительно к разным объектам различались и порой звучали неоднозначно, поэтому Д. И. Мейер очень осторожно говорил о том, что «осуществление права распоряжения долей *во многих случаях* [курсив мой. – С. З.] возможно и отдельно для каждого сособственника» [7, с. 254].

К. П. Победоносцев указывал, что право совладельца продать или заложить «свою идеальную долю» подтверждалось кассационными решениями Правительствующего Сената, равно как и «право преимущественной покупки» на долю неразделенного наследства [8, с. 587].

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Абрамович Г. В., Ивина Л. И., Маньков А. Г., Миронов Б. Н., и др.; редкол.: Буганов В. И., Ирошников М. П., Маньков А. Г., Панеях В. М. Л.: Наука, 1987. С. 85–86.

² Свод Законов Российской империи. Том десятый. Часть первая. Законы гражданские. СПб., 1857. 104 с.

Основываясь на отечественном и зарубежном правовом опыте, разработчики проекта Гражданского уложения³ закрепили в ст. 817 право собственника доли ее отчуждать, обременять залогом, обременять вещными правами, передоверять осуществление прав по ней. Согласно ст. 824 другие сособственники получали «право преимущественной покупки» при отчуждении доли.

Аналогичные правила действовали в советский период. Согласно ст. 64 первого Гражданского кодекса РСФСР⁴ участники общей собственности имели «право преимущественной покупки» при отчуждении кем-либо из них своей доли постороннему лицу (кроме продажи доли с публичных торгов). Следующий Гражданский кодекс РСФСР⁵ также закреплял в ст. 119 право на отчуждение доли другому лицу, а ст. 120 ограничивала такое отчуждение постороннему лицу «правом преимущественной покупки» сособственников, детально описывая порядок его осуществления.

Этот подход сохранился в действующем ГК РФ, который, по выражению У. Б. Филатовой, «в регулирование института общей собственности никаких новелл и существенных изменений» не внес [4, с. 47]. Можно только уточнить, что уже после написания ее работы в 2023 г. был введен параграф «Общее имущество собственников недвижимых вещей»⁶ и в наше гражданское законодательство, наряду с традиционной моделью управления общей собственностью, была введена корпоративная.

Она, безусловно, уместна в ситуации владения, пользования и распоряжения вещью, предназначенной для обслуживания вещи, являющейся для собственника главной. Именно эта потребительская предзаданность позволяет участникам находить компромиссы и оптимальные решения, в том числе в судебном порядке. Эти отношения не имеют ничего общего с ситуацией свободного распоряжения объектом абсолютного права, являющимся основным и единственным для целей получения прибыли.

Кроме того, большое количество участников объединений собственников недвижимых вещей позволяет при принятии решений абстрагироваться от личных отношений между отдельными участниками и руководствоваться принципом большинства, формируя органы управления. Именно подобных сособственников ГК РФ называет участниками гражданско-правового сообщества (п. 2 ст. 181.1), рассматривая вопросы проведения и оспаривания решений их общих собраний.

В объединении немногих субъектов личные отношения выходят на первый план и здесь эффективность возможна только в рамках добровольного объединения единомышленников, что и происходит, когда они создают юридическое лицо или заключают договор простого товарищества, оговаривая, в том числе, вопросы, не получающие формального закрепления. Но практика показывает, что изменение субъектного состава в результате наследования, как правило, требует изменения системы отношений. Здесь очевидна аналогия с соавторами, которые на этапе создания произведения имеют и личный контакт и договоренности, даже если последние не закреплены в письменной форме, но включение наследников радикально изменяет эти отношения.

Разумеется, и в классической модели общей собственности возникают проблемы, связанные с правом отчуждения своей доли. Так, Е. А. Гладко и О. И. Мариненко приводят пример

³ Гражданское уложение. Проект Ред. комиссии по составлению Гражданского уложения (С объяснениями, извлеч. из трудов Ред. комиссии) Т. 1. / под ред. и с предисл. И. М. Тютрюмова, сост. А. Л. Сататчиан. СПб., 1910. 606 с.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР введен в действие Постановлением ВЦИК от 31 октября 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁵ Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г. № 24. Ст. 406.

⁶ Федеральный закон от 24.07.2023 № 351-ФЗ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации // Рос. газета. 01.08.2023. № 168.

дарения доли в квартире, ущемляющей интересы проживающих там несовершеннолетних детей [9, с. 208]. Однако сами же авторы замечают, что суд признал данные действия злоупотреблением правом. Кроме того, следует иметь в виду, что жилое помещение не просто объект экономического оборота, а средство удовлетворения базовой жизненной потребности; при этом проживание в одном жилом помещении сопряжено с ограничением личного пространства, стрессогенность которого вряд ли может уменьшиться появлением в квартире случайного человека.

В силу указанных причин можно согласиться с предложением Е. А. Гладко и О. И. Мариненко распространить право преимущественной покупки на случай безвозмездного отчуждения доли стороннему лицу, установив право выкупа по рыночной цене [9, с. 209]. Однако такой правовой механизм ограничения права собственности должен распространяться только на жилые помещения, используемые для проживания собственников и не применяться к отчуждению родственнику (свойственнику) собственника доли.

Переходя к вопросу о «доле» в исключительном праве, отметим, что в отечественном законодательстве до принятия ГК РФ множественная субъектность нормативно регулировалась только применительно к соавторству. Так, в ст. 10 Закона об авторском праве⁷ допускалось лишь совместное использование произведения соавторами (для нераздельного соавторства предусматривая возможность преодоления несогласия одного из соавторов судебным решением). Возможность выделения и отчуждения своей «доли» не предусматривалась.

Ситуация не изменилась с принятием четвертой части ГК РФ. В п. 2 ст. 1299 ГК РФ говорится о возможности совместной принадлежности исключительного права. В следующем пункте 3 той же статьи 1299 ГК РФ говорится о распределении доходов от использования, которое осуществляется «в равных долях», если соглашением между правообладателями не предусмотрено иное. Таким образом, понятие «доля» законодатель в рассматриваемых отношениях использует, но исключительно в значении объема притязаний на часть дохода (обычно определяемой в процентах или дробях). При этом законодатель последовательно применяет к такому сообладанию исключительным правом признак «совместное», в том числе определяя возможность распоряжения объектом в целом, что оттеняется и соотношением с формулировками, касающимися полномочий использования («каждый ... по своему усмотрению») и защиты («каждый ... вправе самостоятельно») результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, которые недвусмысленно предоставлены каждому из сообладателей. Таким образом, о «доле» применительно к исключительному праву можно говорить только как об объеме притязаний на доход, но никак не как об объекте оборота.

Вопрос о распоряжении «долей» в исключительном праве в порядке аналогии права не стоит, в силу установленного п. 3 ст. 1227 ГК РФ прямого запрета применять к рассматриваемым отношениям раздела ГК РФ, посвященного вещным правам.

Наиболее распространенный способ дробления исключительного права – наследование – подробного разъяснения в судебной практике не получил: Пленум ВС РФ ограничился указанием на совместную принадлежность со ссылкой на вышеуказанное положение ГК РФ⁸.

В Постановлении Пленума ВС РФ 2019 г., в настоящее время являющемся основным источником толкования четвертой части ГК РФ, недвусмысленно сформулировано положение о невозможности выделения долей из исключительного права⁹. Таким образом, вопрос отчуж-

⁷ Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1 // Российская газета. 3 августа 1993 г.

⁸ П. 87 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации») // Рос. газета. 06.06.2012 г. № 127.

⁹ П. 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газета. 06.05.2019 г. № 96.

дения доли на данный момент закрыт, она рассматривается лишь как определяющая объем притязаний на получение доходов от использования объекта или компенсации в случае нарушения исключительного права (п.п. 35 и 69 этого же Постановления). При этом в нашей системе права никогда не ставилась под сомнение возможность перехода права на «долю» исключительного права в порядке наследования (включая возможность дробления).

Таким образом, действующая система российского права не допускает распоряжения «долей» в исключительном праве и ряд авторов считают, что иное противоречило бы самой природе последнего как единого [10, с. 28].

Э. П. Гаврилов, указывая, что идеальная доля (в отличие от фактической) может быть выделена, оговаривает: «идеальная доля исключительного права, например, принадлежащая одному из сонаследников, не может быть использована, ею нельзя распоряжаться» [11, с. 14]. С точки зрения позитивного гражданского законодательства и его судебного толкования, выводы совершенно верны. Но существует и другая сторона вопроса. О. В. Гутников и С. А. Силицын, указывая на то, что «оборотоспособность долей имущественных прав сама по себе не может рассматриваться как абсолютное благо» и иллюстрируя этот тезис примерами злоупотреблений в отношении жилых помещений и дробных акций, справедливо подчеркивают, что тотальный запрет такого отчуждения явился бы конституционно неоправданным ограничением гражданских прав [12, с. 68].

Н. В. Иванов отмечает, что невозможность отчуждения доли третьему лицу не способствует «раскрепощению оборота», поскольку в «довольно типичной» ситуации конфликта между правообладателями приобретателю проще договориться с каждым из них по отдельности [13, с. 30–31].

К. Б. Леонтьев указывает, что в сфере инновационной деятельности инвесторы заинтересованы в схеме «право в обмен на инвестиции», которая невозможна в рамках действующей модели неделимого исключительного права [14, с. 55].

В 2019 г. появился законопроект, в котором допускалось установление долей в исключительном праве на основании закона, сделки или решения суда. Сохраняя основные положения, касающиеся распоряжения, использования и защиты объекта в целом, дополнительно предусматривалось распоряжение долей (если это было возможно, то и ее частью) на основании договора отчуждения. В ст. 1229 ГК РФ предполагалось ввести дополнительно п. 3.1, в котором прописывался механизм реализации преимущественного права остальных сообладателей, аналогичный соответствующему праву собственников. Ограничение в форме требования прямого согласия сообладателей на распоряжения долей предусматривалось только для внесения в качестве залога и вклада в юридическое лицо или простое товарищество.

На наш взгляд, законопроект был достаточно сбалансированным, однако отсутствуют сведения даже о его рассмотрении в Госдуме, он обнаруживается только на Федеральном портале проектов нормативных актов¹⁰, данные о каких-либо действиях, связанных с ним после 30.05.2019, отсутствуют.

6 декабря 2023 г. в первом чтении Госдумой был принят другой проект Федерального закона № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о сообладании исключительным правом)¹¹. Он содержит немало полезных (преимущественно уточняющих) норм. Однако в отношении распоряжения долей в исключительном праве (предлагается дополнить ст. 1229 ГК новым пунктом 3.1.) предусматривает очень спорное регулирование: выделить долю и распорядиться ею (посредством отчуждения или передачи в залог) возможно только с согласия всех остальных правообладателей. Относительно свободно можно только отказаться от своей доли в их пользу.

¹⁰ URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=91576> (дата обращения: 05.02.2025).

¹¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/479514-8> (дата обращения: 05.02.2025).

Авторы пояснительной записки к законопроекту совершенно справедливо указывают на «высокую конфликтность» между правообладателями и логично делают шаги в направлении выделения долей. Но предлагаемое средство не просто не лечит, оно потенциально усиливает конфликтность. При проектируемом регулировании у сообладателей возникает соблазн «дружить против» одного из них. При одном варианте он вынуждается продать долю навязанному ему лицу, на навязанных (заведомо нерыночных) условиях; в другом варианте, устав «воевать», сообладатель «хлопает дверью» и безвозмездно отдает свою долю. Таким образом, предлагаемая правовая модель фактически провоцирует недобросовестное поведение правообладателей. Внесение искаженной правовой модели распоряжения долей в праве, ставящего одного из правообладателей в полную зависимость от других, не дав эффекта стимулирования оборота и инвестирования в инновационную сферу, создаст предпосылки для ущемления его экономических интересов.

Еще раз отметим, что свободное распоряжение долей в праве собственности (ограниченная преимущественным правом покупки со стороны других сообладателей) – результат поиска и обретения баланса интересов собственников как результата многовекового развития права. Логично и целесообразно использование аналогичной правовой модели применительно к другому полному абсолютному оборотоспособному праву – исключительному. Такой механизм, с одной стороны, предоставляет правообладателю выйти из конфликтных отношения, получив рыночную цену за имевшееся у него право. С другой стороны, поскольку конфликт между правообладателями фактически парализует использование общего объекта, препятствует его экономическому обороту, возможность изменения состава правообладателей увеличивает шансы на вовлечение в оборот результата интеллектуальной деятельности.

В Интернете можно найти высказывания обладателей платформ по распространению, в частности, музыкальных произведений о практике заключения с конфликтующими между собой наследниками договоров об отчуждении «долей» в исключительном праве с целью в последующем «собрать» полное исключительное право. По понятным причинам, представители сферы сведения о данной практике, как противоречащей действующему гражданскому законодательству, не озвучивают в официальных СМИ, которые можно было процитировать. Но противоречит ли она основным началам гражданского права, в частности, принципу свободы договора?

Таким образом, законодательное закрепление возможности распоряжения долей в исключительном праве по модели распоряжения долей в праве собственности соответствует историческому опыту регулирования отношений между обладателями полного абсолютного права. Предлагаемый правовой механизм, с одной стороны, обеспечит баланс интересов обладателей общего исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, с другой стороны, облегчит вовлечение в оборот такого права. Более того, закрепление оборотоспособной доли в исключительном праве предоставит возможность дополнительных гарантий для инвестора создания соответствующего результата, тем самым способствуя развитию инновационной сферы.

Список литературы

1. **Азаревич Д. И.** Система римского права: Унив. курс. СПб., 1887. Т. 1. 484 с.
2. **Хвостов В. М.** Система римского права: Конспект лекций проф. Моск. ун-та В. М. Хвостова. II: Вещное право. 3-е изд. М.: тип. Вильде, 1908. 125 с.
3. **Дождев Д. В.** Римское частное право: учебник для вузов. М., 1996. 685 с.
4. **Филатова У. Б.** Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России: сравнительно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 437 с.

5. **Злобин А. Н., Быковская Г. А., Черенков Р. А.** Становление института общей долевой собственности в русском средневековом законодательстве // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 1. С. 122–132.
6. **Неволин К. А.** Полное собрание сочинений. Т. 4. История Российских гражданских законов. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. Ч. 2. Книга вторая об имуществах. СПб., 1857. 457 с.
7. **Мейер Д. И.** Русское гражданское право. Чтения, изданные по запискам слушателей: с приложением биографий и портретов Д. И. Мейера и А. И. Вицына и 3 указателей / под ред. Вицына А. И., испр. и доп. Гольмстен А. Х. 10-е изд., испр. и доп. Петроград: Изд-во: Н. К. Мартынов, 1915. 715 с.
8. **Победоносцев К. П.** Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. 800 с.
9. **Гнатко Е. А., Мариненко О. И.** Злоупотребление правом при безвозмездном отчуждении доли в праве общей долевой собственности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. / отв. ред. С. И. Суслова. Иркутск, 2018. С. 204–209.
10. **Баганова С. В., Белькова Е. Г.** Исключительное право сообладателей // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 24–30.
11. **Гаврилов Э. П.** Когда исключительное право на тождественные объекты принадлежит одновременно нескольким лицам // Патенты и лицензии. 2019. № 9. С. 8–16.
12. **Гутников О. В., Сеницын С. А.** Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 12. С. 67–72.
13. **Иванов Н.** Доля в исключительном праве // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 1. С. 26–34.
14. **Леонтьев К. Б.** Развитие гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности при создании отдельных видов объектов авторских прав // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 52–61.

References

1. **Azarevich D. I.** Sistema rimskogo prava: Univ. kurs. Vol. 1. Saint Peterburg, 1887, 484 p. (in Russ.)
2. **Hvostov V. M.** Sistema rimskogo prava: Konspekt lekcij prof. Mosk. un-ta V.M. Hvostova. II: Veshchnoe pravo. 3-e izd. M.: tip. Vil'de. 125 p. (in Russ.)
3. **Dozhdev D. V.** Rimskoe chastnoe pravo: Ucheb. dlya vuzov. Moscow, 1996, 685 p. (in Russ.)
4. **Filatova U. B.** Institut prava obshchej sobstvennosti v stranah romano-germanskoj pravovoj sem'i (Germanii, Avstrii, Shvejcarii, Francii i Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie): Sci. Dis. Moscow, 2015, 437 p. (in Russ.)
5. **Zlobin A. N., Bykovskaya G. A., Cherenkov R. A.** Stanovlenie instituta obshchej dolevoj sobstvennosti v russkom srednevekovoj zakonodatel'stve. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*=*Historical and legal problems: a new perspective*, 2019, no. 1. pp. 122–132. (in Russ.)
6. **Nevolin K. A.** Polnoe sobranie sochinenij. V.4. Istoriya Rossijskih grazhdanskih zakonov Razdel pervyj ob imushchestvah voobshche i razdel vtoroj o pravah na veshchi. Chast' 2. Kniga vtoraya ob imushchestvah. Saint Petersburg, 1857, 457 p. (in Russ.)
7. **Mejer D. I.** (ed): Vicyn A. I., ispr. i dop.: Gol'msten A. H. Russkoe grazhdanskoe pravo. Chteniya, izdannye po zapiskam slushatelej: s prilozheniem biografij i portretov D. I. Mejera i A. I. Vicyna i 3-h ukazatelej 10-e izd., ispr. i dop. Petrograd, Izdatel'stvo: N. K. Martynov, 1915, 715 p. (in Russ.)

8. **Pobedonoscev K. P.** Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava. Moscow, Statut, 2002, 800 p. (in Russ.)
9. **Gnatko E. A., Marinenko O. I.** Zloupotreblenie pravom pri bezvozmezhnom otchuzhdenii doli v prave obshchedolevoj sobstvennosti. *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnyh stran. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah=Problems of modern legislation of Russia and foreign countries. Proceedings of the VI International scientific and practical conference. In 2 volumes.* S.I. Suslova (ed.). Irkutsk, 2018, pp. 204–209. (in Russ.)
10. **Baganova S. V., Bel'kova E. G.** Isklyuchitel'noe pravo soobladatelej. *Sibirskij yuridicheskij vestnik=Siberian Law Bulletin*, 2021, no.1 (92). pp. 24–30. (in Russ.)
11. **Gavrilov E. P.** Kogda isklyuchitel'noe pravo na tozhdestvennye ob'ekty prinadlezhit odnovremennno neskol'kim licam. *Patenty i licenzii=Patents and licenses*, 2019, no 9. pp. 8–16. (in Russ.)
12. **Gutnikov O. V., Sinicyn S. A.** Mnozhestvennost' obladatelej isklyuchitel'nogo prava: problemy teorii i praktiki. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika=Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2019, no 12, pp. 67–72. (in Russ.)
13. **Ivanov N.** Dolya v isklyuchitel'nom prave. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava=Intellectual property. Copyright and related rights*, 2017, no. 1, pp. 26–34. (in Russ.)
14. **Leont'ev K. B.** Razvitie grazhdansko-pravovogo regulirovaniya investicionnoj deyatel'nosti pri sozdanii otdel'nyh vidov ob'ektov avtorskih prav. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo=News of the South-West State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 52–61. (in Russ.)

Информация об авторе

Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Sergey V. Zykov, Researcher of Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 05.02.2025;
одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 21.02.2025*

*The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 21.02.2025*

Научная статья

УДК 5.1.3

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-23-34

Понятие и содержание категории «исламский банкинг»

Александр Фахрадинович Абдиримов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

sashka.chelovek@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается понятие исламского банкинга и содержание данной категории, приведены позиции различных ученых по настоящему вопросу. Также отмечаются основные принципы исламского банкинга и их характеристики. В заключении делается вывод, что в целом исламский банкинг представляется нам как система, выполняющая функционал банковской, которая соответствует духу, этике и системе ценностей ислама и руководствуется принципами, установленными исламским шариатом, а именно: запретом рибы, при том, что риба вовсе не действие, риба – это событие, представляющее собой получение кредитором от должника несоизмеримо большей суммы в качестве встречного предоставления за некий актив; ограничением (но не запретом) гарара. Гарар представляет собой риск или неопределенность, связанную с недостаточной осведомленностью, джахлем, относительно существования обмениваемых взаимных ценностей, либо джахлем относительно характеристики обмениваемых взаимных ценностей, их вида, количества, или о дате будущего исполнения, если таковые имеются, либо джахлем относительно поведения сторон при осуществлении сделки; запретом майсир, где майсир представляет собой азартную игру, пари и т. д., т. е. ситуацию, когда прирост имущества у одной из сторон сделки происходит исключительно по воле случая.

Ключевые слова

исламский банкинг, понятие, содержание его принципов

Для цитирования

Абдиримов А. Ф. Понятие и содержание категории «исламский банкинг» // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 23–34. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-23-34

The Concept and Content of the Category “Islamic Banking”

Alexander F. Abdirimov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

sashka.chelovek@mail.ru

Abstract

This article examines the concept of Islamic banking and the content of this category, and presents the positions of various scientists on this issue. The basic principles of Islamic banking and their characteristics are also noted. In conclusion, it is concluded that, in general, Islamic banking appears to us as a system that performs the functionality of banking, which corresponds to the spirit, ethics and value system of Islam and is guided by the principles established by the Islamic Sharia, namely, the prohibition of riba, despite the fact that riba is not an action at all — riba is an event that represents a creditor receiving from the debtor of a disproportionately large amount as a counter-provision for a certain asset; limitation (but not prohibition) of the loan. Garar is a risk or uncertainty associated with insufficient awareness, jahl, regarding the existence of exchanged mutual values, or jahl regarding the characteristics of exchanged mutual values, their type, quantity, or the date of future execution, if any, or jahl regarding the behavior of the parties

© Абдиримов А. Ф., 2025

in the transaction; the prohibition of Maisir, where maisir is a gambling a game, a bet, etc., that is, a situation where the increase in property of one of the parties to the transaction exclusively occurs by chance.

Keywords

Islamic banking, the concept, the content of its principles

For citation

Abdirimov A. F. The concept and content of the category "Islamic banking". *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 23–34. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-23-34

Обращаясь к термину «исламский банкинг», необходимо отметить, что нет ни просто единого подхода к пониманию сущности и содержания этой категории, нет даже единого подхода к термину, который описывает сущность исследуемого явления: исламский банкинг, исламские финансы, исламские финансовые институты. Иностранные исследователи отмечают, что причины различного подхода к определению указанного термина заключаются в трансформации исследуемого сектора экономики: в настоящий момент институциональная банковская деятельность сдвигается от исключительного осуществления классических банковских операций к финансированию в целом, поглощая те финансовые сферы, которые ранее охватывались деятельностью инвестиционных компаний и различных небанковских посредников [1].

Николас Х. Д. Фостер отмечает, что основы исламского финансирования строятся на потребности правоверных мусульман вести свои дела в соответствии с шариатом, используя такие виды операций, которые, в частности, не противоречат запрету риба (неприемлемой прибыли, ростовщического процента), запрету гарар (неприемлемый уровень риска), майсир (азартные игры) и запрету осуществлять операции в отдельных сферах хозяйствования – виноделие, свиноводство и т. д. [2, с. 174]. Указанный автор не разделяет понятия «исламское финансирование» и «исламский банкинг», использует их как тождественные, синонимичные. Не отождествляя исламский банкинг и исламскую финансовую систему, Р. И. Беккин определяет последнюю как совокупность методов и механизмов финансирования, позволяющих осуществлять экономическую деятельность без нарушения базовых принципов, сформулированных в шариате (мусульманском праве) [3, с. 3].

М. С. Алискеров выделяет понятие исламского квазибанковского института, суть которого заключается в оказании широкого перечня финансовых услуг юридическим и физическим лицам, но такая квазибанковская организация в отличие от классического банка не имеет полноценной лицензии со стороны центрального банка государства. Указанный автор отмечает, что исламская этика предпринимательской деятельности призвана противодействовать появлению злоупотреблений и неравенства в ходе осуществления хозяйствования. В этой связи исламские банки вызывают у потребителя больше доверия, нежели классические банки, повышают уровень предопределенности в деятельности хозяйствующих субъектов и распределении результата экономической деятельности. Исламские финансовые компании обладают гибкостью при обслуживании своих клиентов и могут кастомизировать набор оказываемых услуг [4, с. 12].

Наиболее распространенный подход к соотношению терминов «исламское финансирование» и «исламский банкинг» – это общее и частное. А. А. Х. Аль-Аззави отмечает, что к исламским финансовым институтам можно отнести финансовые компании, которые реализовывают исламскую финансовую модель, основанную на комплексе методов, механизмов и инструментов финансирования, позволяющих осуществлять финансовую деятельность в соответствии с базовыми принципами исламского права – нормами шариата.

Указанный автор пишет, что в исламской финансовой системе сосуществуют следующие ключевые сегменты:

- 1) исламские банки и финансовые компании;
- 2) операторы рынка такафул (страховые компании);
- 3) фонды;

- 4) операторы рынка сукук (сертификатов долевого участия, облигаций);
- 5) регулирующие органы [5, с. 17].

Если же говорить именно о термине «исламский банкинг», то в отечественной научной среде этот термин раскрывается неоднородно. Западные исследователи пишут, что исламский банкинг предоставляет коммерческие услуги, которые сочетаются с религиозными догмами ислама и представляют собой сервисы для потребителей, свободные от «рибы», т. е. от процентов и именно этот запрет делает исламский банкинг фундаментально отличающимся от обычного (конвенционального) банкинга [6, с. 31]. В своей совместной работе И. Тенберга, А. Д. Рудковас и Д. Я. Примаков отмечают, что под исламским банковским делом (исламским банкингом) понимают банковскую деятельность, осуществляемую на беспроцентной основе, опирающуюся на предписания шариата [7, с. 73].

Д. ван Шейк рассматривает исламский банкинг как форму современного банковского дела, основанную на исламских правовых концепциях, разработанных в первые века ислама, использующую разделение рисков в качестве основного метода и исключающую финансирование, основанное на фиксированной, заранее установленной доходности [8, с. 50].

Согласно определению Т. В. Фурсовой, исламские банки – это банки, предлагающие услуги, соответствующие принципам ислама, согласно которым взимать проценты недопустимо, а все сделки должны отвечать законам шариата, вместо этого предполагается, что исламские банковские операции представляют собой сделки реального сектора, которые заключаются в совладении активом, продажей актива с надбавкой в рассрочку и т. д. [9, с. 103]. Е. А. Исаева полагает, что исламский банкинг представляет собой один из компонентов исламской экономики (наряду с исламским страхованием и исламскими финансами), особенный способ ведения банковской деятельности, основанный на религиозных правилах шариата, совокупность методов и механизмов, альтернативных процентному финансированию [10, с. 142].

Отдельные мусульманские исследователи делают упор на том, что исламский банкинг основан на принципе беспроцентности, на механизме разделения рисков, где заимодавец выступает в большей степени как венчурный инвестор нежели как классический кредитор и призывают рассматривать исламский банкинг как ординарную бизнес-активность [11, с. 1079]. Мухаммад Узаир писал, что, раскрывая содержание термина «исламский банкинг», следует помнить о двух аксиомах: первая аксиома заключается в том, что проценты во всех их формах запрещены Кораном. Из этого также следует, что нет места и оснований для введения различных толкований термина «риба», как это пытались сделать некоторые ученые. Вторая аксиома заключается в том, что мусульманское общество в исламском государстве искренне заинтересовано в искоренении процентов и искренне заинтересовано во внедрении системы беспроцентного банковского обслуживания не в качестве дополнения к существующей системе банковского обслуживания, а в качестве ее замены. Это означает, что члены общества и государства не только заинтересованы в изменениях, но и готовы нести неудобства и трудности, связанные с отказом от классического банковского сервиса [12, с. 247]. Отметим, что с позиции беспроцентности исламский банкинг рассматривают преимущественно экономисты, которые в своих работах сравнивают устойчивость и стабильность исламской банковской сферы относительно «западной» конвенциональной модели банкинга [13, с. 111]. Мохаммед Афзал писал, что начиная с 70–80-х годов прошлого века на фоне бурного всплеска исламского фундаментализма в Иране, Пакистане и Афганистане произошла реставрация беспроцентных банковских институтов. Многие умеренные мусульманские правительства начали адаптироваться к вновь возросшему значению религии и стали возвращаться к традиционным мусульманским институтам, предпочитая их колониальным западным, что привело к росту количества научных исследований, ставящих цель обосновать большую устойчивость и адаптивность «свободной от процента» банковской сферы [14, с. 110].

В этой связи нельзя не уделить внимание тому, что представляет собой «процент», или «риба», согласно мусульманским нормам шариата. Отечественные авторы определяют это

понятие как запрет на ссудный процент, ростовщичество и любое необоснованное приращение капитала при осуществлении торговых и финансовых операций, под которые подпадает любая заранее определенная ставка, зависящая от сроков и размера кредита и не зависящая от успешности инвестирования [15, с. 258]. А. А. Татуев и К. А. Кундетова определяют рибу как ростовщичество или в узком смысле извлечение чрезмерной выгоды из денежной ссуды путем эксплуатации затруднительного положения должника, а в широком смысле – как любую договорную сделку, при которой происходит несоразмерное оказываемой услуге обогащение вследствие нужды или стесненного положения другой стороны [16, с. 67].

Исламские авторы подчеркивают, что риба – это очень широкий термин, который имеет порядка семидесяти различных значений, но процент при этом является ключевым значением рассматриваемого термина, очень важным и основным элементом. Фактически процент и риба являются взаимозаменяемыми терминами в исламском праве и множество авторов в своих работах пренебрегают широтой термина «риба» и используют его только как обозначающее процент явление [17, с. 415]. Х. Харассани отмечает, что если акцентироваться только на основных источниках исламского права, то рибу как превышение или увеличение дохода при торговле определенными товарами или выполнении определенных операций можно разделить на две основные категории: «риба аль-фадль», или ростовщичество контрактное, и «риба ан-насиа», или ростовщичество заемное (кредитная риба). Кредитная риба представляет собой премию, которую заемщик должен уплатить кредитору вместе с основной суммой долга в размере, представляющую собой условие, необходимое для выдачи и получения кредита и/или продления срока его погашения [17, с. 417].

При этом достаточно очевидно, что в основе любой торговой операции уже лежит некая прибавочная стоимость, некая выгода. Если выдача денежных средств «в рост» достаточно очевидно считывается из Корана всеми богословами, то относительно «риба аль-фадль» мусульманские авторы не находят консенсуса по этому вопросу. Истоки запрета этого вида прироста исходят из следующего хадиса пророка Мухаммада: «Золото за золото, серебро за серебро, пшеницу за пшеницу, ячмень за ячмень, сушёные финики за сушёные, соль за соль, [а также всё] подобное за подобное [следует продавать, передавая] равное [количество] за равное из рук в руки. Если же виды этих [товаров] отличаются друг от друга, продавайте, как хотите [при условии, что товар будет передан] из рук в руки». Фактически богословы трактуют это как полный запрет на торговлю эквивалентными товарами, а также как запрет на не прямые сделки (сделки не руки в руки), в том числе производные финансовые инструменты. Логика запрета таких сделок объясняется тем, что если она совершена не одновременно, то в силу рыночной конъюнктуры она может быть перестать выгодной для одной из сторон в будущем (плохой урожай пшеницы сделает ее дороже того объема серебра, о котором стороны договорились заранее – продавец пшеницы получает рибу) [18, с. 81]. Сделки, описанные пророком Мухаммадом, в виде обмена эквивалентного товара разных мер представляют собой товарный кредит, что является в той же степени ростовщичеством, что и выдача денег под процент. Риба аль-фадль представляет собой лишь запрет несправедливых сделок, когда сам прирост достигается нечестным путем, например, посредством обмана неискушенного новичка на рынке или посредством использования подставного участника торгов [19, с. 11]. Однако с точки зрения исламской морали несправедливой является любая форма обогащения, в том числе и указанный ранее неравноценный обмен.

Нам полагается, что риба представляет собой получение кредитором от должника в качестве встречного предоставления за некий актив несоразмерно большей суммы, чем основная или действительная стоимость переданного должнику актива, имеющая место в случае займа или обмена товарами. Риба – это получение несоразмерной лично вкладу кредитора в актив денежной суммы, «легкой прибыли», которую одна сторона получает от другой в силу независящих обстоятельств. Слово «риба» можно перевести и как «прирост», что в большой степени отражает ее как событие, а не как деятельность. Термин «риба» нередко переводится как уста-

ревшее слово «лихва», которое по смыслу в полной мере отражает суть исследуемого явления. Лихва, согласно С. А. Тихомирову, представляет собой как прибыль с отданного займа капитала, т. е. процент, так и равно любая корыстная прибыль, чрезмерная прибыль при денежных расчетах [20, с. 99].

Запрет рибы обосновывается тем, что она приводит к несправедливости или эксплуатации нуждающихся людей – до распространения ислама на Аравийском полуострове процентные займы были широко распространены, и дефолт должника приводил к его долговому рабству. В этом плане ислам, получивший широкое распространение за счет в том числе и идеи о том, что мусульманина, рожденного свободным, невозможно обратить в рабство в том числе и за долги, не мог не отвергать идею процентного займа. Нельзя не согласиться с И. Тенбергой в том, что соблюдение запрета «риба» как, с одной стороны, религиозно-этического восприятия, а с другой стороны, правового ограничения, является главным способом идентификации банка как исламского независимо от его государственной принадлежности. Отказ от процентных сделок является для исламских финансовых учреждений определяющим и имеющим форму *ius cogens*, к которому необходимо относиться как к религиозно-правовому явлению, не подпадающему под формальные разъяснения, как это можно наблюдать при обосновании экономической природы процента в стиле западных научных теорий [21, с. 86].

Однако многие исламские исследователи отмечают, что исламский банкинг – больше чем просто запрет процентных сделок.

Другой заслуживающей внимания проблемой является недопустимость неоправданного (чрезмерного) риска в бизнесе, именуемого гараром (*gharar*). Как отмечается А. Н. Кузнецовой и И. Тенбергой, запрет на гарар не имеет однозначного понимания в школах исламского права: либо запрет приводящего к «скрытым» последствиям, либо к неизвестным последствиям, либо к альтернативным последствиям – общего ответа нет. Данные исследователи под гараром понимают значительную неопределенность, возникшую по причине объективного незнания, т. е. в связи с недостаточной информированностью обеих сторон сделки, не связанной с их действием или бездействием. Они отмечают, что нельзя уравнивать гарар и риск в полной мере, поскольку риск свойствен торговле в целом, но стороны при заключении сделки могут опираться на статистические данные, объективные параметры, неопределенность возникает при невозможности предугадать вероятность наступления того или иного события [22, с. 180]. В развитие вышеуказанной мысли мы также должны подчеркнуть, что торговля в исламе не запрещена и даже активно поощряется, из чего следует вывод о дозволенности и правомерности риска и рискованной деятельности. Если вышеуказанные авторы понимали гарар как объективную и двухстороннюю неопределенность, то Р. И. Беккин писал, что гарар представляет собой информационную асимметрию, выражающуюся в том, что одна из сторон недостаточно осведомлена о предмете договора и потому несет неоправданно высокий риск. Смысл запрещения гарара в исламской экономике – предотвратить несправедливое преобладание одной стороны над другой, выражающееся в приобретении ею интерналий, или выгод, не отраженных в контракте.

Р. И. Беккин также отмечает, что гарар не следует воспринимать как синоним риска, поскольку любому виду предпринимательской деятельности сопутствуют риск и неопределенность. Но одно дело – неизбежный предпринимательский риск, другое – сделки, в результате которых хотя бы одна из сторон принимает на себя неоправданный риск и может при этом потерпеть убыток. Иными словами, все зависит от того, что понимать под гараром. Если гарар трактовать как любой риск, то следует отдавать себе отчет в том, что он присущ контрактным отношениям. Если же рассматривать гарар как чрезмерный риск, то оценка его чрезмерности в современных контрактах относится к исключительной компетенции мусульманских правоведов [23, с. 28].

Махмуд Эль-Гамаль предпочитал переводить гарар как риск, а сделки, основанные на гараре (бай аль-гарар), – как рисковую торговлю. Ссылаясь на хадисы богослова Эль-Андалуси, данный автор отмечает запрет Пророком таких бай аль-гарар, основу предмета которых

составляет гарар. Однако минимальный гарар, или ясир, есть в каждой сделке и не бывает полностью свободных от гарара сделок. И если гарар минимален, то сделка будет признана действительной, но если гарар избыточен, то тогда это гарар-фахиш, и сделка будет порочна и противоречить исламской этике [24, с. 45].

Мохаммед Нур описывает, что наличие гарара в сделке можно определить по простой формуле: неопределенность как в предмете, так и в цене может привести к появлению гарара, если бы при заключении сделки стороны могли адекватно описать предмет и четко зафиксировать цену, что устранило бы спекулятивный риск и исключило бы гарар. Данный исследователь отмечает, что гарар может проявляться в контрактах как джахль т. е. недостаток знаний/ невежество (jahl) относительно существования обмениваемых взаимных ценностей, а также как джахль относительно характеристики обмениваемых взаимных ценностей, их вида, количества или даты будущего исполнения, если таковые имеются, и также джахль относительно поведения сторон при осуществлении сделки. Гарар, например, возникает у сторон при заключении ими будущей сделки, когда нет четкой уверенности относительно того, возникнет ли имущественное благо, выступающее предметом обязательства, или не возникнет [25, с. 122].

Ахтер Уддин, малазийский исследователь, отмечает, что гарар в исламе относится к любой сделке с объектами в существовании или описании которых нет уверенности из-за недостатка информации и знаний о таком объекте, конечном результате договора или о характере и качестве его предмета. Он также пишет о том, что все ученые согласны с тем, что в каждой сделке содержится определенное количество гарара, но они начинают расходиться во мнениях, когда речь заходит об уровне гарара, содержащемся в каждой из них – гарар-ясир ли в сделке или гарар-фахиш. Примером гарар-фахиш может служить продажа неродившегося приплода у скота или продажа будущего урожая до того, как станет очевидно созревание урожая [26]. А. Р. Аль-Саати также пишет, что некоторые исламские юристы разрешают такие гарарские сделки, в которых гарар легок или существует необходимость в этой сделке, при условии, что эта необходимость является как общей, так и конкретной, и от данной сделки есть польза (маслаха) [27, с. 4].

Вышеупомянутые в контексте противоречащие запрету рыбы деривативы также не проходят через ценз гарара, поскольку имеют слишком высокий уровень гарара, настолько высокий, что даже если в их основе лежит реальный актив, то момент его приобретения, цена, которая подлежит уплате за него, становится в высшей степени неопределенной. Можно также отметить, что в традиционном страховании страховая премия, выплачиваемая страхователями, и возмещение, предоставляемое страховщиком в случае возникновения страхового случая, в равной степени неопределенны, что делает традиционное страхование несоответствующим требованиям догм исламского права – это обосновывает необходимость создания иных шариатских форм страхования, такафула. Фактически ислам содержит запрет известных романо-германской правовой семье алеаторных сделок, где размер взаимных предоставлений зависит от событий, относительно которых сторонам неизвестно, наступят они или нет, либо неизвестен момент их наступления.

Подчеркнем, что ислам не содержит безусловного запрета гарара, но содержит запрет чрезмерного гарара, лежащего в основе предмета сделки. Гарар-фахиш действительно запрещается в исламе, но богословы, правоведы, экономисты понимают, что без гарар-ясира невозможна торговля в принципе.

Третий столп исламской финансовой системы – это запрет майсир. Майсир дословно переводится как азартная игра. Термин «азартные игры» в исламских финансах определяется как «любая сделка, проводимая двумя сторонами с целью владения определенным активом или услугой, которая приносит выгоду одной стороне и вред другим, связывая конкретную транзакцию с действием или событием». Азартные игры в исламе практически запрещены, включая пари, лотереи и любые виды азартных игр, которые определяет майсир или кимар как «игру, в которой каждый участник стремится победить своего партнера, чтобы завладеть имуществом, предоставленным победителю». М. И. С. Михаджат пишет, что на первый

взгляд азартные игры очевидно выходят за сферу банкинга, но многие богословы расценивают спекуляции на рынках ценных бумаг сделками майсир. Некоторые наблюдатели считают спекуляцию и азартную игру синонимами, в частности, большинство экономистов используют для описания азартной деятельности спекуляции на фондовом рынке. Некоторые говорят, что инвестирование в ценные бумаги означает азартную игру в будущем [28, с. 13].

Майсир в любом случае должен соответствовать ряду критериальных признаков: наличие предмета пари у обоих игроков, наличие игры, которая используется для определения победителя и проигравшего, а также условие о том, что победитель получит собственность (часть/целое), которая является лучшей, в то время как проигравший потеряет свою собственность, на которую была сделана ставка.

При этом опять же возникает вопрос: какова разница между гараром как рискованной сделкой и майсиром. Ответ не лежит на поверхности, поскольку в майсире тоже очевиден элемент гарара. Однако в науке исламского права наиболее распространен подход о том, что в майсир играют ради самой игры, в то время как в бай аль-гарар риск не является самоцелью, а, скорее, негативным сопутствующим эффектом. Бай аль-гарар имеет реальную ценность, в то время как ценность майсира – это исключительно победа в пари над оппонентом с целью завладения богатств проигравшего [29].

Исламские ученые отмечают, что нельзя сводить исламский банкинг к идее о том, что это тот же конвенциональный банкинг, но обусловленный запретом рибы и получения прибыли из нематериальных денежных операций. Исламский банкинг шире, чем просто трансформация обычного денежного кредитования в операции, основанные на материальных активах и реальных услугах. Модель исламской банковской системы должна приводить к созданию системы, которая помогает достичь экономического процветания всей общины, что в какой-то степени прослеживается в развитых монархиях Персидского залива. Исследователи шариата отмечают, что помимо прочего исламский банкинг должен соответствовать этическим нормам и мусульманской морали – помощь в достижении «макасид-аль-шариа» – социальной справедливости, равенства, справедливости, заботы об общественной нравственности и общественном благосостоянии. Муххамад Омар Фарух, профессор экономики из Бангладеш, указывает, что в этом соответствии и вовсе заложена метафизическая роль всей исламской системы. Цель любого мусульманина – обеспечить спасение своей души, прожить достойную жизнь в соответствии с принципами ислама, не совершая никакой несправедливости и помогая ее устанавливать. Согласно данному автору, экономика, которая концентрирует имущественные активы в руках привилегированной группы людей, не может считаться по-настоящему исламской [30, с. 36]. Это обязывает исламские банковские учреждения к инвестированию в реальный сектор экономики и благотворительности, даже если это может привести к потере прибыли. В исламском правоведении отдельными авторами отмечается, что исламские финансовые инструменты в основном основаны на специфике облигаций (в особенности сукук), что не помогает финансовой системе смягчить несправедливость, неправильное распределение ресурсов и неравенство. Отмечается, что исламские банки в настоящий момент обращают большее внимание на форму, нежели содержание, копируя западные финансовые инструменты и лишь придавая им вид правомерности или изыскивая обходные пути для классификации как «халяль» спорных финансовых операций. В качестве примера такого вестернизированного и неэтичного подхода приводится решение шариатского совета Малайзии, который разрешил продажу шорт колл (short call), т. е. продажу права на заключение договора на покупку [31, с. 98].

Исламский банкинг, более общий термин, основан не только на том, чтобы избежать процентных операций, запрещенных исламским шариатом, но и на том, чтобы избежать неэтичных и несоциальных практик. Нельзя сказать, что любой беспроцентный заем содержательно представляет собой операцию исламского банкинга, но отсутствие процента действительно стало важным элементом в разграничении исламского банкинга от какого-либо иного. Отметим также, что многие исследователи смешивают исламское финансирование и исламский

банкинг, поскольку вся исламская экономика пронизана одинаковыми принципами, а раскрытие сущности исламского банкинга возможно только через раскрытие принципов.

Подчиненность исламского банкинга вышеназванным принципам, а равно получение кредитором иного положительного для себя экономического эффекта, нежели чем прибыль от процентов, позволяет рассматривать исламский банкинг как особую форму инвестирования в деятельность должника. Осуществляемое исламскими банками предоставление сообразно сущности категории «инвестиция»: имущество, не изъятое из гражданского оборота, принадлежащее инвестору и вкладываемое в результате совершения сделки в объект инвестиционной деятельности, и при том соответствующее экономической сущности инвестиции как затрат на увеличение капитала [32, с. 44].

Содержание контрактов, используемых сторонами отношений в сфере исламского банкинга, также соотносится с теми видами гражданско-правовых договоров, которые в науке называют «договоры, имеющие инвестиционный характер»: строительный подряд, договор купли-продажи, финансовая аренда [33, с. 35]. Ключевые инструменты исламского банкинга представляют собой известные отечественному праву договоры, инвестиционный характер которых очевиден. Мурабаха – двухкомпонентный договор купли-продажи, при котором банк на собственный капитал приобретает некий актив для последующей перепродажи его должнику, но с увеличением стоимости такого актива. Объект мурабахи может быть классифицирован в качестве инвестиции, поскольку инвестор осуществляет затраты на его приобретение и его отчуждение способно принести инвестору прибыль. Иджара, представляющая собой «исламский лизинг», также является инвестиционной деятельностью, поскольку приобретенный объект передается в пользование должнику за уплату периодических платежей, в которые включена норма прибыли.

Таким образом, следует указать на то, что в целом исламский банкинг представляется нам как система, выполняющая функционал банковской системы и которая соответствует духу, этике и системе ценностей ислама. Деятельность в сфере исламского банкинга имеет признаки инвестиционной деятельности, а контракты, являющиеся инструментами исламского банкинга, можно классифицировать как инвестиционные. На уровне основных начал исламский банкинг существенно отличается от классического (конвенционального) банкинга тем, что исламские банки руководствуются принципами, установленными шариатом, а именно:

1. Запретом рыбы, при том, что рыба вовсе не действие, рыба – это событие. Рыба представляет собой получение кредитором от должника несоизмеримо большей суммы в качестве встречного предоставления за некий актив. При том что переданная сумма должна быть несоизмеримо больше, чем основная или действительная стоимость переданного должнику актива, имеющая место в случае займа или обмена товарами. Рыба – это получение несоразмерной личному вкладу кредитора в актив денежной суммы, «легкой прибыли», которую одна сторона получает от другой в силу независящих обстоятельств.

2. Ограничением (но не запретом) гарара. Гарар представляет собой риск или неопределенность, связанные с недостаточной осведомленностью, джахлем, относительно существования обмениваемых взаимных ценностей, либо джахлем относительно характеристики обмениваемых взаимных ценностей, их вида, количества или о дате будущего исполнения, если таковые имеются, либо джахлем относительно поведения сторон при осуществлении сделки. Гарар как риск присутствует в каждой сделке, но предмет запрещенной шариатом бай-аль-гарар (бай-аль-факиш) должен быть тесно связан с гараром и выгода сделки во многом будет зависеть только от него.

3. Запретом майсир, где майсир представляет собой азартную игру, пари и т. д., т. е. ситуацию, когда прирост имущества у одной из сторон сделки исключительно происходит по воле случая. Майсир можно, с одной стороны, назвать частным случаем гарара, поскольку они оба основаны на риске, но с другой стороны, у майсира есть несколько важных особенностей. В бай-аль-гарар риск занимает ключевую роль как средство достижения выгоды, но не явля-

ется самоцелью. Цель сделки-майсир – это участие в игре, победа и приобретение имущества проигравшего.

Список литературы

1. **Hassan M. K., & Lewis M. K.** Handbook of Islamic Banking. Islamic banking: An introduction and overview. MPG Books Ltd, 2007. P. 1.
2. **Foster Nicholas H. D.** Islamic Finance Law as an Emergent Legal System // Arab Law Quarterly. 2007. Vol. 21, no. 2. P. 174.
3. **Беккин Р. И.** Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 3.
4. **Алискеров М. А.** Формирование и развитие исламских квазибанковских институтов на международном рынке финансовых услуг: дис. ... канд. экон. наук. М.: Казан. (При-волжский) федер. у-т, 2021. С. 12.
5. **Аль-Аззави А. А. Х.** Развитие механизма повышения эффективности исламских финансовых институтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. М.: РЭУ им. Плеханова, 2020. С. 17.
6. **Kettel B.** Introduction to Islamic Banking and Finance. CPI Antony Rowe, Chippenham, Wiltshire, 2011. P. 31.
7. **Тенберга И., Рудоквас А. Д., Примаков Д. Я.** Правовая основа деятельности исламских банков // Закон. 2021. № 6. С. 73.
8. **Van Schaik, D.** Islamic banking. // Bank Management. The Arab Bank Review 2001. Vol. 3, no. 1. P. 45–52.
9. **Фурсова Т. В.** Исламское финансирование, как альтернативная финансовая система // Форум. 2021. № 3 (23). С. 102–105.
10. **Исаева Е. А.** Исламский банкинг: основные правила и принципы, перспективы развития в современных условиях // Финансовые рынки и банки. 2023. № 6. С. 142.
11. **Zuberi H. A.** Interest Free Banking and Economic Stability // The Pakistan Development Review, Vol. 31, No. 4, Papers and Proceedings PART II Eighth Annual General Meeting of the Pakistan Society of Development Economists Islamabad, January 7–9, 1992 (Winter 1992), p. 1079.
12. **Uzair M.** Some conceptual and practical aspects of interest-free banking // Islamic Studies. 1976. Vol. 15, no. 4. P. 247.
13. **Sattar Z.** Interest-free economics and the islamic macroeconomic system // Pakistan Economic and Social Review. 1989. Vol. 27, no. 2. P. 109–138.
14. **Afzal Mohammad.** Theory and practice of islamic banking // Pakistan Economic and Social Review. 1993. Vol. 31, no. 2. P. 110.
15. **Ахтямов Н. С.** Исламская экономическая модель: концептуальные и теоретические основы // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 15(116). С. 258.
16. **Татуев А. А., Кундетова К. А.** Рiba – обязанность или право // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 37. С. 67.
17. **Khan M.** Islamic Banking Practices: Islamic Law and Prohibition of Ribā // Islamic Studies. 2011. Vol. 50, no. 3/4. P. 417.
18. **Haque Z.** Some forms of ribā al-faḍl in trade and commerce // Islamic Studies. 2007. Vol. 22, no. 4. P. 81.
19. **Chapra M. U.** The nature of riba in Islam // Millah: Journal of Religious Studies. 2008. Vol. 8, no. 1. P. 11.
20. **Тихомиров С. А.** Феномены «Роста» и лихвы в литературе, культуре и коммуникации // Ценности и смыслы. 2013. № 2 (24). С. 99.

21. **Тенберга И.** Запрет незаконного роста («риба») как основа отказа от взимания и выплаты процента в исламском банковском деле // Закон. 2017. № 4. С. 86.
22. **Кузнецова А. Н., Тенберга И.** Купля-продажа и запрет неопределенности (гарар) в исламской традиции // Правоведение. 2022. Т. 66, № 2. С. 180.
23. **Беккин Р. И.** Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 28.
24. **El-Gamal M.** An economic explication of the prohibition of gharar in classical Islamic jurisprudence // *Islamic Economic Studies*. 2001. Vol. 8, no. 2. 2001. P. 29–58.
25. **Mohammed N.** Principles of Islamic Contract Law // *Journal of Law and Religion*. 1998. Vol. 6, no. 1. P. 122.
26. **Uddin Md Akther**, Principles of Islamic Finance: Prohibition of Riba, Gharar and Maysir // MPRA Paper No 67711, University Library of Munich, 2015. Germany. Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/67711/>.
27. **Al-Saati A.** The permissible gharar (risk) in classical Islamic jurisprudence. // *Journal of King Abdulaziz University: Islamic Economics*, 2003. Vol. 16, no. 2. P. 4.
28. **Mihajat M. I. S.** Contemporary practice of Ribā, Gharar and Maysir in Islamic banking and finance // *International Journal of Islamic Management and Business*. 2016. Vol. 2, №. 2. P. 13.
29. **Kuyateh M. A.** Shariah Compliance Prohibitions in Islamic Banking and Finance: The Case of Riba, Gharar and Maysir // *Journal of Islamic Banking & Finance*. 2022. Vol. 39. №. 1;
30. **Farooq M. O.** Three Orientations: Some Meta-metrics for Assessing Islamic Finance // *Materials of 4th BAFF Islamic Finance Conference 2024*. Dakka, Bangladesh, 2024. P. 36–37.
31. **Siddique M. Z., & Iqbal M.** Theory of islamic banking: from genesis to degeneration // *History of Economic Ideas*. 2016. Vol. 24, no. 2. P. 98.
32. **Лисица В. Н.** Инвестиционное право. М-во образования и науки РФ; Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т. Новосибирск, 2015. 247 с.
33. **Лисица В. Н.** Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования инвестиционных отношений // *Юридическая наука и практика*. 2023. Т. 19, № 1. С. 32–38

References

1. **Hassan M. K., Lewis M. K.** Handbook of Islamic Banking. Islamic Banking: An Introduction and Review. 2007. MPG Books Ltd, p. 1.
2. **Foster Nicholas H. D.** “Islamic Financial Law as an emerging legal system”. *Arab Law Quarterly*, 2007, vol. 21, no. 2, p. 174.
3. **Bekkin R. I.** Islamic financial institutions and instruments in Muslim and non-Muslim countries: features and prospects of development: abstract. dis... doct. economy. Sciences: 08.00.14 – World Economy. Moscow, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2009, p. 3.
4. **Aliskerov M. A.** Formation and development of Islamic quasi-banking institutions in the international financial services market: dissertation of the Candidate of Economics. Sciences: 08.00.14 – World Economy. Moscow, 2021, Kazan (Volga Region) Federal, p. 12.
5. **Al-Azzawi A. A. H.** Development of a mechanism for improving the efficiency of Islamic financial institutions in Russia: dis. ... cand. Jurid. Sciences: 08.00.10 – Finance, money circulation and credit. Moscow, 2020, Russian University of Economics. Plekhanova, p. 17.
6. **Kettel B.** Introduction to Islamic Banking and Finance. 2011. Anthony Rowe Consumer Price Index, Chippenham, Wiltshire, p. 31.
7. **Tenberga I., Rudokvas A. D., Primakov D. Ya.** The legal basis for the activities of Islamic banks. *Law*. 2021, no. 6, p. 73.
8. **Van Shaik, D.** Islamic banking. *Banking management. The Arab Bank Review*, 2001, vol. 3, no. 1, pp. 45–52.

9. **Fursova T. V.** Islamic finance as an alternative financial system. *Forum*, 2021, no. 3(23), pp. 102–105.
10. **Isaeva E. A.** Islamic banking: basic rules and principles, development prospects in modern conditions. *Financial markets and banks*, 2023, no. 6, p. 142.
11. **Zuberi H. A.** Interest-free banking and economic stability. *Review of the development of Pakistan*, Vol. 31, No. 4, Documents and Materials, PART II of the Eighth Annual General Meeting of the Pakistan Society of Development Economists, Islamabad, January 7–9, 1992 (winter 1992), p. 1079.
12. **Uzair M.** Some conceptual and practical aspects of interest-free banking. *Islamic Studies*, 1976, vol. 15, no. 4, p. 247.
13. **Sattar Z.** Interest-free economics and the Islamic macroeconomic system. *Pakistan Economic and Social Review*, 1989, vol. 27, no. 2, pp. 109–138.
14. **Afzal Mohammad.** Theory and practice of Islamic banking. *Pakistan Economic and Social Review*, 1993, vol. 31, no. 2, p. 110.
15. **Akhtyamov N. S.** Islamic economic model: conceptual and theoretical foundations. *Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Right*, 2013, no. 15(116), p. 258.
16. **Tatuev A. A., Kundetova K. A.** Riba – duty or right. *Issues of modern jurisprudence*, 2014, no. 37, p. 67.
17. **Khan M.** The practice of Islamic banking: Islamic law and the prohibition of Riba. *Islamic Studies*, 2011, vol. 50, no. 3/4, p. 417.
18. **Haq Z.** Some forms of riba al-fall in trade. *Islamic Studies*, 2007, vol. 22, no. 4, p. 81.
19. **Chapra M. U.** The nature of riba in Islam. *Millah: Journal of Religious Studies*, 2008, vol. II. 8, no. 1, p. 11.
20. **Tikhomirov S. A.** Phenomena of “Growth” and excess in literature, culture and communication. *Values and meanings*, 2013, no. 2 (24), p. 99.
21. **Tenberga I.** Prohibition of illegal growth (“riba”) as a basis for refusing to charge and pay interest in Islamic banking. *Law*, 2017, no. 4, p. 86.
22. **Kuznetsova A. N., Tenberga I.** Purchase and sale and prohibition of uncertainty (garar) in the Islamic tradition. *Pravovedenie*, 2022, vol. 66, no. 2, p. 180.
23. **Bekkin R. I.** Islamic financial institutions and instruments in Muslim and non-Muslim countries: features and prospects of development: abstract. dis... doct. economy. Sciences: 08.00.14 – World Economy. Moscow, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2009, p. 28.
24. **El-Gamal M.** The economic explanation of the prohibition of gharar in classical Islamic jurisprudence. *Islamic Economic Studies*, 2001, vol. II. 8, no. 2, pp. 29–58.
25. **Mohammed N.** Principles of Islamic Contract Law. *Journal of Law and Religion*, 1988, vol. 6, no. 1, p. 122.
26. **Uddin MD,** Actor, Principles of Islamic Finance: Prohibition of Riba, Garar and Maisir. *MPRAA Document No. 67711*, University Library of Munich, 2015. Germany. Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/67711/>.
27. **Al-Saati A.** Permissible gharar (risk) in classical Islamic jurisprudence. *Journal of King Abdulaziz University: Islamic Economics*, 2003, vol. 16, no. 2, p. 4.
28. **Mihajat M. I. S.** Modern practice of Riba, Garar and Maisir in Islamic banking and Finance. *International Journal of Islamic Management and Business*, 2016, vol. 2, no. 2, p. 13.
29. **Kuyatekh M. A.** Prohibitions on compliance with Sharia law in Islamic banking and finance: the case of Riba, Garar and Maisir. *Journal of Islamic Banking and Finance*, 2022, vol. 39, no. 1.
30. **Faruk M. O.** Three directions: some metametrics for evaluating Islamic Finance. *Proceedings of the 4th BAFF Conference on Islamic Finance 2024*, Dhaka, Bangladesh, pp. 36–37.
31. **Siddiq M. Z., Iqbal M.** The theory of Islamic banking: from origin to degradation. *History of Economic Ideas*, 2016, vol. 24, no. 2, p. 98.

32. **Lisitsa V. N.** Investment Law. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Novosibirsk National Research State University. Novosibirsk, 2015, 247 p.
33. **Lisitsa V. N.** Civil Law Means in the Mechanism of Legal Regulation of Investment Relations. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 32–38.

Информация об авторе

Абдиримов Александр Фахрадинович, аспирант Института философии и права Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Alexander F. Abdirimov, Postgraduate Student, Institute of Philosophy and Law of the Department of Civil Law, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 09.02.2025;
одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 21.02.2025*

*The article was submitted 09.02.2025;
approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 21.02.2025*

Научная статья

УДК 347

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-35-43

Гражданско-правовая сущность и способы передачи прав на цифровую валюту

Сергей Алексеевич Разумов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

s.razumov@g.nsu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены способы хранения и передачи цифровой валюты с целью определения момента возникновения прав на цифровую валюту. Особое внимание уделено сущности цифровой валюты, сделан вывод о необходимости признания цифровой валюты имуществом на законодательном уровне. В рамках исследования выделены кастодиальный и некастодиальный способы хранения цифровой валюты. Также определены основные способы передачи цифровой валюты в рамках технологии «блокчейн», а именно: прямой перевод, кастодиальный перевод, передача приватного ключа к кошельку. Предложены варианты определения момента возникновения прав на цифровую валюту в рамках каждого из перечисленных способов передачи цифровой валюты. Проанализирована правоприменительная практика в части установления факта владения цифровой валютой.

Ключевые слова

цифровая валюта, криптовалюта, блокчейн, майнинг, узлы информационной системы, оператор информационной системы

Для цитирования

Разумов С. А. Гражданско-правовая сущность и способы передачи прав на цифровую валюту // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 35–43. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-35-43

Emergence and Exercise of Digital Currency Rights

Sergey A. Razumov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

s.razumov@g.nsu.ru

Abstract

This article considers the ways of storing and transferring digital currency in order to determine when the rights to digital currency arise. In order to comprehensively consider the issue, attention is also paid to the essence of digital currency. As a result of the study it is concluded that it is necessary to recognise digital currency as property at the legislative level. The study identifies custodial and non-custodial ways of holding digital currency. The main ways of transferring digital currency within the framework of Blockchain technology are also identified, namely: transferring digital currency by giving an order and its processing by communication nodes (direct transfer); transferring digital currency by transferring a private key to the wallet; transferring digital currency by transferring within the loop of the custodial wallet operator's platform. The variants of determining the moment when the rights to digital currency arise within each of the above methods of transferring digital currency are proposed. The law enforcement practice in terms of establishing the fact of possession of digital currency is also considered.

© Разумов С. А., 2025

Keywords

digital currency, cryptocurrency, blockchain, mining, information system nodes, information system operator

For citation

Razumov S. A. Emergence and exercise of digital currency rights. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 35–43. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-35-43

В последние годы в юридической литературе уделяется большое внимание проблематике цифровой валюты. Хотелось бы обозреть научные работы, в которых так или иначе затрагиваются определенные аспекты правового режима цифровой валюты, дабы наглядно продемонстрировать, что данная тема является по-настоящему актуальной и вызывает множество вопросов в научном сообществе.

Среди отечественных научных работ хотелось бы отметить следующие: Лисица В. Н. – «Цифровые права и цифровая валюта в международном и российском инвестиционном праве» (2023) [1]; Зайнутдинова Е. В. – «Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты» (2023) [2]; Зайнутдинова Е. В. – «Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения» (2022) [3], Никитин Д. В. – «Виды цифровых валют и специфика их правового режима» (2022) [4]; Быля А. Б. – «К вопросу об использовании криптовалют в Российской Федерации» (2020) [5]; и др.

В условиях неоднозначности и терминологической путаницы законодательства РФ в части регулирования цифровой валюты особое внимание отечественные исследователи уделяют вопросам определения сущности и правовой природы цифровой валюты, анализу правоприменительной практики, сравнительному анализу подходов других стран к регулированию криптовалют.

Быля А. Б. отмечает, что неэффективность использования блокчейн-технологий, причиной которой является недостаточная проработанность законодательства, создает дополнительные экономические проблемы для государства [5, с. 196]. Данная точка зрения представляется вполне обоснованной и еще раз подтверждает необходимость в развитии законодательства в части регулирования цифровых технологий.

В рамках же настоящего исследования рассмотрен вопрос об определении момента возникновения прав на цифровую валюту, который на первый взгляд может показаться весьма простым, но не все так однозначно. Большую роль в данной части играют особенности хранения цифровой валюты и передачи прав на нее.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на определение понятия цифровой валюты, изложенное в п. 3 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ (далее – Закон о ЦФА), а именно на используемые в нем понятия оператора и узлов информационной системы, поскольку в рамках повествования мы часто будем к ним обращаться¹.

Закон о ЦФА при определении понятия «оператор информационной системы» отсылает нас к п. 12 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому оператором информационной системы является гражданин или юридическое лицо, осуществляющее деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных². А в соответствии с п. 8 ст. 1 Закона о ЦФА узлами информацион-

¹ См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 г. №259-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/74451466/> (дата обращения: 08.10.2024).

² См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 09.10.2024).

ной системы являются пользователи информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающие тождественность информации, содержащейся в указанной информационной системе, с использованием процедур подтверждения действительности вносимых в нее записей.

В отношениях по поводу цифровой валюты оператор обеспечивает эффективное управление и безопасность системы, в то время как узлы отвечают за техническую реализацию транзакций и обмен валюты. Оба элемента взаимосвязаны и являются основой осуществления оборота цифровой валюты [6, с. 798].

Как справедливо отмечают Рождественская Т. Э. и Гузнов А. Г., что в отношениях, связанных с цифровыми финансовыми активами, оператор является ответственным лицом, обязанным перед держателями ЦФА. В случае с цифровой валютой оператор отвечает лишь за соответствующие процедуры эмиссии цифровой валюты, а также за регистрацию соответствующих записей о переходе прав на цифровую валюту между пользователями информационной системы [7, с. 130]. Курбанов Р. А., Налетов К. И. отмечают, что это является основной причиной, по которой невозможно полностью легализовать оборот цифровой валюты, которая не обеспечена никакими реальными активами [8, с. 1].

Ключевое значение в определении момента возникновения прав на цифровую валюту играют именно узлы информационной системы, поскольку через них проходят транзакции, связанные с цифровой валютой. Узлами могут являться сервера, компьютеры или мобильные устройства, участвующие в обработке и хранении информации. Кроме того, узлы могут являться клиентскими (обычные пользователи) или майнинговыми (участвующие в создании новых блоков). В случае с такими валютами, как Ethereum и Bitcoin, узлами информационной системы будут являться майнеры, поскольку они занимаются вычислением хеша транзакционного блока, тем самым подтверждая операции, содержащиеся в блоке.

В рамках настоящего исследования представляется необходимым также обратить внимание на способы хранения цифровой валюты, поскольку это поможет определить, кто фактически контролирует активы, насколько они защищены, а также определить момент, когда права на цифровую валюту переходят от одной стороны к другой. Кроме того, технические особенности хранения могут влиять на возможность идентификации владельца цифровой валюты и подтверждения его права на активы. Но прежде чем перейти к рассмотрению способов хранения цифровой валюты, нельзя не затронуть вопрос о сущности цифровой валюты, поскольку ответ на данный вопрос позволит нам выяснить, насколько такое понятие, как «хранение» вообще применимо к данной правовой категории.

В юридической литературе справедливо отмечается, что цифровую валюту сложно отнести к традиционным объектам гражданских прав. Карелина С. А. выделяет два основных подхода к определению правовой природы цифровой валюты, а именно: вещную и обязательственную теории [9, с. 16–17]. Блажеев В. В. и Егорова М. А. склоняются к определению цифровой валюты в качестве особого цифрового права или цифрового имущества [10, с. 405–407]. Саженов А. В. относит цифровую валюту к вещам [11]. Янковский Р. М. также отмечает некоторую схожесть цифровой валюты с вещами по ряду признаков, среди которых он выделяет следующие: их количество определено, они не содержат прав требования, имеется строго определенный порядок перехода во владение от одного лица другому [12, с. 14].

С точки зрения Новоселовой Л. А. цифровая валюта является особым обязательственным правом, в рамках которого права каждого владельца цифровой валюты соответствуют обязанностям остальных участников расчетной системы, установленным правилами ее работы [13, с. 10–11]. Зайнутдинова Е. В. поддерживает данную позицию, отмечая, что цифровую валюту невозможно идентифицировать и индивидуализировать ввиду отсутствия признака овеществленности [3, с. 161–162].

Нам ближе всего позиция о том, чтобы на законодательном уровне признать цифровую валюту имуществом. В данной связи нельзя не согласиться с позицией Лисицы В. Н., которая

состоит в том, что для устранения имеющихся неясностей в части гражданско-правовой природы цифровой валюты, а также для надлежащего правового регулирования использования цифровой валюты в экономической и инвестиционной деятельности ее следует на законодательном уровне признать имуществом [1, с. 140–141].

Данная позиция, на наш взгляд, является наиболее обоснованной, хотя бы потому, что имеет свое отражение в некоторых нормативно-правовых актах. Речь в данном контексте идет о том, что для целей Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³, Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁴ и Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵ цифровая валюта признается имуществом.

Также в данной связи представляется уместным обратить внимание на правовую позицию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, согласно которой: «Статьи 301–303 Кодекса предусматривают истребование имущества из чужого незаконного владения, не сужая это понятие до вещей как физически существующих предметов материального мира»⁶.

В контексте настоящего исследования «хранение» следует понимать не в том смысле, который заложен в ГК РФ, а как способ обеспечения учета прав на цифровую валюту, которая, в свою очередь, не имеет физически осязаемой формы и не является предметом материального мира, но при этом является имуществом.

В международной профильной литературе выделяют два вида кошельков, в которых осуществляется хранение цифровой валюты – кастодиальные (custodial wallets) и некастодиальные кошельки (non-custodial wallets).

Кастодиальные кошельки подразумевают хранение цифровой валюты с привлечением третьих лиц, например криптовалютных бирж. Некастодиальные кошельки, в свою очередь, подразумевают хранение цифровой валюты без посредников.

На основании изложенного представляется возможным выделить способы хранения цифровой валюты и определить их следующим образом:

1. Кастодиальный способ хранения цифровой валюты – это способ, при котором физическое или юридическое лицо (пользователь) передает свои цифровые активы третьему лицу (кастодиалу – оператору информационной системы), которое обеспечивает безопасность, управление и защиту данных активов в соответствии с законодательными нормами и профессиональными стандартами. Такой способ хранения подразумевает сохранение приватных ключей и управление доступом к ним кастодиалом, что позволяет пользователям осуществлять операции с цифровыми валютами посредством кастодиального кошелька без необходимости самостоятельного контроля над технологиями хранения.

2. Некастодиальный способ хранения цифровой валюты – это способ, при котором физическое или юридическое лицо самостоятельно распоряжается своей цифровой валютой, храня ее в некастодиальных кошельках с полным контролем над приватными ключами. Данный подход не включает передачу прав на активы третьим лицам и предполагает, что пользователи несут полную ответственность за безопасность и доступ к своим средствам, соблюдая при этом законодательные требования и практические меры по защите информации.

³ См: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (п. 4 ст. 68). URL: <https://base.garant.ru/12156199/> (дата обращения: 27.12.2024).

⁴ См: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (последний абзац ст. 3). URL: <https://base.garant.ru/12123862/> (дата обращения: 27.12.2024).

⁵ См: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ, последний абзац ст. 2. URL: <https://base.garant.ru/185181/> (дата обращения: 27.12.2024).

⁶ См: Определение ВАС РФ от 02.12.2009 № ВАС-13944/09 по делу № А56-31225/2008. URL: <https://base.garant.ru/5826397/> (дата обращения: 27.12.2024).

На основании изложенного представляется возможным перейти к рассмотрению отдельных способов передачи цифровой валюты.

1. Прямой перевод (передача цифровой валюты путем отдачи распоряжения и его обработки узлами связи). Данный способ является наиболее часто используемым. Его можно разделить на следующие этапы: 1) инициация транзакции (пользователь инициирует транзакцию, указывая публичный ключ получателя, сумму и вид переводимой цифровой валюты посредством некастодиарного кошелька); 2) подписание транзакции (транзакция подписывается приватным ключом отправителя, что обеспечивает авторизацию и подтверждает наличие права распоряжаться цифровой валютой, имеющейся на кошельке); 3) отправка распоряжения (подписанная транзакция отправляется в сеть, где находится множество узлов связи, которые участвуют в обработке транзакций); 4) верификация (узлы связи, получающие запрос, проверяют наличие необходимых средств и правильность подписания транзакции); 5) создание транзакционного блока (после верификации транзакция помещается в один из будущих блоков); 6) добавление в блокчейн (после создания нового транзакционного блока информация о транзакции размещается в распределенном реестре, что делает ее видимой для всех участников сети); 7) уведомление о завершении (узлы и кошельки подтверждают, что транзакция завершена и цифровая валюта отображается в кошельке получателя). Данный способ передачи цифровой валюты является наиболее безопасным как для получателя, так и для отправителя.

Представляется, что право на цифровую валюту при использовании данного способа передачи можно считать возникшим с момента достижения консенсуса между узлами информационной системы и добавления соответствующего транзакционного блока в блокчейн.

Кроме того, в случае использования такого способа передачи цифровой валюты кажется разумным заключить соответствующий договор, в котором указать, с какого момента обязательство по передаче цифровой валюты можно считать завершенным, с указанием необходимого количества транзакционных блоков, подтвержденных информационной системой.

2. Кастодиальный перевод (передача цифровой валюты путем перевода внутри контура платформы оператора кастодиального кошелька). Данный способ передачи цифровой валюты также является невидимым для блокчейна, поскольку перевод осуществляется оператором в рамках информационной системы (криптовбиржи) и не идет в транзакционный блок. Его можно разделить на следующие этапы: 1) создание аккаунта (пользователи создают аккаунты на платформе оператора кастодиального кошелька, который хранит их средства в защищенном хранилище); 2) депозит средств (пользователи создают аккаунты на платформе оператора кастодиального кошелька, который хранит их средства в защищенном хранилище); 3) запрос на перевод (один из пользователей инициирует перевод средств другому в рамках одной платформы); 4) подтверждение транзакции (оператор проверяет запрос на наличие нужного количества цифровой валюты в кошельке отправителя и принимает решение о подтверждении или отклонении транзакции); 5) обновление балансов (вместо формирования сообщения о транзакции в блокчейн (как это происходит в случае с некастодиальными кошельками), оператор просто обновляет внутренние балансы отправителя и получателя); 6) уведомление получателя о поступлении средств.

Ответ на вопрос о том, насколько безопасным является такой способ передачи цифровой валюты, зависит от того, насколько надежным является оператор кастодиального кошелька.

В данном случае можно провести аналогию с безналичными денежными средствами, находящимися на банковском счете. У владельца цифровой валюты в кастодиальном кошельке имеется лишь право требования к оператору информационной системы о выдаче определенной цифровой валюты. Предлагается считать получателя цифровой валюты в кастодиальном кошельке не владельцем цифровой валюты, а кредитором по отношению к оператору соответствующего кастодиального кошелька.

Представляется, что при использовании данного способа передачи цифровой валюты моментом окончания обязательства по передаче и возникновения прав у получателя цифровой

валюты можно считать момент зачисления оператором цифровой валюты на счет получателя (если иное не предусмотрено договором), поскольку именно с этого момента у получателя возникает право требования на вывод средств, находящихся на кошельке.

3. Передача приватного ключа к кошельку. Следует уточнить, что при создании некастодиального кошелька пользователь получает в распоряжение два ключа: публичный и приватный. Публичный ключ необходим для идентификации, а приватный ключ предназначен для обеспечения доступа к цифровой валюте, находящейся в кошельке. Данный способ передачи можно разделить на следующие этапы: 1) передача приватного ключа (передача осуществляется различными методами – устно, с помощью сообщения, QR-кода или файла); 2) получение ключа (получатель, принимая приватный ключ, получает полный доступ к кошельку и к имеющимся на нем средствам, а также контроль над всеми активами в этом кошельке). В отличие от предыдущего, данный способ никак не регистрируется и не отображается в системе «блокчейн».

По мнению автора, моментом возникновения права на цифровую валюту при использовании данного способа передачи можно считать момент получения приватного ключа, поскольку именно с этого момента у получателя появляется возможность транслировать в информационную сеть сообщения об операциях.

В данном случае можно провести аналогию с презумпцией права собственности при передаче вещи по договору, предусмотренной п. 1 ст. 223 ГК РФ, согласно которой «право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором»⁷.

Но здесь не все так однозначно, поскольку криптокошельки чаще всего имеют только один приватный ключ, в связи с чем, после передачи такого ключа другому лицу, предыдущий владелец кошелька по-прежнему имеет к нему доступ и также может транслировать сообщения в информационную сеть.

Следует оговориться, что в рамках настоящего исследования представлены лишь основные способы передачи цифровой валюты и только в рамках технологии «блокчейн». Вместе с тем это не единственная технология распределенного реестра, поэтому возможно, что другие технологии имеют свои особенности, влияющие на момент перехода прав на цифровую валюту.

В контексте настоящего исследования представляется важным также обратить внимание на практику разрешения споров, возникающих в результате совершения сделок, связанных с цифровой валютой.

Ни для кого не секрет, что введение в гражданский оборот цифровой валюты послужило возникновению множества проблем для судебной системы в части установления субъектов и определения факта наличия правоотношений, связанных с цифровой валютой. Среди прочих проблем в юридической литературе также отмечается невозможность государства каким-либо образом существенно повлиять на процессинг цифровых технологий ввиду отсутствия соответствующих организационных и технологических ресурсов. Государство не может повлиять на волю участников правоотношений, приостановить транзакцию или вернуть ошибочно направленные средства. Средства виртуальной защиты на сегодняшний день также находятся в зачаточном состоянии [14, с. 17].

Э. Л. Сидоренко справедливо отметил, что сейчас суды используют весьма обширный перечень доказательств для установления факта обладания цифровой валютой, но по мере развития данного института перечень доказательств будет сужаться и систематизироваться [15, с. 7].

В качестве примера комплексного рассмотрения доказательств судами при рассмотрении споров по договорам купли-продажи цифровой валюты может послужить дело, в рамках кото-

⁷ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). В редакции Федерального закона от 30.11.1994 г. № 54-ФЗ (с посл. изм. и доп.) [принят ГД ФС РФ 21.10.2001 г.]. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 19.10.2024).

рого скриншот с сайта криптовалютной биржи и выписка баланса криптовалютного кошелька были признаны судом надлежащим доказательством⁸.

Также стоит упомянуть, что в рамках рассмотрения цифровых споров в Арбитражном центре при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) свою эффективность показали опросники, составляемые экспертами, в рамках которых запрашиваются технические сведения о спорных транзакциях с целью установления фактов владения цифровой валютой и добровольности осуществляемых транзакций.

Резюмируя все вышеизложенное, представляется возможным сформулировать следующий вывод. Цифровую валюту следует признать имуществом на законодательном уровне с целью устранения неясности в ее гражданско-правовой природе и установления надлежащего режима правового регулирования.

В результате рассмотрения основных способов передачи цифровой валюты с целью определения момента возникновения права на цифровую валюту можно резюмировать, что процесс передачи является технически сложным и включает в себя множество нюансов. Наиболее безопасной, по нашему мнению, является прямой перевод цифровой валюты, поскольку исключает участие третьих лиц и передачу приватного ключа шифрования. Также разумным при использовании такого способа представляется заключение соответствующих договоров с указанием сведений о том, с какого момента обязательство по передаче цифровой валюты можно считать завершенным, с указанием необходимого количества транзакционных блоков, подтвержденных информационной системой.

Кроме того, нельзя не отметить положительную тенденцию в правоприменительной практике. Суды при установлении факта владения цифровой валютой все чаще прибегают к использованию соответствующих инструментов фиксации цифровых данных, а также к помощи экспертных организаций с целью установления юридически важных обстоятельств.

Список литературы

1. **Лисица В. Н.** Цифровые права и цифровая валюта в международном и российском инвестиционном праве // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2023. № 9. С. 134–149.
2. **Зайнутдинова Е. В.** Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право: журн. Высшей школы экономики. 2023. № 4. С. 149–182.
3. **Зайнутдинова Е. В.** Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения // Legal Concept. 2022. № 4. С. 159–167.
4. **Никитин Д. В.** Виды цифровых валют и специфика их правового режима // Образование и право. 2022. № 11. С. 168–173.
5. **Быля А. Б.** К вопросу об использовании криптовалют в Российской Федерации // Вестник Моск. гос. юрид. ун-та им. О. Е. Кутафина. 2020. № 9. С. 187–197.
6. **Гуделл Дж., Аль-Накиб Х. Д., and Таска П.** Архитектура цифровой валюты, системно поддерживающая приватность и кастодиальное хранение // Russian Journal of Economics and Law. 2021. № 4. С. 788–821.
7. **Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г.** Особенности правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2021. № 9. С. 124–134.

⁸ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2021 г. № 88-7571/2021 по делу № 2-783/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ001&n=46276> (дата обращения: 25.12.2024).

8. **Курбанов Р. А., Налетов К. И.** Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2024. № 12. С. 1-12.
9. **Карелина С. А.** Правовой режим криптовалюты и институт несостоятельности (банкротства): проблемы правовой регламентации // Право и цифровая экономика. 2019. № 4. С. 14–18.
10. **Блажеева В. В., Егоровой М. А.** Цифровое право. М.: Проспект, 2020. 640 с.
11. **Саженов А. В.** Криптовалюты как новый вид бестелесных // Современные информационные технологии и право. М.: Статут, 2019. С. 157–180.
12. **Янковский Р. М.** Государство и криптовалюты: проблемы регулирования. М.: Моск. гос. ун-т, 2017. 16 с.
13. **Новоселова Л. А.** О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3–16.
14. **Дьяконова М. О., Ефремов А. А., Зайцев О. А.** Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие. М.: ИЗиСП; Норма, 2022. 215 с.
15. **Сидоренко Э. Л.** Доказательство владения криптовалютой: обзор российской и зарубежной судебной практики. Мировой судья № 06/2023.

References

1. **Lisitsa V. N.** Digital rights and digital currency in international and Russian investment law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 9, pp. 134–149. (in Russ.)
2. **Zainutdinova E. V.** Models of legal regulation of the circulation of digital rights and digital currency. *Law: Journal of the Higher School of Economics*, 2023, no. 4, pp. 149–182. (in Russ.)
3. **Zainutdinova E. V.** Digital rights and digital currency in Russian law: issues of legal nature and relationship. *Legal Concept*, 2022, no. 4, pp. 159–167. (in Russ.)
4. **Nikitin D. V.** Types of digital currencies and the specifics of their legal regime. *Education and Law*, 2022, no. 11, pp. 168–173. (in Russ.)
5. **Bylya A. B.** On the Use of Cryptocurrency in the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin*, 2020, no. 9, pp. 187–197. (in Russ.)
6. **Goodell J., Al-Nakib H. D., and Tasca P.** Architecture of a Digital Currency That Systematically Supports Privacy and Custody. *Russian Journal of Economics and Law*, 2021, no. 4, pp. 788–821. (in Russ.)
7. **Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G.** Features of the Legal Status of an Information System Operator in Which Digital Financial Assets Are Issued and an Operator of the Exchange of Digital Financial Assets as Organizations Providing Digital Financial Technologies. *Bulletin of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin*, 2021, no. 9, pp. 124–134. (in Russ.)
8. **Kurbanov R. A., Naletov K. I.** Status of the operator of the information system in which digital financial assets are issued. *Journal of Russian Law*, 2024, no. 12, pp. 1–12. (in Russ.)
9. **Karelina S. A.** Legal regime of cryptocurrency and the institution of insolvency (bankruptcy): problems of legal regulation. *Law and digital economy*, 2019, no. 4, pp. 14–18. (in Russ.)
10. **Blazheeva V. V., Egorovoy M. A.** Digital law. Moscow, Prospect publ., 2020, 640 p. (in Russ.)
11. **Sazhenov A. V.** Cryptocurrencies as a new type of incorporeal // Modern information technology and law. Moscow, Statut publ., 2019, pp. 157–180. (in Russ.)
12. **Yankovsky R. M.** The state and cryptocurrencies: problems of regulation. Moscow, Moscow State University, 2017, 16 p. (in Russ.)
13. **Novoselova L. A.** On the legal nature of bitcoin. *Business and law*, 2017, no. 9, pp. 3–16. (in Russ.)

14. **Dyakonova M. O., Efremov A. A., Zaitsev O. A.** Digital economy: current areas of legal regulation: scientific and practical manual. Moscow, IZiSP; Norma publ., 2022, 215 p. (in Russ.)
15. **Sidorenko E. L.** Proof of ownership of cryptocurrency: a review of Russian and foreign judicial practice. Magistrate No. 06/2023. (in Russ.)

Информация об авторе

Разумов Сергей Алексеевич, аспирант Института философии и права Новосибирского государственного университета, секретарь судебного заседания Новосибирского областного суда

Information about the Author

Sergey A. Razumov, Postgraduate Student of the Institute of Philosophy and Law of Novosibirsk State University, Secretary of the Court Session of the Novosibirsk Regional Court

*Статья поступила в редакцию 14.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 21.02.2025*

*The article was submitted 14.01.2025;
approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 21.02.2025*

Научная статья

УДК 343.13

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-44-52

Убедительность судебной речи защитника Ф. Н. Плевако в истории уголовного процесса России

Елена Васильевна Брянская

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Россия

veret.1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8715-7099>

Аннотация

В современном уголовном судопроизводстве все чаще поднимаются вопросы содержания и убедительности речей, произносимых сторонами процесса в судебном заседании. Прошедший 2024 г. ознаменовал себя юбилейным годом российской адвокатуры, Россия прошла рубеж 160-летия. В связи с этим в статье мы поставили цель в некоторой степени раскрыть исторические уроки судоговорения в свете концепции силы доказательств и их аргументирующего значения при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Для нас познавательны навыки, пришедшие со времен 1864 г., когда судебная реформа позволила раскрыться такому величайшему судебному оратору, защитнику, знатоку человеческой души – Федору Никифоровичу Плевако. Именно его судебные речи являются настоящим наследием российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова

доказывание по уголовному делу, судебная речь, внутреннее убеждение, аргументация, ораторское искусство, судоговорение, тактика убеждения

Для цитирования

Брянская Е. В. Убедительность судебной речи защитника Ф. Н. Плевако в истории уголовного процесса России // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 44–52. DOI 10.25205/2542-0410-2025- 21-1-44-52

The Persuasiveness of the Judicial Speech of the Defender F. N. Plevako in the History of the Russian Criminal Process

Elena V. Bryanskaya

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

veret.1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8715-7099>

Abstract

In modern criminal proceedings, issues of the content and persuasiveness of speeches made by the parties to the trial in court are increasingly being raised. The past 2024 marked itself as an anniversary year for the Russian legal profession; Russia has passed the milestone of its 160th anniversary. In this regard, we have made an attempt to some extent to reveal the historical lessons of judicial negotiations in the light of the concept of the strength of evidence and their argumentative value when considering a criminal case in the court of first instance. For us, the skills that have come since 1864, when judicial reform allowed the greatest judicial speaker, defender, and expert on the human soul, Fyodor Nikiforovich Plevako, to reveal himself are cognitive. It is his judicial speeches that are the real legacy of Russian criminal proceedings.

© Брянская Е. В., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 1

Keywords

evidence in a criminal case, judicial speech, internal persuasion, argumentation, public speaking, court speaking, persuasion tactics

For citation

Bryanskaya E. V. The persuasiveness of the judicial speech of the defender F. N. Plevako in the history of the Russian criminal process. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 44–52. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-44-52

Искусство судоговорения является тем незыблемым постулатом, который всегда сопровождал классическую науку уголовного судопроизводства, опыт и навыки которого никогда не теряли своей актуальности. Ключевым элементом реализации принципа состязательности сторон выступает умение глубоко и точно познать доказательства по уголовному делу, их оценить и смоделировать такую их взаимосвязанную логичную цепочку, чтобы наиболее убедительно оказать воздействие на внутреннее убеждение судьи в пользу выработанной позиции по делу.

«Великая реформа 1864 года инициировала появление плеяды блистательных судебных ораторов, таких как В. Д. Спасович, К. К. Арсеньев, П. А. Александров и С. А. Андреевский, А. И. Урусов и Н. П. Карабчевский, В. Н. Герард и А. Л. Боровиковский, А. Я. Пассовер и В. П. Гаевский. Особое место среди них занял Ф. Н. Плевако» [1, с. 79]. Ф. Н. Плевако был легендой российской адвокатуры. Личности «рыцаря правосудия» [2, с. 103–104] посвящены монографии, учебные пособия, научные статьи и даже снят художественный фильм.

Познавательно то, что в годы профессиональной деятельности известного судебного защитника Ф. Н. Плевако искусство судоговорения было настолько показательным, что даже на публичные выступления защитников в суде, желающими слышать и лицезреть представления с речами, приобретались входные платные билеты. Так активно развивалось судоговорение, такое значение имела сила слова в суде. Искусство судоговорения завораживало присутствующих и вводило в чувство погружения сущности уголовного дела, что не оставляло равнодушными ни одного присутствующего при рассмотрении дела по существу. Судебные выступления Ф. Н. Плевако отличались остроумностью, логичностью, когда одна мысль плавно переходила в другую. Увлечательность ключевой мысли захватывала и удерживала внимание как профессиональных судей, так и всей аудитории, принимающей участие в процессе. Остроумие судебного оратора позволяло так излагать судебную речь, что находчивость, мятежность могла сопровождаться неожиданными и наглядными сравнениями. Разумеется, профессиональный оратор знал, что только на одной красоте слога не достичь эффективного результата защиты, Ф. Н. Плевако отличала глубина познаний материалов уголовного дела и сущности каждого доказательства. Помимо впечатляющих судебных речей, Ф. Н. Плевако принимал активное участие в судебном следствии, чем активно готовил оппонентов, судей к судебной речи. Обоснованность позиции обеспечивалась подробным и обстоятельным изучением материалов, собранных следствием, дополнялось необходимыми доказательствами с целью обеспечения объективности и реализации защитительной позиции. Плевако талантливо вел перекрестные допросы, заявлял ходатайства о необходимости собирания и других доказательств по делу. Подробное знание сущности уголовного дела и каждого доказательства в отдельности позволяло без подготовки, логично и планомерно выступить в суде. Как писал известный юрист, государственный обвинитель, председательствующий и великолепный судебный оратор А. Ф. Кони, в свете восприимчивости Ф. Н. Плевако, как скульптор ваял судебную речь, «дрожащими от волнения руками» [1, с. 79]. Талант, душевная чувствительность, да и прекрасная интуиция, знание, опыт, давали подсказки, каким образом аргументы будут более убеждающими для построения защитительной речи, в основе которой были знания теорий известных классических ученых, мораль, накопленный жизненный и профессиональный

опыт, религия, библейские благоразумные раздумья. Эрудиция Ф. Н. Плевако была настолько глубокой, что придавало уверенность каждому подзащитному, «вверившему ему свою судьбу» [1, с. 80].

Судебные выступления защитников для нас познавательны в свете философской теории аргументации, которая основана на теории познания и рассматривается в качестве учения искусства убеждения. Несмотря на то что современное законодательство не регламентирует такую цель, как достижение истины по уголовному делу, тем не менее для ученых она видится в качестве главной задачи изложения и представления судебной речи. Начиная свою речь, стороны обосновывают предлагаемый тезис о виновности или невиновности подсудимого, посредством познания и речевых суждений убеждают суд в правдивости своей позиции, аргументированности мнения [3].

Поскольку предоставляются доказательства наиболее активно в суде, а именно для исследования, проверки и оценки в судебном следствии, ярко аргументация проявляется в процессе прений сторон, именно поэтому общепризнанно, что аргументация всегда выражается в словесной форме, вполне оправданно она рассматривается в качестве процесса судебного красноречия, сопровождающегося моральными, этическими, рациональными и логически последовательными, в то же время эмоциональными, составляющими компонентами. Искусно владея познаниями исследованных доказательств в свете общей стратегии уголовного судопроизводства, процесс аргументации выступает «не как статический набор средств, а является процессом, который реализуется через стратегии и тактики» [4].

В риторическом смысле аргументы отождествляют с определением доказательства, несмотря на то, что в процессуальном смысле сложно два этих понятия отождествить. Доказательство выступает более емким понятием, которое имеет более основательный содержательный смысл, который одним судовоговорением посредством доводов не охватить. В аспекте судовоговорения доказательства рассматриваются в виде суждений, которые преследуют цель убедить участников уголовного судопроизводства в объективности и справедливости выдвигаемой позиции судебного оратора. Для формирования судебной речи доказательства приводят в качестве аргументов, которые формируются посредством семантических ходов, мыслей, умозаключений [3]. В научной литературе в качестве аргументов рассматривают «свидетельские показания, приводимые факты реальной действительности, показатели статистики, данные цифровизации, аксиоматический материал, законы природы, заключения экспертов, мнения авторитетных ученых, владеющих специальными познаниями писателей и даже библейские заветы, которые могут быть восприняты источником мудрости» [3]. Если мы обратимся к ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), то увидим, что перечень источников доказательств иной, сложно в качестве доказательств оценить моральные постулаты Библии, насколько бы они ни были сокровенны для российского народа.

Убеждающее значение аргументов заключается в содержательной составляющей тех доказательств, посредством которых представляется воздействие на усмотрение судей. В связи с этим немаловажной для риторических моделей является последовательность построения аргументов. Так, известное правило Гомера по сей день используется сторонами уголовного судопроизводства, оно реализуется приведением аргументов через логичную систему. Прием Гомера заключается в том, что изначально в судебной речи приводятся наиболее процессуально сильные доводы, затем средней силы, в самом конце – наиболее весомый аргумент, который по своему значению может быть самым ключевым доказательством по делу. В практической деятельности применяется и такое тактическое правило, когда «отсеиваются сомнительные доводы, которые слабые по своему содержательному значению, тогда как наиболее процессуально убеждающие вводятся в качестве рассуждения с последовательным выводом, благодаря чему сила доводов удваивается» [5].

Как видим, риторические формы, семантические речевые выражения могут быть виртуозными. Однако процесс аргументации целесообразен в таком значении, которое должно за-

ключаться в аспекте информационной теории доказывания, смысловом содержании каждого доказательства по уголовному делу. Именно от доказательственного содержания аргументов зависят стратегии и тактики убеждения.

Мы согласны с теми авторами, которые справедливо пишут о том, что «профессиональные участники судебного процесса (прокурор, защитник-адвокат) должны придерживаться стратегии и владеть тактическими приемами аргументации. Причем в качестве стратегии рассматриваются основополагающие цели, для достижения которых сторона процесса формирует тактические приемы. Тогда как тактика видится учеными в качестве методов, средств и той логичной непротиворечивой системой, позволяющей обосновывать выбранную позицию по уголовному делу посредством наиболее весомых аргументов. Тактические приемы формируются посредством анализа и опровержения возможной ошибочности противоположного тезиса стороны процесса, раскрываемого через обоснования несостоятельности контраргументов, что допустимо при условии соблюдения правил рациональной аргументации» [3].

Стратегия аргументации находит свое закрепление в ст. 6 УПК РФ, которая регламентирует итоговую задачу основополагающих начал уголовного процесса – защита законных прав и интересов, восстановление нарушенных прав.

Тогда как, исходя из изложенного выше, очевидно, что тактические приемы аргументации предполагают творческий подход к процессу доказывания посредством судебного разбирательства, по мнению специалистов, рассматриваются в свете «аксем – ценностных суждений, с которыми согласна сама сторона процесса, так и потенциально могут быть восприняты аудиторией» [6, с. 15]. Н. К. Пригарина выделяет «прагматические, интеллектуальные, морально-этические, релятивные аксемы». Данные «аксемы» направлены на раскрытие в судебной речи мотивации, взглядов и поступков подсудимого, на анализ представлений о нравственности. Интерес представляют «релятивные аксемы», которые формируются в качестве отношений между стороной и той аудиторией, перед которой излагается судебная речь. Релятивные делят на «подлинные (мнения, суждения, которые действительно объединяют оратора и аудиторию, это мнения, взгляды, идеалы, которые соответствуют истине, что оратор подчеркивает в своем выступлении) и на фальшивые (имеют место, когда защитник-адвокат обязан понять и на время разделить систему ценностей подсудимого, не всегда в реальности совпадающую с собственной)» [6, с. 15]. К современным реалиям сложно применить фальшивые аксемы и сложно сказать о том, что защитник-адвокат будет настроен на формирование фальшивых аксем. Такое положение противоречит нормам действующего законодательства. В частности, на основании закона об адвокатской деятельности и адвокатуре защитник-адвокат обязан с соблюдением таких моральных качеств, как честность, разумность и добросовестность, защищать права и законные интересы подзащитного. Пределы защиты определены в рамках всех, не запрещенных действующим законодательством России, средств [7]. В связи с чем «фальшивые аксемы» даже в рамках риторических взглядов не являются корректными применительно к уголовно-процессуальной деятельности. Профессиональный адвокат, защищая подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, не обязан погружаться в преступные ценности подзащитного и не должен разделять их. Защитник-адвокат, в первую очередь, – это то лицо, которое осуществляет в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, оказывает им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Применительно к вопросу «личностных аксем» Н. К. Пригарина полагает, что «их совокупность является мощным ценностным основанием риторической аргументации, опорой в поиске и отборе этических и рациональных аргументов» [8, с. 48]. Применительно к уголовному судопроизводству заметим: поскольку средства аргументации основываются на способах убеждения в свете собранных, исследованных, проверенных, логически взаимосвязанных и оцененных стороной доказательств, риторические способы аргументации выступают внешним выражением судебного разбирательства, тем средством, которое помогает в наиболее наглядной, доходчивой форме оказать воздействие на внутреннее убеждение суда.

В этой связи имеет значение философская теория выбора, в основе которой заложена теория ценностей. Философская концепция ценностей позволяет разграничить ценностные группы на две части: те, которые имеют место в реальности, и их оценка, способы оценки [9, с. 131]. Следовательно, построение ценностей и средств оценки являются основой формирования тактики аргументации. «Ценности, которые объединяют оратора и аудиторию, относятся к более высокому уровню, а те, что их противопоставляют, – к более низкому, это создает основу для выработки общей позиции. Этот принцип лежит в основе теории судебной речи» [9, с. 131]. «Для того чтобы оценка выглядела обоснованной, необходимо, чтобы она опиралась на оценки более низких уровней от психологических к нормативным» [9, с. 132].

В научной литературе приводятся примеры выступлений и тех тактических приемов, которыми пользовался Ф. Н. Плевако. К примеру, по одному из уголовных, когда один из помещиков уступил часть земли крестьянам, а потом забрал ее себе обратно, что привело к беспорядкам со стороны крестьян. Когда Ф. Н. Плевако защищал этих крестьян, он произнес фразу об усилении наказания в отношении подсудимых и упомянул: «Чтобы неповадно было верить слову русского дворянина». В итоге суд вынес после такого аргумента оправдательный приговор, только некоторые получили незначительные наказания. Иное бы показало судью в качестве «недалекого человека» [10, с. 29].

Ораторское искусство Ф. Н. Плевако отличалось простотой и легкостью восприятия. К такому стилю судебных речей приводит профессиональный опыт, глубокое знание человеческой психологии. «Именно «Слово» становилось едва ли не главным героем процесса, венчая юридическую сторону дела, поскольку именно адвокаты должны знать цену словам, знать все тонкости психологии человека, уметь играть на нотах тонкой человеческой души. Именно от этих составляющих зависит успех судебного процесса» [11]. Так, «Ф. Н. Плевако меньше интересовали порядки и больше люди. С тревогой наблюдает Ф. Н. Плевако превращение фабричных рабочих в «обессиленный физическим трудом, с обмершими от бездействия духовными силами придаток к машине, в легко заменимые в случае порчи винтики», негодуя осуждает близорукую экономию на социальных и духовных нуждах трудящихся, политику спаивания народа; пристально вглядывается в стремительное увеличение приверженцев революционного насилия за счет необразованных и нравственно неразвитых людей» [12, с. 51].

«Судебная риторика имеет научную и практическую значимость, поскольку помогает особенно молодым специалистам приобрести навыки и умения в подготовке судебной речи. Еще древнегреческий философ Аристотель подчеркивал, что судебному оратору следует говорить просто и доходчиво. Подобный метод позволяет рассматривать судебную речь как речевое мастерство, заключающееся в логичности и уместности, ясности и последовательности, богатстве словаря, разнообразии грамматических конструкций, применении стилистических и риторических приемов» [3]. Достаточно оригинально Ф. Н. Плевако привлекал и удерживал внимание аудитории простыми и доходчивыми вступлениями в речах, которые с первых слов заставляли вдуматься и погрузиться в сущность произошедшего, предмета судебного разбирательства. В научных источниках приводится в качестве примера уголовное дело Московского ссудного банка. Вступительная часть судебной речи Ф. Н. Плевако не могла не заинтриговать слушателей: «Господа присяжные заседатели! ... Есть вещи, о которых я только первый начну говорить и о которых до сих пор еще не было сказано, не потому, что они не приходили на память другим, а потому, что их тщательно скрывали...» [13, с. 35]. «Прием привлечения внимания, средство установления контакта с аудиторией, средство сделать сложное простым, понятным, и есть элемент риторической аргументации» [13, с. 37].

Ф. Н. Плевако выступал спонтанно, разумеется, со знанием всех тонкостей и деталей, сущности доказательств уголовного дела, но он был в числе тех судебных ораторов, которые не готовили письменных речей (П. А. Александров, Н. П. Карабчевский, А. Ф. Кони), тогда как такие судебные ораторы, как В. Д. Спасович, С. А. Андреевский всегда готовили свои

выступления в письменном виде. Авторы подчеркивают устное ораторское мастерство Ф. Н. Плевако, иначе судебные речи, отраженные в письменном виде, приобретают вид творчества писателя [14, с. 147]. «Ф. Н. Плевако в своих выступлениях мастерски использует самые разнообразные по структуре, объему и содержанию сравнения. И всегда этот троп является действенным в речах адвоката, благодаря не только необычности и яркости, но и органической связи его с содержанием, когда образ, оформленный в виде сравнения, не затемняет мысль, а поясняет ее, делает более понятной» [15, с. 286].

Общеизвестно, что Ф. Н. Плевако предметно знал психологию личности, такое обстоятельство имело особое значение при рассмотрении уголовного дела в суде присяжных. «С возрождением в России института присяжных уровень эмоциональной компетенции судебного оратора становится одним из главных критериев эффективности воздействия его речи. Эмоциональная компетенция судебного оратора определяется как способность к использованию в аргументации судебной защитительной речи системы эмоциональных риторических средств и приемов (единиц статического и динамического уровней организации аргументации) с целью эффективного воздействия на аудиторию» [16, с. 164].

«Именно присяжные-поверенные, будучи профессиональными знатоками права и широко образованными людьми, смогли стать истинными творцами российского судебного красноречия. Естественно, что высокий уровень мастерства адвокатов заставил представителей государственного обвинения также прилагать усилия, чтобы не уступать защите в ораторском искусстве» [17, с. 23]. «Известно, что судебный процесс есть не что иное, как, выражаясь научным языком, реконструкция событий прошлого, а по-простому, «додумывание», того, как все было на самом деле. Соответственно, обвинение и защита предлагают суду свою версию происходивших событий и победит тот, чья версия окажется наиболее правдоподобной» [17, с. 24]. К примеру, «Сущность дела предельно ясна, вина подсудимой – очевидна, собственно говоря, как бы отсутствует предмет спора. Выросшая в «неблагополучной» семье девушка сошлась с молодым человеком, немного погодя он ее бросил, она его убила на почве ревности. Но, настоящий мастер слова, каким был Ф. Н. Плевако, сумел создать шедевр защитительной речи в духе античной трагедии, что позволяет нам еще раз убедиться в силе риторики» [17, с. 27].

«Коммуникативно-риторическая стратегия создания эмоциональной атмосферы сочувствия к подсудимому реализуется через тактики эмоционального обсуждения личности подсудимого и эмоционального обсуждения деяний участников процесса. Тактика эмоционального обсуждения личности подсудимого состоит в том, что суду предлагается психологическая характеристика, которая содержит положительную оценку его личности ... иногда вся речь защитника может быть посвящена описанию психотравмирующей ситуации, в которой оказался подсудимый и которая довела его до преступления...» [16, с. 164]. «Тактика эмоционального обсуждения деяний участников процесса заключается в осуждении деяний участников процесса – свидетелей, потерпевших и др., адвокат может привлечь внимание к безнравственным деяниям» [16, с. 165]. «Спор по поводу оценки потерпевшего нередко оказывается одним из самых принципиальных для судебной речи: от того, посчитает суд его невинной жертвой или сочтет, что он сам провоцировал обвиняемого, во многом зависит характер приговора» [16, с. 166].

«Речи Ф. Н. Плевако изобилуют ссылками на Священное писание. Несомненно, для религиозного русского общества второй половины XIX века Слово Божие являлось очень сильным, неопровержимым аргументом» [19, с. 30]. «Библия – богатый источник сюжетов для создания живых картин, которые надолго остаются в памяти». Из речи по делу Н. А. Лукашевича: «Потом мы встречаем его на театре войны. Про дом свой он знал так, как евреи знали, живя в Египте, про обетованную страну, – что там есть что-то кипящее млеком и медом. На самом же деле этой страны он не знал, он только мечтал о ней... Лукашевич почувствовал, что здесь

не тот дом, о котором он мечтал: в нем пахнет чем-то чужим; вместо меду – он встречает горечь, вместо обетованной страны он попадает в египетское рабство» [19, с. 31].

«Судебное красноречие как часть правовой культуры показывает принципиальную важность не только ценностно-смыслового постижения сущности права, но и образно-эмоционального осмысления ситуаций соприкосновения человека с законом» [17, с. 21].

Однако современная реальность отечественного судопроизводства такова, что речевое воздействие в процессе аргументации в суде является всего лишь внешним оформлением убеждения сторон. До сих пор многие проблемы не решены, имеют место факты формализации процесса доказывания. К сожалению, в практической деятельности приходится сталкиваться с теми обстоятельствами, когда внутреннее убеждение профессионального судьи сводится к критическому мышлению в свете шаблонных выступлений сторон обвинения и защиты.

В силу критического мышления современных профессиональных судей главное видится в качестве собранных и представленных доказательств по делу, в их соответствии предъявляемым законом свойствам. В этой связи мы понимаем, что важнейшим для судьи при рассмотрении уголовного дела по существу является убежденность в силе доказательств, на основании которых он сможет вынести законный, обоснованный и справедливый приговор.

Оптимизация и ускорение уголовного процесса ставит исследование и оценку доказательств в условия конкретизации, когда изысканность и образность судебной речи может рассматриваться в качестве «информационного шума», которая не вписывается в рамки предмета доказывания и оценивается в качестве лирического отступления от сущности уголовного дела. Тогда как история российского красноречия является свидетельством ярких и убедительных выступлений представителей профессиональной юриспруденции. Следовательно, для нас видится необходимость к возвращению эпохи Ф. Н. Плевако, когда искусство судоговорения было показателем интеллекта, культуры и профессионального творчества сторон уголовного судопроизводства. В настоящее время все более востребованной видится воспитательная функция судопроизводства, председателями судов поощряются открытые формы судебного разбирательства, когда не только профессиональные судьи и присяжные заседатели являются основными субъектами, на которые направлено судоговорение, но и наши люди, обычные граждане, которые имеют возможность присутствовать при рассмотрении уголовных дел, наши российские граждане хотят верить в честность, в справедливость. Думается, что именно судебные речи являются наглядным показателем воспитательной функции судопроизводства, тем нравственным проявлением, которое пришло к нам в свете профессионализма и глубокой, человеческой морали таких правоведов, как Ф. Н. Плевако.

Список литературы

1. **Лебедева Т. П.** Ф. Н. Плевако – искатель и защитник правды // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6. С. 78–85.
2. **Резник Г. М.** Рыцарь правосудия (Ф. Н. Плевако) // Закон. М.: Известия, 2005. № 4. С. 103–104.
3. **Землякова Н. В., Гарбовская Н. Б.** Аргументация в судебной риторике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/argumentatsiya-v-sudebnoy-ritorike> (дата обращения: 17.01.2025).
4. **Пригарина Н. К.** Стратегия дискредитации как компонент ценностной аргументации судебной речи // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2009. № 5 (39). С. 49–53.
5. **Курбатов В. И.** Логика: систематический курс. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 512 с.
6. **Пригарина Н. К.** Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 34 с.
7. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.01.2025).

8. Пригарина Н. К. Личностные аксемы как основания риторической аргументации // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 48–51.
9. Пригарина Н. К. Структура ценностного компонента риторической аргументации судебной речи // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2008. № 10 (34). С. 130–134.
10. Демичев А. А. Образ адвоката Ф. Н. Плевако в российском общественном сознании второй половины XIX – начала XX века (по материалам истор. анекдотов) // Вестн. Нижегород. академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 24–30.
11. Яковлева Ю. В. Секрет жизненности таланта и успеха российских юристов второй половины XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekret-zhiznennosti-talanta-i-uspeha-rossiyskih-yuristov-vtoroy-pолоviny-xix-vek> (дата обращения: 16.01.2025 г.).
12. Яшин А. Н. Русские адвокаты XIX века о правах и свободе личности // Система ценностей современного общества. 2008. № 1. С. 49–54.
13. Баишева З. В. Приемы привлечения внимания судебной аудитории (на материале защитительных речей Ф. Н. Плевако) // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 2 (28). С. 33–37.
14. Ковалева Д. Н. Российская присяжная адвокатура: взгляд изнутри (Н. П. Карабчевский о Ф. Н. Плевако) // Промышленность: экономика, управление, технологии. Вестник. 2009. № 2 (26). С. 147–149.
15. Моисеев А. П. Индивидуально-авторские сравнения в речах Ф. Н. Плевако // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 6 (74). С. 285–288.
16. Пригарина Н. К. Коммуникативно-риторическая стратегия создания эмоциональной атмосферы сочувствия к подсудимому в судебной защитительной речи // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2019. № 4. С. 164–167.
17. Субботин Ю. В. Наследие российской дореволюционной юриспруденции в курсах «Риторика» и «Риторика и ораторское искусство в подготовке специалистов для судебной системы» // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 21–27.
18. Пригарина Н. К. Коммуникативно-риторическая стратегия создания эмоциональной атмосферы сочувствия к подсудимому в судебной защитительной речи // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2019. № 4. С. 164–167.
19. Баишева З. В. Риторические аргументы в защитительных речах Ф. Н. Плевако // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 4 (26). С. 28–33.

References

1. Lebedeva T. P. F. N. Plevako – seeker and defender of truth. *Bulletin of Moscow University*. Ser. 12. Political sciences, 2007, no. 6, pp. 78–85. (in Russ.)
2. Reznik G. M. Knight of Justice. (F.N. Plevako). Law. Moscow, Izvestia, 2005, no. 4, pp. 103–104. (in Russ.)
3. Zemlyakova N. V., Garbovskaya N. B. Argumentation in judicial rhetoric. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/argumentatsiya-v-sudebnoy-ritorike> (accessed: 17.01.2025). (in Russ.)
4. Prigarina N. K. The strategy of discrediting as a component of the value argumentation of judicial speech. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2009, no. 5 (39), pp. 49–53. (in Russ.)
5. Kurbatov V. I. Logic: a systematic course. Rostov n/d: Phoenix, 2001, 512 p. (in Russ.)
6. Prigarina N. K. Argumentation of judicial defensive speech: rhetorical model: abstract. dis. ... Dr. Philol. Sciences. Volgograd, 2010. 34 p. (in Russ.)
7. On advocacy and the legal profession in the Russian Federation: federal law of May 31, 2002 No. 63-FZ (as amended on April 22, 2024). URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed: 17.01.2025). (in Russ.)
8. Prigarina N. K. Personal axes as the basis of rhetorical argumentation. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2013, no. 2 (18), pp. 48–51. (in Russ.)

9. **Prigarina N. K.** The structure of the value component of rhetorical argumentation of judicial speech. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2008, no. 10 (34), pp. 130–134. (in Russ.)
10. **Demichev A. A.** The image of lawyer F.N. Plevako in the Russian public consciousness of the second half of the 19th and early 20th centuries (based on historical anecdotes). *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 2 (13), pp. 24–30. (in Russ.)
11. **Yakovleva Yu. V.** The secret of the vitality of talent and success of Russian lawyers of the second half of the 19th century. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekret-zhiznennosti-talanta-i-uspeha-rossiyskih-yuristov-vtoroy-poloviny-xix-vek> (accessed: 16.01.2025). (in Russ.)
12. **Yashin A. N.** Russian lawyers of the 19th century about the rights and freedom of the individual. *System of values of modern society*, 2008, to. 1, pp. 49–54. (in Russ.)
13. **Baisheva Z. V.** Techniques for attracting the attention of the judicial audience (based on the material of F. N. Plevako's defensive speeches). *Rule of law: theory and practice*, 2012, no. 2 (28), pp. 33–37. (in Russ.)
14. **Kovaleva D. N.** Russian sworn advocacy: a view from the inside (N. P. Karabchevsky about F. N. Plevako). *Industry: economics, management, technology. Herald*, 2009, no. 2 (26), pp. 147–149. (in Russ.)
15. **Moiseev A. P.** Individual author's comparisons in the speeches of F. N. Plevako. *Bulletin of TSU*, 2009, vol. 6 (74) pp. 285–288. (in Russ.)
16. **Prigarina N. K.** Communicative and rhetorical strategy for creating an emotional atmosphere of sympathy for the defendant in a judicial defense speech. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 4, pp. 164–167. (in Russ.)
17. **Subbotin Yu. V.** The legacy of Russian pre-revolutionary jurisprudence in the courses "Rhetoric" and "Rhetoric and oratory in the training of specialists for the judicial system". *Legal Science*, 2023, no. 9, pp. 21–27. (in Russ.)
18. **Prigarina N. K.** Communicative and rhetorical strategy for creating an emotional atmosphere of sympathy for the defendant in a judicial defense speech. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 4, pp. 164–167. (in Russ.)
19. **Subbotin Yu. V.** The legacy of Russian pre-revolutionary jurisprudence in the courses "Rhetoric" and "Rhetoric and oratory in the training of specialists for the judicial system". *Legal Science*, 2023, no. 9, pp. 21–27. (in Russ.)
20. **Prigarina N. K.** Communicative and rhetorical strategy for creating an emotional atmosphere of sympathy for the defendant in a judicial defense speech. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 4, pp. 164–167. (in Russ.)
21. **Baisheva Z. V.** Rhetorical arguments in defensive speeches F. N. Plevako. *Rule of law: theory and practice*, 2011, no. 4 (26), pp. 28–33. (in Russ.)

Информация об авторе

Брянская Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского университета МВД России
SPIN 525309/7719-0275

Information about the Author

Elena V. Bryanskaya, PhD in Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
SPIN 525309/7719-0275

*Статья поступила в редакцию 05.02.2025;
одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 21.02.2025*

*The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 21.02.2025*

Научная статья

УДК 343.2/.7

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-53-57

Потенциал синергетического подхода при исследовании нормативных и казуальных основ уголовного права

Оксана Александровна Брашнина

Сибирский институт управления – РАНХиГС

Новосибирск, Россия

Brashnina-oa@ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается термин «синергетика», значение и необходимость использования синергетической методологии при исследовании нормативного и казуального уголовно-правового регулирования. Анализируется концептуальное значение синергетического подхода в уголовном праве. Делается вывод о целесообразности и перспективности использования положений синергетики при исследовании системы уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова

норма, синергетика, методология, казуальное уголовно-правовое регулирование

Для цитирования

Брашнина О. А. Потенциал синергетического подхода при исследовании нормативных и казуальных основ уголовного права // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 53–57. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-53-57

The Potential of a Synergetic Approach in the Study of Normative and Casuistic Foundations of Criminal Law

Oksana A. Brashnina

Siberian Institute of Management – RANEPa,

Novosibirsk, Russian Federation

Brashnina-oa@ranepa.ru

Abstract

The article examines the concept of the term “synergetics”, the meaning and necessity of using the synergetic methodology in the study of normative and casual criminal-legal regulation. The conceptual significance of the synergetic approach in criminal law is analyzed. A conclusion is made about the expediency and prospects of using the provisions of synergetics in the study of the system of criminal-legal regulation.

Keywords

norm, synergetics, methodology, casual criminal law regulation

For citation

Brashnina O. A. The persuasiveness of the judicial speech of the defender F. N. Plevako in the history of the Russian criminal process. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 53–57. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-53-57

© Брашнина О. А., 2025

Синергетика (от греч. *synergeia* – содействие, сотрудничество) как научное направление определяется как совместное функционирование, признание действенности суммарного эффекта на развитие системы [1, с. 261].

Определение термина «синергетика», близкое современному пониманию, ввел немецкий физик-теоретик Г. Хакен: синергетика – это междисциплинарное направление научных исследований, основная задача которого состоит в изучении природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем [2, с. 29].

А. В. Петров и А. В. Зырянов весьма лаконично и точно определили концептуальные значения синергетического подхода в юридической науке.

Так, авторы указывают на четыре соответствующих концепта: «Первым можно выделить концепт открытой среды... Сущностью указанного концепта являются непрерывные коэволюционные тенденции теоретических и эмпирических категорий юриспруденции, претерпевающих адаптивную трансформацию сообразно злободневности социальной действительности... Концепт нелинейного развития права является вторым моментом синергетического подхода, он в свою очередь подвергает сомнению установку о строгом развитии права в предрешенном направлении, позволяя сделать умозаключение о наличии случайностного фактора, влияющего на прогрессивность и регрессивность в движении правовых процессов... Третьим концептуальным положением является прием малых воздействий, благодаря которому при минимальных затратах юридических средств становится возможным получение максимальных результатов правового воздействия. Хаосологическое моделирование является четвертым, но не менее значимым концептом синергетики. При данной методологии моделирования правовая система умозрительно приводится в информационно-хаотическое состояние, предшествующее началу процесса взаимодействия и эволюции структуры элементов правовой системы, далее продуцируются новые правовые средства, увеличивается их объем, право доходит до момента внутренней сбалансированности и взаимовыгодной связи с внешней социальной средой» [3, с. 103].

Как особо значимые при исследовании нормативных и казуистических основ уголовного права из указанных концептуальных моментов выделим следующие постулаты:

- о «наличии случайностного фактора в развитии права». В нашем контексте – речь о казуализации норм уголовного права. Ярким примером является институт, включающий специальные нормы об ответственности за хищения (ст. 158.1, ч. 5–7 ст. 159, ст. 159.1–159.6, 164 УК РФ) [4, с. 81];

- о «приеме малых воздействий». В частности, о проблеме взаимовлияния казуальных и материнских уголовно-правовых норм друг на друга и на систему уголовного законодательства в целом. Так, понятие хищения, закрепленное в статье 158 УК РФ, определено законодателем как имущественное преступление, что закономерно. Одновременно с этим понимание законодателем специальных видов хищения, ответственность за которые предусмотрена положениями глав 24, 25 УК РФ, осуществляется априорным образом. Презюмируется, что специальные виды хищения – преступления, обладающие всеми признаками «материнского» понятия. Что выглядит логичным лишь при первом приближении. При более внимательном взгляде видно, что данные хищения не являются «в чистом виде» имущественными преступлениями, что должно отражаться на их понятии, но данный факт во внимание законодателем не принят [5, с. 72];

- об «информационно-хаотическом состоянии правовой системы» (в нашем понимании – о проблематике уголовно-правовой энтропии).

Приведенные указания в соотношении с ключевыми гипотезами нашего исследования не выглядят совпадениями, но, напротив, подтверждают правильность избранного нами философско-методологического фарватера.

Известный теоретик права С. И. Вележев указывает на генетическую связь проблем казуальности права и синергетического подхода к их изучению. Так, автор пишет: «Именно иссле-

дование случая как феномена объективной реальности предопределяет специфику синергетического подхода. Поэтому его использование при исследовании нормативных и казуальных основ права обосновывается, прежде всего, некоторыми существенными совпадениями методологического характера, в частности, в решении вопроса о соотношении необходимости и случайности, а соответственно, и юридического проявления последней в виде казуса» [6, с. 262].

Положительные оценки познавательным возможностям юридической синергетики дают видные отечественные криминологи и специалисты в области уголовного права¹.

Так, С.А. Бочкарев констатирует: «Потенциал синергетики убеждает в полезности апробирования ее знаний в сфере уголовного права. Она по-своему разрешает поставленные вопросы, меняя тем самым сложившиеся в теории представления об уголовно-правовом порядке. За счет открытия новых закономерностей, существующих между порядком и беспорядком, синергетика увеличивает масштаб уголовно-правового измерения. Она включает в него не только порядок, рассматриваемый представителями уголовного права и как результат внутренней организации этого права, и как внешний итог его функционирования в социуме. ИмPLICITным для отрасли права становится беспорядок, который также способен быть и отражением ее структуры, и следствием действия в обществе. Возникает вероятность существования уголовно-правового беспорядка с вытекающими из него последствиями» [7, с. 460].

Более конкретно мнение М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, которые, говоря о проблемах уголовного права, утверждают, что «...в рамках синергетического подхода может быть исследовано состояние неопределенности правового регулирования, вызванное многочисленными новациями, не совпадающими с устоями отрасли, при котором любое воздействие на отрасль, в том числе внешнее и чисто политическое, может привести к ее перестроению на основе новых правил, объявленных устоями»².

М. А. Тулиглович, рассматривая вопрос о целесообразности и перспективности использования положений синергетики при исследовании системы уголовно-правового регулирования, выделяет ряд предпосылок для его положительного решения.

Так, «во-первых, методология синергетики может позволить по-новому взглянуть на сущность уголовно-правового регулирования, создать концептуальную теоретическую модель оптимального его развития. Система уголовно-правового регулирования всегда выступала в роли соответствующего индикатора, чутко улавливающего малейшие социальные, политические и экономические флуктуации, происходящие в системе государственного жизнеустройства. Темпы ее изменения и развития находятся в прямой корреляционной зависимости от процессов, непосредственно происходящих в обществе. В большинстве случаев эти изменения носят непредсказуемый характер, приводят к неожиданным результатам решения данного вопроса» [1, с. 54]. И, «во-вторых, множество элементов в системе уголовно-правового регулирования характеризуется динамическими нелинейными соотношениями. Взаимодействие этих элементов является очень сложным по своей структуре, что в конечном счете указывает на имеющийся потенциал к динамичному развитию в сложных формах, включая хаотические режимы и самоорганизацию» [8, с. 54].

В итоге М. А. Тулиглович заключает, что «возникновение процессов самоорганизации в системе уголовно-правового регулирования – естественный путь стабилизации энтропии,

¹ См.: *Голук Ю. В.* Синергетика и преступность // Российский криминологический взгляд. 2006. № 3. С. 73–79; *Горшенков Г. Н.* Синергетика и криминология: новые возможности системного подхода к изучению преступности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоград. и-та бизнеса. 2008. № 7. С. 47–51.

² См.: *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Традиции и новации в уголовном праве: единство и борьба противоположностей // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Бриллиантова и Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2015. С. 18.

упорядочивания существующих отношений через выработку единообразной практики применения и толкования соответствующих законоположений, а в определенных случаях – ее конкретизации в решениях вышестоящих судов» [8, с. 54].

В другой (второй) публикации, посвященной вопросам имплементации методологии синергетики в уголовное право, М. А. Тулиглович формулирует ряд выводов, важных для формирования нашего понимания проблем казуального уголовно-правового регулирования в контексте синергетики. Первое: «необходимо еще настраивать данный инструментарий». Второе: «методология синергетики может позволить... создать концептуальную теоретическую модель оптимального его (уголовного права – прим. О. Б.) развития». Третье: «имплементация положений синергетики в уголовно-правовое исследование нисколько не означает отказа от использования иных методов научного познания» [9, с. 84].

Выразим согласие с вышеприведенными суждениями уважаемых специалистов и, безусловно, примем их на вооружение. Однако отметим, что в научной литературе нам не удалось найти конкретных примеров воплощения синергетического подхода при анализе уголовно-правовых явлений.

Представляется, что данные воплощения должны иметь форму информационно-синергетических моделей. Применительно к проблематике казуального уголовно-правового регулирования назовем их матрицами синергетического альянса материнских и казуальных уголовно-правовых норм.

Вопросы синергии уголовно-правовых норм и их практического применения не ограничиваются проблемами эффективности уголовного законодательства и уголовно-правового регулирования в целом. Уголовно-правовая синергетика, в представленном нами выражении, обнажает всю остроту герменевтических проблем формирования уголовного законодательства и практики его применения в «русле» дальнейшей казуализации. В особенности это связано с необходимостью рассмотрения соответствующих вопросов с позиций энтропийности уголовно-правовой системы в целом, а также оценкой степени такой энтропии и возможностями оказания воздействия на данную степень. Несомненным является также то, что синергетические и герменевтические направления изучения проблематики казуального уголовно-правового регулирования формируют основу для более глубокого понимания его онтологических основ.

Список литературы

1. **Столяров О. И.** Синергетика, юридическая наука, право: профилактика юридического конфликта. – Цит. по: Вележев С. И. Юридическая синергетика как методологическая основа познания правовых явлений // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. 260–268.
2. **Жирнова Т. В., Коробейникова Е. В., Савоскина Е. В.** Динамическая система управления организацией с позиции синергетической концепции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 4. С. 28–34.
3. **Петров А. В., Зырянов А. В.** Синергетический подход в современных юридических исследованиях // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 4. С. 102–105.
4. **Сабитов Т. Р., Брашнина О. А.** О соблюдении законности при применении нормы УК РФ о понятии хищения // Вестник НГУ. Серия: Право. 2015. Т. 11, № 2. С. 79–87. – EDN TRNBVV.
5. **Боровских Р. Н., Брашнина О. А.** Специальные виды хищения: вопросы терминологии и идентификации // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 71–80. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-71-80. – EDN JEEWUJ.
6. **Вележев С. И.** Юридическая синергетика как методологическая основа познания правовых явлений // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. 260–268.
7. **Бочкарев С. А.** Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история

учений о праве и государстве»; специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... д-ра юрид. наук / ФГБУН Ин-т государства и права РАН. М., 2020. 539 с. EDN: YVZZWM

8. **Тулиглов М. А.** Имплементация методологии синергетики в уголовное право (статья первая) // Вестник Дальневосточ. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 4 (33). С. 51–56.
9. **Тулиглов М. А.** Имплементация методологии синергетики в уголовное право (статья вторая) // Вестник Дальневосточ. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 1 (34). С. 79–85.

References

1. **Stolyarov O. I.** Synergetics, legal science, law: prevention of legal conflict. Cited from: Velezhev SI Legal synergetics as a methodological basis for understanding legal phenomena. *Issues of Economics and Law*, 2012, no. 44, pp. 260–268. (in Russ.)
2. **Zhirnova T. V., Korobeynikova E. V., Savoskina E. V.** Dynamic system of organization management from the standpoint of the synergetic concept. *Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law*, 2022, no. 4, pp. 28–34. (in Russ.)
3. **Petrov A. V., Zyryanov A. V.** Synergetic approach in modern legal research. *Bulletin of SUSU. Series “Law”*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 102–105. (in Russ.)
4. **Sabitov T. R., Brashnina O. A.** On compliance with the law when applying the norm of the Criminal Code of the Russian Federation on the concept of theft. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Law*, 2015, vol. 11, no. 2, pp. 79–87. – EDN TPHBBV. (in Russ.)
5. **Borovskikh, R. N., Brashnina O. A.** Special types of theft: issues of terminology and identification. *Legal Science and Practice*. 2022. Vol. 18, No. 1. P. 71–80. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-71-80. – EDN JEEWUJ (in Russ.)
6. **Velezhev S. I.** Legal synergetics as a methodological basis for understanding legal phenomena. *Questions of Economics and Law*, 2012, no. 44, pp. 260–268. (in Russ.)
7. **Bochkarev, S. A.** Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge: specialty 12.00.01 “Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state”; specialty 12.00.08 “Criminal law and criminology; penal law”: dissertation for the degree of Doctor of Law / Bochkarev, Sergey Aleksandrovich; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2020. 539 p. EDN: YVZZWM (in Russ.)
8. **Tuliglovich M. A.** Implementation of synergetics methodology in criminal law (article one). *Bulletin of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4(33), pp. 51–56. (in Russ.)
9. **Tuliglovich M. A.** Implementation of synergetics methodology in criminal law (article two). *Bulletin of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 1(34), pp. 79–85. (in Russ.)

Информация об авторе

Брашнина Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского института управления – РАНХиГС

Information about the Author

Oksana A. Brashnina, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Siberian Institute of Management – RANEP, Novosibirsk, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 11.02.2025;
одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 21.02.2025

The article was submitted 11.02.2025;
approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 21.02.2025

Научная статья

УДК 343

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-58-66

К вопросу о противодействии современной профессиональной преступности в России уголовно-правовыми мерами: возможности и перспективы

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия

kris1996z@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены уголовно-правовые меры противодействия профессиональной преступности в России, отдельные предложения исследователей по совершенствованию современного отечественного уголовного законодательства в русле ужесточения борьбы с преступниками-профессионалами. Определено, что уголовно-правовые меры, прямо противодействующие современной профессиональной преступной деятельности, недостаточно эффективны, а «косвенные» – не позволяют сосредоточить законодательные усилия на борьбе именно с преступниками-профессионалами. Ввиду этого отмечено, что «руководящую» роль в деле противодействия профессиональной преступности должны играть не уголовно-правовые, а организационно-управленческие, технические, общесоциальные и некоторые другие меры, позволяющие эффективно бороться с видами преступности, обладающими высоким уровнем латентности. Среди перспектив совершенствования отечественного уголовного законодательства в рамках действующей уголовно-правовой доктрины для решения обозначенной проблемы отмечена необходимость дальнейшей модернизации институтов квалификации, множественности преступлений, укрепления принципа индивидуализации и дифференциации наказания, способствующие если не ликвидации профессиональной преступности, то минимизации негативных последствий деятельности преступников-профессионалов.

Ключевые слова

профессиональная преступность, уголовный закон, криминальный профессионализм, уголовно-правовые меры, уголовная политика, Уголовный кодекс РФ, множественность преступлений, противодействие профессиональной преступности, повторность.

Финансирование

НИР подготовлена в рамках выполнения государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

Для цитирования

Зарубина К. А. Противодействие современной профессиональной преступности в России уголовно-правовыми мерами: возможности и перспективы // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 58–66. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-58-66

© Зарубина К. А., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 1

On the Issue of Countering Modern Professional Crime in Russia by Criminal Law Measures: Opportunities and Prospects

Kristina A. Zarubina

South-West State University, Kursk, Russian Federation

kris1996z@mail.ru

Abstract

The article considers criminal law measures to counteract professional crime in Russia, as well as individual proposals from researchers to improve modern domestic criminal legislation in line with tightening the fight against professional criminals. It is determined that criminal law measures directly countering modern professional criminal activity are not effective enough, and «indirect» ones do not allow legislative efforts to focus on combating professional criminals. In view of this, it was noted that the «leading» role in countering professional crime should be played not by criminal law, but by organizational and managerial, technical, general social and some other measures that make it possible to effectively combat types of crime with a high level of latency. Among the prospects for improving domestic criminal legislation within the framework of the current criminal law doctrine to solve this problem, the need for further modernization of qualification institutions, multiplicity of crimes, strengthening the principle of individualization and differentiation of punishment, contributing if not to the elimination of professional crime, then minimizing the negative consequences of the activities of professional criminals, is noted.

Keywords

professional crime, criminal law, criminal professionalism, criminal law measures, criminal policy, Criminal Code of the Russian Federation, multiplicity of crimes, countering professional crime, repetition

Financing

The research was prepared within the framework of the state task «Legal measures to ensure strategic priorities for countering threats to national security» (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1

For citation

Zarubina K. A. Countering modern professional crime in Russia by criminal law measures: opportunities and prospects. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 58–66. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-58-66

Уголовный закон справедливо оценивается современными исследователями как основное средство борьбы с преступностью [1, с. 14–18]. Это полностью отвечает положениям отечественного законодательства, определяющего предупреждение преступлений одной из задач уголовного закона в России (ст. 2 УК РФ). Однако указанная задача в отношении противодействия наиболее опасных видов преступности, как показывает практика, решается не всегда успешно, вследствие чего к анализу отдельных аспектов рассматриваемой проблемы необходимо подойти более обстоятельно. Так, особого внимания требует исследование вопроса противодействия одному из самых опасных и в то же время высоко латентных видов преступности – современной профессиональной преступности – уголовно-правовыми мерами, а также определение перспектив развития отечественного уголовного законодательства с точки зрения уточнения возможностей борьбы с профессиональной преступной деятельностью средствами уголовного закона.

Первоначально выделим направления борьбы средствами уголовного закона с современной профессиональной преступностью в России. Для этого определим, что на наличие у лица криминального профессионализма, в первую очередь, указывает систематичность преступной деятельности, ее повторность, поскольку, только систематически совершая преступления, можно приобрести преступную специализацию, квалификацию, а также получать постоянный доход от общественно опасной деятельности. Уточним, что после упразднения института неоднократности в 2003 г., который, по определению Конституционного Суда РФ, нарушал нормы Конституции РФ, концептуальные установки отечественной уголовно-правовой системы, утверждая двойной учет имеющейся у лица судимости одновременно при квалификации

преступления и назначении наказания¹, повторность преступной деятельности в российском уголовном законе стала учитываться только посредством использования таких институтов, как рецидив и совокупность преступлений.

Отметим, что институт рецидива позволяет учитывать совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда это предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ. Однако указанные институты уголовного законодательства не в полной мере отвечают цели борьбы с профессиональной преступностью. Так, несмотря на углубление связей рецидивной и профессиональной преступности, питающих и воспроизводящих друг друга, они, по справедливому замечанию исследователей, не являются тождественными [2, с. 87–90], и не каждый преступник-рецидивист является «профессионалом», а преступник-профессионал – рецидивистом. В то же время институт совокупности преступлений указывает лишь отчасти на повторность преступной деятельности, не подтверждая факта значительной продолжительности такой противоправной деятельности во времени. Вследствие этого можно заключить, что при всем положительном эффекте от подобного законодательного «учета» систематичности преступной деятельности данные институты в полной мере не охватывают промысел профессиональных преступников, в связи с чем такой учет криминального профессионализма является фрагментарным, а указанное направление противодействия преступникам-профессионалам можно отождествлять с «косвенными» средствами борьбы с профессиональной преступностью уголовно-правовыми мерами.

Другое направление борьбы с деятельностью преступников-профессионалов средствами уголовного закона – это назначение наказания за общественно опасные деяния, обладающие высоким потенциалом применения криминального профессионализма, в рамках выявления определенных преступных специализаций. В качестве примера приведем п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем), которая, по справедливому замечанию отдельных исследователей, специально «предназначена» для профессиональных воров-карманников [3, с. 48–53; 4, с. 132–137]. Отмечено, что у таких преступников в 94,8 % случаев отмечаются особые умения и навыки криминальной деятельности, указывающие на их профессионализм [5, с. 173–179]. Однако, несмотря на высокую степень «профессионализации» лиц, осужденных по данной статье, указанная норма не исключает ситуации привлечения к уголовной ответственности и единожды оступившихся лиц. Так, например, если гражданина Н., признанного виновным Приговором № 1-448/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-448/2021 Октябрьским районным судом г. Красноярск в совершении 20 преступлений, предусмотренных п.п. «в, г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, 4 преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и 1 преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 п.п. «в, г» ч. 2 ст. 158 УК РФ², можно определенно назвать профессиональным воров-карманником,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 30.07.2024); Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 30.07.2024).

² Приговор № 1-448/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-448/2021, Октябрьский районный суд г. Красноярск (Красноярский край). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3fHS8g19GI6B/> (дата обращения: 29.07.2024).

то гражданина С., осужденного по тому же п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ Приговором № 1-363/2023 1-42/2024 от 18 января 2024 г. по делу № 1-363/2023 Канашского районного суда (Чувашская Республика), совершившего единожды карманную кражу, раскаявшегося в содеянном и не имеющего криминального прошлого, профессиональным преступником считать нельзя³. Это дает основание утверждать, что привлечение к уголовной ответственности по указанной статье совершенно не гарантирует обязательного наличия у лица криминального профессионализма, хотя и ввиду специфики нормы чаще всего указывает на него.

Так, назначение более сурового наказания за общественно опасные деяния, обладающие высоким потенциалом применения криминального профессионализма, тоже можно отождествлять с «косвенными» уголовно-правовыми мерами борьбы с профессиональной преступностью, не обеспечивающими прямое противодействие промыслу преступников-профессионалов.

Помимо прочего, в современном УК РФ можно обнаружить нормы, которые прямо указывают на борьбу именно с профессиональными преступниками. В связи с этим выделим спорную законодательную новеллу 2019 г. – ст. 210.1 УК РФ, введенную в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом РФ № 46 от 01.04.2019 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности».

Отметим, что именно ст. 210.1 УК РФ устанавливает ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии – фактически за обладание высоким криминальным статусом в преступном мире⁴. Как справедливо отмечают отдельные исследователи, понятие «высшее положение в преступной иерархии» связано, в первую очередь, со «статусом» «вора в законе» [6, с. 34–41; 7, с. 232–236], а «воров в законе» иначе как профессиональными преступниками назвать нельзя. Иные уточняют, что под данным понятием необходимо подразумевать и обладание другими криминальными «статусами», например, «статусом» «положенца» или «смотрящего» [8, с. 50–58]. Однако вне зависимости от точности формулировок, ясно, что речь в данной норме идет именно о преступниках-профессионалах.

Так, считаем, что ст. 210.1 УК РФ была введена в Уголовный кодекс России именно для прямого «вычленения» наиболее опасных профессиональных преступников среди остальной массы правонарушителей. Однако данное «приспособление», нарушающее в том числе один из основных принципов отечественной уголовно-правовой доктрины – назначение наказания за деяние, выражаемое в форме действия или бездействия, а не за «статус» – превратило данную норму в фактически «декоративный элемент» уголовного законодательства. На это указывает в том числе тот факт, что за уже достаточно продолжительное время существования в правовом пространстве указанной нормы количество обвинительных приговоров по этой статье при общем значительном числе потенциальных обвиняемых крайне мало. Так, согласно данным официальной статистики, по ст. 210.1 УК РФ в 2019 г. осуждено – 0 человек, в 2020 г. – 0 человек, в 2021 – 8 человек, в 2022 г. – 20 человек, а в 2023 г. число осужденных составило 33 человека⁵.

Как видим, попытка законодателя с помощью непосредственного уголовно-правового воздействия пресечь активность наиболее опасных преступников-профессионалов не продемон-

³ Приговор № 1-363/2023 1-42/2024 от 18 января 2024 г. по делу № 1-363/2023, Канашский районный суд (Чувашская Республика). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KjxCqAiUS6LS/> (дата обращения: 29.07.2024).

⁴ Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». URL: https://base.garant.ru/72210300/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_141 (дата обращения: 30.01.2024).

⁵ Судебная статистика РФ / РАПСИ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 11.07.2024).

стрировала высокую эффективность. Кроме того, эта попытка правового регулирования общественных отношений до настоящего времени справедливо активно критикуется в научной среде, указывающей на значительные противоречия в действии самой нормы [9, с. 75–76; 10, с. 43–48; 11, с. 147–152; 12, с. 465–476].

Все это в совокупности дает основание заключить, что прямое противодействие средствами уголовного закона профессиональной преступности не всегда эффективно, а «косвенное» (как, например, в результате применения институтов рецидива, совокупности преступлений или назначения более сурового наказания за деяния, потенциально совершаемые «профессионалами»), в свою очередь, не позволяет направить все законодательные усилия на противодействие именно профессиональной, а не в целом общеуголовной преступности.

В качестве мер совершенствования отечественного уголовного законодательства в русле ужесточения борьбы с профессиональной преступностью современные исследователи предлагают введение «специальной» нормы, закрепляющей понятие «криминальный профессионализм» (или близкого по содержанию к нему понятия), а также для ряда составов преступлений корыстной направленности – специального квалифицирующего признака, указывающего на занятие лицом преступной деятельностью на профессиональной основе. При этом современные исследователи предлагают реализовать данные идеи в разных вариантах. Так, например, С. Н. Кондратьева предлагает закрепить в Общей части современного УК РФ понятие «профессиональный преступник» с введением в отдельные нормы уголовного закона квалифицирующего признака «совершение преступления профессиональным преступником» [13, с. 49–53]. Некоторые ученые рекомендуют установить специальный перечень преступлений, подпадающих под признаки профессиональной преступной деятельности [14, с. 102–104]. А. Л. Репецкая отмечает необходимость, воспользовавшись опытом зарубежных стран, назначения наказания преступникам, в действиях которых обнаружены признаки криминального профессионализма, за каждое из совершенных преступлений без ограничения максимального срока основного вида наказания, т. е. методом сложения, а не поглощения [15, с. 65–71]. Однако, несмотря на общую положительную направленность законодательных преобразований, эти предложения также вызывают ряд вопросов.

Во-первых, отмечаются противоречия в самом законодательном закреплении понятия «криминальный профессионализм» (или близкого к нему понятия). Так, если при формулировании определения понятия криминального профессионализма в качестве основного признака выделять систематичность преступной деятельности, ее повторность, то возникает закономерный вопрос: если лицо уже отбыло наказание за совершенное преступление и его судимость погашена, то на каком основании возможно ужесточение наказания в нарушении важнейшего руководящего начала уголовного права, устанавливающего за одно преступление одно наказание? А если его предыдущая вина не доказана, и за него лицо не понесло наказание, то подобное ужесточение ответственности нарушает другой принцип уголовного права – лицо несет ответственность только за те общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Это дает основание полагать, что указание на повторность преступной деятельности не совсем корректно при законодательном закреплении признаков криминального профессионализма.

В то же время, если принимать за основу другие признаки криминального профессионализма, как важнейшие индикаторы профессиональной преступной деятельности, такие как, например, наличие криминальных знаний, умений и навыков у лица, это также будет идти вразрез с общими концептуальными установками развития уголовного права в России, поскольку данные признаки позволяют оценить, в большей мере, личность преступника, нежели его действия и бездействия, в то время как современное уголовное законодательство идет по пути оценки совершенных деяний, а не личностных характеристик [16, с. 52–60].

Также в ситуации с законодательным закреплением понятия криминальный профессионализм при невозможности формирования закрытого перечня составов преступлений, при со-

вершении которых возможно применение особых криминальных знаний, умений и навыков, отдельные исследователи справедливо указывают на чрезмерное расширение в процессе правоприменения в этом случае судебного усмотрения, что также не совсем корректно в рамках существования действующей уголовно-правовой системы [17, с. 182–187].

И, наконец, укажем, что именно профессиональная преступность, по справедливым оценкам современных ученых, как ни одна другая разновидность преступной деятельности, обладает высоким уровнем латентности [18, с. 32–37; 19, с. 251]. Исследователь В. И. Омигов верно отмечает, что преступники-профессионалы обладают значительным опытом противодействия органам уголовной юстиции [20, с. 54–58], а некоторые ученые даже выделяют высокую степень неуязвимости от уголовного преследования как неотъемлемый признак криминального профессионализма [21; 22, с. 111–115]. Вследствие этого считаем, что направлять значительные законодательные усилия на выявление средствами уголовного закона лиц, ведущих столь скрытный криминальный образ жизни, также не совсем корректно.

Все это в совокупности дает право заключить, что предложения по модернизации уголовного законодательства в русле ужесточения борьбы с профессиональной преступностью прямыми уголовно-правовыми средствами также встречают множество трудностей и противоречий в реализации. В результате этого современный законодатель оказывается в ситуации, когда для противодействия профессиональной преступности мерами уголовного закона либо приходится нарушать основные руководящие начала уголовного права, «приспосабливая» закон для нужд уголовной политики (как в случае введения в действие ст. 210.1 УК РФ, предусматривающей привлечение к ответственности не за деяние, а за «статус»), либо использовать «косвенные» нормы, не позволяющие вычленить деятельность именно преступников-профессионалов среди иной противоправной деятельности и назначить им более суровое наказание за их криминальную активность.

Таким образом, анализ действующих норм уголовного законодательства, правоприменительной практики, а также предложений по модернизации отечественного уголовного закона в русле ужесточения борьбы с деятельностью преступников-профессионалов показал, что возможности «прямых» уголовно-правовых мер противодействия профессиональной преступности ввиду множества факторов несколько ограничены. Выявлено, что ужесточение наказания по линии противодействия криминальной деятельности «профессионалов» оправдывается в большей мере требованиями формальной справедливости, нежели эффективностью реализации данных мер. «Косвенные» меры противодействия деятельности профессиональных преступников, в свою очередь, менее противоречивы, но не позволяют в полной мере обеспечить решение задачи борьбы с криминальной активностью «профессионалов». Вследствие этого, определяя дальнейшие перспективы развития отечественного уголовного законодательства в обозначенном русле, уточним, что для противодействия профессиональной преступности в рамках действующей уголовно-правовой доктрины необходимо в большей мере уделять внимание общей модернизации институтов уголовного закона, нежели введению новых норм, обеспечивающих достижение цели борьбы с преступниками-профессионалами. Ввиду этого считаем необходимым дальнейшее совершенствование институтов квалификации преступных деяний, множественности преступлений, укрепление принципа индивидуализации и дифференциации наказания, что косвенным образом будет содействовать если не ликвидации профессиональной преступности, то минимизации негативных последствий деятельности преступников-профессионалов. При этом считаем, что «руководящую» роль в общем деле борьбы с профессиональной преступностью должны играть не уголовно-правовые, а организационно-управленческие, технические, общесоциальные и некоторые другие меры, позволяющие с большей эффективностью бороться с видами преступности, обладающими высоким уровнем латентности.

Список литературы

1. **Бавсун М. В.** Влияние средств уголовно-правового воздействия на достижение целей противодействия преступности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 2. С. 14–18.
2. **Гончарова М. В.** Рецидив корыстных преступлений в криминальных процессах России // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 87–90.
3. **Вакуленко Н. А.** Изучение криминологических параметров личности карманного вора как основа для организации превентивной деятельности // ЮП. 2020. № 3 (94). С. 48–53.
4. **Ишигеев В. С., Романова Н. Л., Бондарь А. Я.** Криминальный профессионализм в XXI веке как объект криминологического исследования // Вестник Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2019. № 4 (37). С. 132–137.
5. **Бердникова О. П.** Криминалистические особенности и типология личности преступника, совершающего кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Вестник Восточно-Сибир. ин-та МВД России. 2018. № 4 (87). С. 173–179.
6. **Эзрохин П. В.** Уголовно-правовые институты в оперативно-служебной деятельности подразделений уголовного розыска по противодействию организованной преступности: проблемы применения и пути решения // Тр. Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 34–41.
7. **Рязанов Н. С.** Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2014. № 1 (38). С. 232–236.
8. **Григорьев Д. А., Морозов В. И.** Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 50–58.
9. **Семенов В. Р., Гришин Н. С.** Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210. 1 УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 75–76.
10. **Пережогина Г. В.** Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43–48.
11. **Кармановский М. С., Косьяненко Е. В.** Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2019. № 2 (82). С. 147–152.
12. **Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф.** Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминолог. журн. 2019. № 3. С. 465–476.
13. **Кондратьева С. Н.** Меры предупреждения профессиональной преступности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 6 (223). С. 49–53.
14. **Асланян М. М.** Совершенствование института рецидива преступлений как легальной формы профессиональной преступности // Общество и право. Краснодар, 2008. № 2 (20). С. 102–104.
15. **Репецкая А. Л.** Основные направления противодействия профессиональной преступности в современный период: сб. материалов XXVIII Международ. науч.-практич. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД Российской Федерации, 2023. С. 65–71.
16. **Боровских Р. Н.** Уголовная ответственность за мелкое хищение: декларируемые цели и фактические смыслы // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 52–60.
17. **Фарышев Е. В.** Правовые меры противодействия профессиональной преступности в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 182–187.

18. **Артемьев Н. С., Забелич А. А.** Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // АВБсП. 2017. № 1. С. 32–37.
19. **Мельникова О. А.** Преступники-рецидивисты третьего возраста в контексте профессиональной дифференциации // Вестник СГТУ. 2008. № 1. С. 251–252.
20. **Омигов В. И.** Профессиональная преступность: ее современное содержание // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 21. С. 54–58.
21. **Гири́н А. В., Горбунов А. Н.** Оперативно-розыскная психология. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/4/13.htm> (дата обращения: 27.06.2024).
22. **Купейников К. В.** Понятие и криминологическая характеристика профессиональной преступности // Право и практика. 2018. № 3. С. 111–115.

References

1. **Bavsun M. V.** The influence of means of criminal legal influence on achieving the goals of combating crime. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 2, pp. 14–18. (in Russ.)
2. **Goncharova M. V.** Recidivism of mercenary crimes in criminal processes in Russia. *Man: crime and punishment*, 2012, no. 1, pp. 87–90. (in Russ.)
3. **Vakulenko N. A.** Studying the criminological parameters of a pickpocket's personality as a basis for organizing preventive activities. *YUP*, 2020, no. 3 (94), pp. 48–53. (in Russ.)
4. **Ishigeev V. S., Romanova N. L., Bondar A. Ya.** Criminal professionalism in the XXI century as an object of criminological research. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4 (37), pp. 132–137. (in Russ.)
5. **Berdnikova O. P.** Criminalistic features and typology of the personality of a criminal who commits theft from clothes, bags or other hand luggage that were with the victim. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (87), pp. 173–179. (in Russ.)
6. **Ezrokhin P. V.** Criminal law institutions in the operational and official activities of criminal investigation units to combat organized crime: problems of application and solutions. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3 (47), pp. 34–41. (in Russ.)
7. **Ryazanov N. S.** Problems of qualification of crimes under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. *OmSU Bulletin. Series. Right*, 2014, no. 1 (38), pp. 232–236. (in Russ.)
8. **Grigoriev D. A., Morozov V. I.** How to identify a person occupying the highest position in the criminal hierarchy? *Legal science and law enforcement practice*, 2014, no. 4 (30), pp. 50–58. (in Russ.)
9. **Semenov V. R., Grishin N. S.** A person occupying the highest position in the criminal hierarchy as a subject of a crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Law and Law*, 2019, no. 8, pp. 75–76. (in Russ.)
10. **Perezhogina G. V.** Issues of criminal responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Legal science and law enforcement practice*, 2019, no. 4 (50), pp. 43–48. (in Russ.)
11. **Karmanovsky M. S., Kosyanenko E. V.** Responsibility for acts provided for in Articles 210 and 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (82), pp. 147–152. (in Russ.)
12. **Burlakov V. N., Shchepelkov V. F.** The leader of the criminal community and the basis of responsibility: postmodernity in criminal law. *All-Russian Journal of Criminology*, 2019, no. 3, pp. 465–476. (in Russ.)
13. **Kondratieva S. N.** Measures to prevent professional crime. *Bulletin of SUSU. Series: Law*, 2011, no. 6 (223), pp. 49–53. (in Russ.)

14. **Aslanyan M. M.** Improving the institution of recidivism as a legal form of professional crime. *Society and Law*, 2008, no. 2 (20), pp. 102–104. (in Russ.)
15. **Repetskaya A. L.** The main directions of countering professional crime in the modern period. *Collection of materials of the XXVIII international scientific and practical conference*. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023, pp. 65–71. (in Russ.)
16. **Borovskikh R. N.** Criminal liability for petty theft: declared goals and actual meanings. *Legal science and practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 52–60. (in Russ.)
17. **Faryshev E. V.** Legal measures to counteract professional crime in modern Russia. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2020, no. 6, pp. 182–187. (in Russ.)
18. **Artemyev N. S., Zabelich A. A.** Characteristics of professional crime and the personality of a professional criminal. *AVBsP*, 2017, no. 1, pp. 32–37. (in Russ.)
19. **Melnikova O. A.** Repeat offenders of the third age in the context of professional differentiation. *Bulletin of the SSTU*, 2008, no. 1, pp. 251–252. (in Russ.)
20. **Omigov V. I.** Professional crime: its modern content. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2011, no. 21, pp. 54–58. (in Russ.)
21. **Girin A. V., Gorbunov A. N.** Operational investigative psychology. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/4/13.htm> (accessed: 06/27/2024). (in Russ.)
22. **Krupeynikov K. V.** The concept and criminological characteristics of professional crime. *Law and practice*, 2018, no. 3, pp. 111–115. (in Russ.)

Информация об авторе

Зарубина Кристина Александровна, кандидат исторических наук

Information about the Author

Kristina A. Zarubina, Candidate of Historical Sciences

*Статья поступила в редакцию 03.08.2024;
одобрена после рецензирования 17.09.2024; принята к публикации 21.02.2025*
*The article was submitted 03.08.2024;
approved after reviewing 17.09.2024; accepted for publication 21.02.2025*

Научная статья

УДК 341.4

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-67-77

Уголовная ответственность коммерческих юридических лиц по уголовному кодексу Вьетнама

Нгуен Нам Ха

Университет промышленности и торговли г. Хошимин (HUIT)
Хошимин, Вьетнам

hann@huit.edu.vn; namhadhcn4@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются положения Уголовного кодекса Вьетнама об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц и практическое применение этих положений с 2018 по 2025 г. Статья способствует разъяснению теории и практики применения положений Уголовного кодекса Вьетнама об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц. На этой основе вносить предложения по уголовному законодательству об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц.

Ключевые слова

Уголовный кодекс Вьетнама, уголовная ответственность коммерческих юридических лиц, уголовные наказания для коммерческих юридических лиц

Для цитирования

Нгуен Н. Х. Уголовная ответственность коммерческих юридических лиц по Уголовному кодексу Вьетнама // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 67–77. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-67-77

Criminal Liability of Commercial Legal Entities in Accordance with the Criminal Code of Vietnam

Nguyen Nam Ha

Ho Chi Minh City University of Industry and Trade (HUIT)
Ho Chi Minh City, Vietnam

hann@huit.edu.vn; namhadhcn4@gmail.com

Abstract

The article analyzes the provisions of the Criminal Code of Vietnam on the criminal liability of commercial legal entities and the practical application of these provisions from 2020 to 2024. The article helps to clarify the theory and practice of applying the provisions of the Criminal Code of Vietnam on the criminal prosecution of commercial legal entities. On this basis, make proposals on criminal legislation on the criminal liability of commercial legal entities.

Keywords

Criminal Code of Vietnam; Criminal liability of commercial legal entities; Criminal penalties for commercial legal entities

For citation

Nguyen N. H. Criminal liability of commercial legal entities in accordance with the Criminal Code of Vietnam. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 67–77. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-67-77

© Нгуен Н. Х., 2025

Введение

В Гражданском кодексе Вьетнама 2015 г. юридические лица делятся на две категории: «коммерческие юридические лица» и «некоммерческие юридические лица»¹. Данное положение является основой положения об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц в Уголовном кодексе 2015 г. Понятие «Коммерческое юридическое лицо» закреплено в ст. 75 Гражданского кодекса Вьетнама 2015 г.: «*Коммерческие юридические лица включают в себя все виды компаний и другие экономические организации, основной целью которых является получение прибыли, а прибыль распределяется между участниками*». Исходя из этого определения, коммерческое юридическое лицо во Вьетнаме включает в себя как все типы компаний, так и кооперативы, а также объединения кооперативов. Положения о коммерческих и некоммерческих юридических лицах в Гражданском кодексе Вьетнама отличаются от положений о коммерческих и некоммерческих юридических лицах в Гражданском кодексе Российской Федерации, который определяет «*формы жилищные, жилищно-строительные и гаражные кооперативы, общества взаимного страхования, кредитные кооперативы, фонды проката, сельскохозяйственные потребительские кооперативы, являющиеся некоммерческими организациями*»². В истории уголовного законодательства Вьетнама уголовная ответственность коммерческих юридических лиц впервые была урегулирована Уголовным кодексом³ 2015 г. Из 318 преступлений, предусмотренных 318 статьями Особенной части Уголовного кодекса, коммерческое юридическое лицо во Вьетнаме может быть привлечено к уголовной ответственности только за 33 преступления, предусмотренные 33 статьями Особенной части Уголовного кодекса, что составляет 10,38 % от общего числа преступлений.

1. Теории уголовной ответственности коммерческих юридических лиц

Уголовная ответственность коммерческих юридических лиц в Уголовном кодексе Вьетнама строится на основе теории гомогенизации ответственности.

Теория гомогенизации ответственности является важной правовой основой регулирования уголовной ответственности коммерческих юридических лиц. Соответственно, в некоторых особых случаях коммерческие юридические лица могут подлежать уголовной ответственности, аналогичной ответственности вменяемых физических лиц. Этот принцип отождествляет преступные действия, уголовную ответственность менеджеров, руководителей с уголовной ответственностью самого этого коммерческого юридического лица.

Применение теории гомогенизации ответственности в регулировании уголовной ответственности коммерческих юридических лиц может способствовать повышению ответственности коммерческих организаций, обеспечению прозрачности и корректности предпринимательской деятельности. Однако данная теория сузила сферу уголовной ответственности юридических лиц, что привело к исключению преступлений в некоторых случаях, когда юридические лица уполномочивают персонал уровня специалиста (низшего звена) выполнять кадровые обязанности от имени и в интересах юридического лица, нарушающего уголовное законодательство.

Теоретически можно утверждать, что уголовная ответственность коммерческого юридического лица – это способность коммерческого юридического лица быть подвергнутым наказа-

¹ См.: Ст. 74 Гражданского кодекса Вьетнама № 91/2015/QH13 от 24 ноября 2015 г. (вступил в силу с 1 января 2017 г.)

² См.: П. 3 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)

³ См.: Глава XI Положения для коммерческих юридических лиц, совершающих преступления, Уголовного кодекса Вьетнама № 100/2015/QH13 от 27 ноября 2015 г. (с изменениями и дополнениями от 20 июня 2017 г.) (вступило в силу с 1 января 2018 г.)

ниям, предусмотренным Уголовным кодексом, за ряд деяний, считающихся преступлениями, совершенными физическими лицами, которые являются законными представителями коммерческих юридических лиц в пределах деятельности данного коммерческого юридического лица. Уголовная ответственность коммерческого юридического лица заключается в том, что коммерческое юридическое лицо привлекается к уголовной ответственности и понесет наказание, соразмерное преступному деянию, совершенному законным представителем в интересах коммерческого юридического лица.

2. Положения Уголовного кодекса о коммерческих юридических лицах, совершающих преступления во Вьетнаме

2.1. Принципы уголовного преследования коммерческих юридических лиц, совершивших преступления

Уголовный кодекс устанавливает четыре основных принципа, на основе которых может быть осуществлена уголовная ответственность юридических лиц, совершивших преступления⁴:

во-первых, все преступные деяния, совершаемые коммерческими юридическими лицами, должны быть своевременно обнаружены и рассмотрены быстро и справедливо в соответствии с законом;

во-вторых, все коммерческие юридические лица, совершившие преступления, равны перед законом, независимо от форм собственности и отрасли экономики;

в-третьих, строго наказывать коммерческие юридические лица, совершающие преступления с использованием изощренных приемов, профессионально и умышленно повлекших особо тяжкие последствия;

в-четвертых, снисхождение к коммерческим юридическим лицам, которые активно сотрудничают с ответственными органами в раскрытии преступлений или в процессе разрешения дел, добровольно возмещают причиненный ущерб и упреждающе предотвращают преступления, предупреждают или устраняют последствия.

2.2. Действие Уголовного кодекса в отношении преступных деяний, совершенных за пределами территории Социалистической Республики Вьетнам

Действие Уголовного кодекса в отношении преступных деяний, совершенных за пределами территории Социалистической Республики Вьетнам, определяется следующим образом⁵.

Вьетнамское коммерческое юридическое лицо, совершившее преступление за пределами территории Социалистической Республики Вьетнам, которое определяется как преступление настоящим Уголовным кодексом, может быть привлечено к уголовной ответственности во Вьетнаме в соответствии с положениями настоящего Уголовного кодекса.

Иностранные коммерческие юридические лица, совершившие преступления за пределами территории Социалистической Республики Вьетнам, могут быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии с положениями Уголовного кодекса Вьетнама в случаях, если преступление нарушает права других лиц, законные интересы граждан Вьетнама или интересы Социалистической Республики Вьетнам или предусмотрены международными договорами, участницей которых является Социалистическая Республика Вьетнам.

⁴ См.: П. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г.

⁵ См.: П.п. 1, 2 ст. 6 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г.

2.3. Условия привлечения к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, совершивших преступления

Уголовный кодекс устанавливает, что коммерческое юридическое лицо несет уголовную ответственность только в случае совершения одного из 33 преступлений, указанных в Уголовном кодексе, и должно соответствовать всем четырем условиям⁶:

- во-первых, преступление совершается от имени коммерческого юридического лица;
- во-вторых, преступление совершено в интересах коммерческого юридического лица;
- в-третьих, преступление совершается под руководством, управлением или с одобрения коммерческого юридического лица;
- в-четвертых, не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности⁷.

Отметим, что привлечение к уголовной ответственности коммерческого юридического лица, совершившего преступление, не исключает уголовной ответственности лиц, являющихся руководителями и законными представителями коммерческого юридического лица. Они также подлежат соответствующей уголовной ответственности.

2.4. Уголовное наказание, применимое к коммерческим юридическим лицам, совершившим преступления

Уголовный кодекс Вьетнама предусматривает 3 основных вида наказаний и 3 дополнительных вида наказаний для коммерческих юридических лиц, совершивших преступления⁸.

К основным наказаниям относятся: штраф; временное приостановление деятельности; постоянное приостановление деятельности.

Дополнительные наказания включают: запрет на ведение бизнеса и деятельности в определенных областях; запрет на мобилизацию капитала; штраф, если он не применяется в качестве основного наказания.

За каждое преступление коммерческое юридическое лицо, совершившее преступление, подлежит только одному основному наказанию и может быть подвергнуто одному или нескольким дополнительным наказаниям.

2.5. Конкретные преступления, применимые к коммерческим юридическим лицам

Уголовный кодекс Вьетнама предусматривает уголовную ответственность для коммерческих юридических лиц за 33 конкретных преступления⁹, разделенных на 3 группы преступлений:

- а) преступления против порядка государственного управления экономикой;
- б) экологические преступления;
- в) преступления против общественного порядка.

⁶ См.: Ст. 75 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г.

⁷ См.: Срок давности привлечения к уголовной ответственности предусмотрен в ст. 27 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г.: «5 лет по преступлениям небольшой тяжести; 10 лет по преступлениям средней тяжести; 15 лет по тяжким преступлениям; 20 лет по особым тяжким преступлениям».

⁸ См.: Ст. 33 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г.

⁹ См.: Ст. 76 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г.

Таблица 1

Краткое изложение 33 конкретных видов преступлений, подлежащих
уголовному преследованию в отношении коммерческих юридических лиц

Table 1

Summary of 33 specific types of crimes subject to criminal prosecution against commercial legal
entities

№	Статья	Конкретные виды преступлений
1	2	3
<i>A</i>		<i>Преступления против порядка управления экономикой</i>
1	Ст. 188	Контрабанда
2	Ст. 189	Незаконная перевозка товаров и валюты через границы
3	Ст. 190	Изготовление и сбыт запрещенных товаров
4	Ст. 191	Хранение и перевозка запрещенных товаров
5	Ст. 192	Изготовление и сбыт контрафактной продукции
6	Ст. 193	Изготовление и сбыт фальсифицированных пищевых продуктов, пищевых товаров и пищевых добавок
7	Ст. 194	Изготовление и сбыт фальсифицированных лекарственных средств и средств профилактики заболеваний
8	Ст. 195	Преступление, связанное с изготовлением и торговлей контрафактными товарами, такими как корма для животных, удобрения, ветеринарные препараты, пестициды, сорта растений и породы животных
9	Ст. 196	Спекуляция
10	Ст. 200	Уклонение от уплаты налогов
11	Ст. 203	Незаконные изготовление, выдача и торговля счетами-фактурами и платежными документами в государственный бюджет
12	Ст. 209	Умышленное распространение заведомо ложной информации или сокрытие информации при осуществлении деятельности по ценным бумагам
13	Ст. 210	Использование инсайдерской информации для купли-продажи ценных бумаг
14	Ст. 211	Манипулирование фондовым рынком
15	Ст. 213	Мошенничество в страховой деятельности
16	Ст. 216	Уклонение от уплаты взносов на социальное страхование, медицинское страхование, страхование по безработице за работников
17	Ст. 217	Нарушение правил конкуренции
18	Ст. 225	Нарушение авторских и смежных прав
19	Ст. 226	Нарушение прав промышленной собственности
20	Ст. 227	Нарушение правил поиска, разведки и разработки полезных ископаемых
21	Ст. 232	Нарушение правил использования, охраны и защиты лесов и лесохозяйственной деятельности
22	Ст. 234	Нарушение правил охраны диких животных
<i>B</i>		<i>Экологические преступления</i>
23	Ст. 235	Преступление, повлекшее загрязнение окружающей среды
24	Ст. 237	Нарушение правил предупреждения, ликвидации и ликвидации экологических инцидентов

Окончание табл. 1

1	2	3
25	Ст. 238	Нарушение правил обеспечения безопасности гидротехнических сооружений, плотин, предупреждения и ликвидации стихийных бедствий; нарушение правил берегоукрепления рек
26	Ст. 239	Ввоз отходов на территорию Вьетнама
27	Ст. 242	Уничтожение водных ресурсов
28	Ст. 243	Уничтожение лесов
29	Ст. 244	Нарушение правил охраны находящихся под угрозой исчезновения, ценных и редких животных
30	Ст. 245	Нарушение правил ведения природопользования
31	Ст. 246	Ввоз и распространение инвазивных чужеродных видов
С	Преступления против общественного порядка	
32	Ст. 300	Финансирование терроризма
33	Ст. 324	Отмывание денег

Среди 33 статей о конкретных преступлениях, за которые Уголовный кодекс Вьетнама предусматривает уголовную ответственность для коммерческих юридических лиц: преступления против порядка государственного хозяйственного управления (22 статьи, соответствующие 22 видам преступлений); экологические преступления (9 статей, соответствующих 9 видам преступлений); преступления, связанные с нарушением общественного порядка (2 статьи, соответствующие 2 видам преступлений).

Таблица 2

Процент видов преступлений, за которые Уголовный кодекс Вьетнама предусматривает уголовную ответственность для коммерческих юридических лиц, по сравнению с общим числом 318 видов преступлений Уголовного кодекса Вьетнама

Table 2

The percentage of crime types for which the Vietnamese Criminal Code provides criminal liability for commercial legal entities compared to the total number of 318 crime types in the Vietnamese Criminal Code

№	Виды преступлений	Количество статей	Процент (%)
1	Преступления против порядка управления экономикой	22	66,67 %
2	Экологические преступления	09	27,27 %
3	Преступления против общественного порядка	02	06,06 %

3. Практическое применение положений Уголовного кодекса к коммерческим юридическим лицам, совершающим преступления во Вьетнаме

С момента вступления в силу Уголовного кодекса Вьетнама № 100/2015/QН13 – 1 января 2018 г. – по настоящее время, правоохранительные органы Вьетнама возбудили, расследовали, осуществили судебное преследование и рассмотрели в суде 2 уголовных дела в отношении коммерческих юридических лиц, совершивших преступления, предусмотренные в Уголовном кодексе.

Первое уголовное дело: 14 января 2020 г. Народный суд провинции Фу Тхо, Вьетнам рассмотрел уголовное дело в отношении Viet Phap Aluminum Joint Stock Company¹⁰ и Бу Ван Фу – директора, законного представителя Viet Phap Aluminum Joint Stock Company. В данном уголовном деле Судебная коллегия Народного суда провинции Фу Тхо, Вьетнам установила, что с января 2018 г. по апрель 2019 г. Бу Ван Фу, директор Viet Phap Aluminum Joint Stock Company, а также директор филиала Viet Phap Aluminum Joint Stock Company¹¹, использовал этикетки с надписью «VIET PHAP SHAL ALUMINUM», которые наклеиваются на алюминевые профили, производимые филиалом Vietnam Phap Aluminum Joint Stock Company для продажи на рынке. Товарный знак «VIET PHAP SHAL ALUMINUM» получил свидетельство о защите прав промышленной собственности № 292021 от Департамента интеллектуальной собственности Министерства науки и технологий Правительства Вьетнама для Viet Phap SHAL Aluminum Company Limited¹². Общая стоимость товаров, нарушающих права интеллектуальной собственности на рынке, составляет 11 106 592 233 донгов, а стоимость контрафактных товаров, оставшихся на складе, составляет 11 995 758 450 донгов. Общая стоимость товаров, являющихся предметом уголовного преследования по данному делу, составляет 23 102 350 683 донгов (эквивалент 90 672 336,98 рублей). В этом уголовном деле было установлено, что коммерческое юридическое лицо Viet Phap Aluminum Joint Stock Company совершило преступление и должно понести уголовную ответственность. Определение о том, что Viet Phap Aluminum Joint Stock Company совершило преступление, основано на преступных действиях осужденного Бу Ван Фу – директора Viet Phap Aluminum Joint Stock Company. Таким образом, с точки зрения практического применения закона правоохранительными органами доказано, что преступление было совершено физическим лицом от имени коммерческого юридического лица, в интересах коммерческого юридического лица, под руководством и контролем коммерческого юридического лица. Поведение коммерческого юридического лица и привлечение к уголовной ответственности коммерческого юридического лица, которым в данном случае является Viet Phap Aluminum Joint Stock Company, также не исключает личной юридической ответственности Бу Ван Фу, который является директором Viet Phap Aluminum Joint Stock Company. Что касается преступления, судебная коллегия признала Бу Ван Фу и Viet Phap Aluminum Joint Stock Company виновными в «нарушении прав промышленной собственности», преступление и наказание предусмотрены в ст. 226 Уголовного кодекса Вьетнама. В отношении Viet Phap Aluminum Joint Stock Company суд применил п. 4 ст. 226 Уголовного кодекса и приговорил к штрафу в размере 2 000 000 000 донгов (эквивалент 7 751 000 000 рублей). В отношении директора Бу Ван Фу судебная коллегия применила п. 2 ст. 226 Уголовного кодекса и приговорила его к штрафу в размере 500 000 000 донгов (эквивалент 1 937 850 рублей). По гражданско-правовой ответственности Судебная коллегия основывалась на ст. 48 Уголовного кодекса, ст. 584, ст. 585, ст. 592 Гражданского кодекса; п. 6 ст. 203; ст. 204; п. 1 ст. 205 Закона об интеллектуальной собственности, обязывающих Бу Ван Фу и Viet Phap Aluminum Joint Stock Company нести совместную ответственность за компенсацию Viet Phap SHAL Aluminum Company Limited суммы 514 950 000 донгов (эквивалент 2 021 080,91 рублей). В том числе: компенсация за ущерб репутации составляет 14 950 000 донгов; компенсация материального ущерба составляет 500 000 000 донгов.¹³

¹⁰ Адрес Viet Phap Aluminum Joint Stock Company: Комната 1, здание N3, Университет образования I, отделение Дич Вонг, район Кау Гиай, город Ханой, Вьетнам.

¹¹ Адрес филиала Viet Phap Aluminum Joint Stock Company: участок А, Промышленный парк Ха, коммуна Хонгда, район Тамнонг, провинция Фу Тхо, Вьетнам.

¹² Адрес Viet Phap SHAL Aluminum Company Limited: промышленный парк Сон, улица Тран Нхан Тонг, район Нинь Сон, город Нинь Бинь, провинция Нинь Бинь, Вьетнам.

¹³ Приговор первой инстанции по уголовному делу № 02/2020/HS-ST от 14 января 2020 г. Народного суда провинции Фу Тхо, Вьетнам.

Второе уголовное дело: 16 марта 2023 г. Народный суд провинции Бариа-Вунгтау, Вьетнам, рассмотрел уголовное дело в отношении коммерческого юридического лица Saigon Beer Corporation Вьетнам и Ле Динь Трунг, который является директором и законным представителем Saigon Beer Corporation Vietnam за преступление «нарушение прав промышленной собственности», преступление и наказание за него предусмотрены в ст. 226 Уголовного кодекса Вьетнама. В частности, Saigon Beer Corporation Вьетнам выпустила пивную продукцию под брендами «SAIGON VIETNAM BEER», «SAIGON VIETNAM BEER & Dragon Shape» для продажи на рынке, общая стоимость товаров составляет 1 472 250 000 донгов (эквивалент 5 705 999 руб.). Согласно оценочному заключению Института науки интеллектуальной собственности Министерства науки и технологий, вышеуказанные товарные знаки являются товарными знаками, нарушающими права на товарный знак «BIA SAIGON», защищенный свидетельством о регистрации товарного знака 221596 и «BIA «SAIGON & Dragon Image», защищенный свидетельством о регистрации товарного знака № 225588, и считаются известными товарными знаками Saigon Beer – Alcohol – Beverage Corporation (SABECO).

Таблица 3

Результаты уголовных процессов над коммерческими юридическими лицами
во Вьетнаме за 2018–2025 гг.

Table 3

Results of criminal trials against commercial legal entities in Vietnam for 2018–2025

№	Коммерческое юридическое лицо / Законный представитель	Преступление	Основное наказание	Дополнительное наказание / Гражданско-право- вая ответственность
1	Vietnam Phap Aluminum Joint Stock Company	«Нарушение прав промышленной собственности», п. 4 ст. 226 УК Вьетнама	Штраф в размере 2 000 000 000 дон- гов (эквивалент 7 751 400 рублей)	Компенсация за ущерб репутации составляет 14 950 000 донгов; компенсация за материальный ущерб составляет 500 000 000 донгов
2	Бу Ван Фу – дирек- тор, законный пред- ставитель Vietnam Phap Aluminum Joint Stock Company	«Нарушение прав промышленной собственности», п. 2 ст. 226 УК Вьетнама	Штраф в размере 500 000 000 дон- гов (эквивалент 1 937 850 рублей)	Несет солидарную ответственность с компанией за возме- щение ущерба
3	Saigon Beer Corporation Вьетнам	«Нарушение прав промышленной собственности», п. 4 ст. 226 УК Вьетнама	Штраф в размере 3 000 000 000 дон- гов (эквивалент 11 627 100 рублей)	
4	Ле Динь Трунг – директор, законный представитель Saigon Beer Corporation Вьетнам	«Нарушение прав промышленной собственности», п. 2 ст. 226 УК Вьетнама	Штраф в размере 700 000 000 VND донгов (эквива- лент 2 712 990 ру- блей)	

Судебная коллегия Народного суда провинции Бариа-Вунгтау применила п. 2 ст. 226 Уголовного кодекса; п. 2 ст. 213 Закона об интеллектуальной собственности и приговорила Ле

Динь Чунга к штрафу в размере 700 000 000 донгов (эквивалент 2 712 990 руб.); применила п. 4 ст. 226 Уголовного кодекса; п. 2 ст. 213 Закона об интеллектуальной собственности и приговорила Saigon Beer Corporation Вьетнам к штрафу в размере 3 000 000 000 донгов (эквивалент 11 627 100 рублей). Судебная коллегия также постановила конфисковать и уничтожить 4712 ящиков из-под пива с этикеткой «SAIGON VIETNAM BEER», готовую продукцию, 116 700 пивных банок и 3 300 картонных коробок с пивом.¹⁴

Коммерческие юридические лица Viet Phap Aluminum Joint Stock Company и Saigon Beer Corporation Вьетнам были признаны виновными в совершении преступления «нарушение прав промышленной собственности» в соответствии с положениями п. 4 ст. 226 Уголовного кодекса, законные представители двух коммерческих юридических лиц, которые также являются исполнительными директорами двух коммерческих юридических лиц, совершили преступление «нарушение прав промышленной собственности» от имени коммерческих юридических лиц, в интересах коммерческих юридических лиц, под руководством, управлением и одобрением коммерческих юридических лиц, и срок давности привлечения к уголовной ответственности не истек, что соответствует условиям привлечения к уголовной ответственности для коммерческих юридических лиц, предусмотренной ст. 74 Уголовного кодекса Вьетнама. В то же время привлечение к уголовной ответственности коммерческого юридического лица не исключает уголовной ответственности физического лица, законного представителя, исполнительного директора двух коммерческих юридических лиц.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит положений об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц. Поэтому изучение положений об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц в Уголовном кодексе Вьетнама имеет теоретическое и практическое значение с точки зрения теории законотворчества, правоприменения и эффективности применения права.

За 7 лет применения Уголовного кодекса Вьетнама (2018–2025 гг.) с конкретными положениями об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц, правоохранительные органы Вьетнама возбудили всего 2 уголовных дела. Оба коммерческих юридических лица виновны в совершении одного и того же преступления: «нарушение прав промышленной собственности», предусмотренного ст. 226 Уголовного кодекса. Можно сказать, что это лишь первоначальный результат, еще не отражающий истинного положения дел с правонарушениями и эффективности борьбы с правонарушениями в сфере уголовного права со стороны коммерческих юридических лиц во Вьетнаме.

Автор предлагает некоторые рекомендации.

Во-первых, компетентный орган, обобщающий практику применения и толкующий закон, такой как Верховный народный суд Вьетнама, должен иметь конкретные пояснительные инструкции по случаям, когда положения Уголовного кодекса об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц должны применяться. Только тогда при уголовном преследовании коммерческих юридических лиц, совершивших преступления, можно будет избежать несправедливости, ошибок или ситуации игнорирования преследования преступлений. Дополнение содержания правовых норм по уголовному преследованию коммерческих юридических лиц является основой содействия повышению эффективности применения Уголовного кодекса в практике предупреждения и борьбы с преступностью.

Во-вторых, необходимо рассмотреть возможность добавления специальных положений о случаях, когда правонарушение коммерческого юридического лица не возникает из решения и поведения отдельного лица – директора или законного представителя. Потому что на самом деле есть решение, принимаемое под руководством коллектива, например, общее собрание акционеров или совет директоров акционерного общества, совет участников компании с огра-

¹⁴ Приговор первой инстанции по уголовному делу № 61/2023/HS-ST от 16 марта 2023 г. Народного суда провинции Бариа – Вунгтау, Вьетнам.

ниченной ответственностью, и директора компании обязаны выполнить решение, в случае нарушения уголовного закона они должны нести уголовную ответственность, вытекающую из решения других лиц. Это явно несправедливо по отношению к ним.

В-третьих, необходимо разработать руководство по уголовному преследованию в случаях, когда коммерческие юридические лица совершают уголовные правонарушения, т. е. государственные компании в сфере общественных услуг, охраны окружающей среды и национальной безопасности, а не ориентированные исключительно на получение прибыли, как обычные коммерческие компании.

Своевременная разработка и обнародование документов, разъясняющих и дающих конкретные указания по применению положений Уголовного кодекса об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц, является в настоящее время актуальной проблемой. В настоящее время в целях повышения эффективности применения Уголовного кодекса в борьбе и предупреждении преступлений, связанных с деятельностью коммерческих юридических лиц в социалистической рыночной экономике Вьетнама, вьетнамским законодателям необходимо разработать и принять постановления, разъясняющие и дающие конкретные указания по применению положений Уголовного кодекса об уголовном преследовании коммерческих юридических лиц. В то же время в целях повышения эффективности применения Уголовного кодекса в борьбе с преступлениями, связанными с деятельностью коммерческих юридических лиц в социалистической рыночной экономике Вьетнама и рыночной экономике Российской Федерации, автор полагает, что вьетнамским законодателям необходимо дополнить нормативные акты, регламентирующие привлечение к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, по тем видам преступлений, за которые Уголовным кодексом Вьетнама предусмотрено уголовное преследование коммерческих юридических лиц, законодателям Российской Федерации необходимо стремиться к регулированию в Уголовном кодексе Российской Федерации уголовной ответственности коммерческих юридических лиц за преступления против порядка управления экономикой, экологические преступления, преступления против общественного порядка в целях эффективной профилактики данных преступлений на территории Российской Федерации.

Список источников

1. Уголовный кодекс Вьетнама № 100/2015/QH13 от 27 ноября 2015 г. (с изменениями и дополнениями от 20 июня 2017 г., вступил в силу с 1 января 2018 г.)
2. Гражданский кодекс Вьетнама № 91/2015/QH13 от 24 ноября 2015 г. (вступил в силу с 1 января 2017 г.)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ УК РФ (с изменениями и дополнениями)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)
5. Приговор первой инстанции по уголовному делу № 02/2020/HS-ST от 14 января 2020 г. Народного суда провинции Фу Тхо, Вьетнам
6. Приговор первой инстанции по уголовному делу № 61/2023/HS-ST от 16 марта 2023 г. Народного суда провинции Бариа – Вунгтау, Вьетнам

Информация об авторе

Нгуен Нам Ха, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой права юридического факультета Университета промышленности и торговли г. Хошимин, Вьетнам

Information about the Author

Nguyen Nam Ha, Ph.D. in Law, Graduate of Kazan Federal University in 2004, Head of the Department of Law, Faculty of Law of Ho Chi Minh City University of Industry and Trade, Ho Chi Minh City, Vietnam

*Статья поступила в редакцию 29.01.2025;
одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 21.02.2025*

*The article was submitted 29.01.2025;
approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 21.02.2025*

Научная статья

УДК 343.131

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-78-88

Институт частного обвинения в уголовном процессе Российской Федерации и некоторые предложения для Вьетнама

Май Тхань Шон

Юридический университет, Вьетнамский национальный университет
Ханой, Вьетнам

sontm@vnu.edu.vn

Аннотация

Уголовное судопроизводство во Вьетнаме характеризуется как существенно ограничивающее роль индивидуальных потерпевших в процессе разрешения уголовных дел. Достижение справедливости в таких делах полностью зависит от эффективности интегрированной системы, построенной следователями, прокурорами и судьями. Между тем посредством института частного обвинения российский законодатель закрепил определенную позицию потерпевших от преступлений в разрешении уголовных дел. В рамках этого института потерпевшие обладают решающим голосом в вопросах привлечения преступников к ответственности. Он обеспечивает гармоничное сочетание общественных и частных интересов при разрешении дел. В статье проводится правовой анализ и сравнительное исследование раскрытия природы и содержания института частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. На этой основе статья предлагает рекомендации для Вьетнама по совершенствованию положений Уголовно-процессуального кодекса, в частности, в части роли потерпевших в разрешении уголовных дел, в соответствии с требованиями судебной реформы.

Ключевые слова

частное обвинение, потерпевший, уголовное судопроизводство, жертва, Вьетнам

Для цитирования

Май Тхань Шон. Институт частного обвинения в уголовном процессе Российской Федерации и некоторые предложения для Вьетнама // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1. С. 78–88. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-78-88

Institute of Private Prosecution in Criminal Procedure of the Russian Federation and Some Recommendations for Vietnam

Mai Thanh Son

University of Law, Vietnam National University
Hanoi, Vietnam

sontm@vnu.edu.vn

Abstract

Criminal proceedings in Vietnam are characterized by significant limitations on the role of individual victims in the resolution of criminal cases. The achievement of justice in such cases is entirely dependent on the effectiveness of an integrated system built by investigators, prosecutors, and judges. Meanwhile, through the institution of private prosecution, Russian legislation grants victims of crimes a defined role in the resolution of criminal cases. Within this framework, victims have a decisive voice in holding offenders accountable, ensuring a balanced integration of public and private interests in case resolution. This article conducts a legal analysis and comparative study to explore the nature and content of the private prosecution institution in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Based on this

© Май Тхань Шон, 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 1
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 1

analysis, the article provides recommendations for Vietnam to improve the provisions of its Criminal Procedure Code, particularly concerning the role of victims in the resolution of criminal cases, in line with the requirements of judicial reform.

Keywords

private prosecution, victim, criminal proceedings, crime victim, Vietnam

For citation

Mai T. S. Institute of private prosecution in criminal procedure of the Russian Federation and some recommendations for Vietnam. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 78–88. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-1-78-88

В Российской Федерации внимание к жертвам преступлений было возведено в конституционной норме. Ст. 52 Конституции Российской Федерации гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»¹. В целях конкретизации указанного положения Конституции, ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) устанавливает, что главной задачей уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Среди многочисленных нормативных актов, направленных на защиту прав потерпевших, в статье хотелось бы выделить совершенно особый институт, именуемый «частное обвинение», которое четко отражает признание роли и положения потерпевшего, а также гарантирует его право на участие в уголовном процессе.

Между тем во Вьетнаме разрешение уголовных дел по-прежнему воспринимается как деятельность государства по привлечению преступников к уголовной ответственности. Одним из способствующих факторов является то, что процесс уголовного правосудия полон формальностей, процедур, бюрократии и строгих методологий, по-прежнему существует один процесс для всех видов вопросов (один для всех механизмов). Формальная система правосудия опирается на мобилизацию государственных ресурсов, а также в значительной степени опирается на принуждение и авторитет сотрудников правоохранительных органов. Несмотря на то что Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама (УПК Вьетнам) позволяет потерпевшему инициировать уголовные дела по определенным категориям преступлений, такие действия, как возбуждение дел, расследование и преследование, остаются в компетенции государственных органов. В этих случаях интересы потерпевших зачастую не обеспечиваются должным образом. По сути, правосудие в отношении потерпевших – это просто результат, которого компетентные органы хотят добиться и предоставить потерпевшим.

Посредством анализа и сравнительного исследования в данной статье рассматриваются теоретические аспекты института частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. На основе этого предлагаются рекомендации для Вьетнама по разработке системы норм, направленных на повышение статуса потерпевших в уголовном процессе, с учетом современных требований судебной реформы.

В рамках статьи будут исследованы следующие аспекты:

- процесс становления, развития, сущность и роль института частного обвинения в отношении потерпевших от преступлений в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации;
- положение потерпевших в уголовно-процессуальном праве Вьетнама;
- основы формирования ядра режима частного обвинения в уголовном судопроизводстве Вьетнама из опыта Российской Федерации.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс (дата обращения: 15.12.2024).

Частное обвинение является одним из институтов российского процессуального законодательства. Оно основано на принципе диспозитивности, отражающем волю и желание лица привлечь к уголовной ответственности преступника, совершившего уголовно наказуемое деяние. Чтобы понять сущность института частного обвинения в уголовном процессе, необходимо изучить его истоки и рассмотреть процесс развития примирительных процедур.

В течение всей истории применения примирительных процедур в делах частного обвинения по жалобам потерпевших можно заметить, что примирение является частью российской социальной традиции и соответствует устоявшимся обычаям. Е. А. Рубинштейн отмечал, что примирение берет свое начало в древнем славянском обряде «побратимство», направленном на ограничение кровной мести. Первые упоминания о «побратимстве» и примирении между сторонами относятся к VI в. н. э. [1, с. 11].

О. Х. Гаева писала, что институт примирения применялся для поддержания государственной власти. Государство создавало условия, при которых существовали два варианта разрешения дела: либо месть потерпевшего признавалась законной и исключала возможность дальнейшей мести со стороны нарушителя, либо государство обеспечивало защиту соглашения о примирении между потерпевшим и нарушителем [2, с. 30].

А. Л. Корякин утверждал, что «Русская Правда» является первым частным законом, поскольку все субъекты уголовного судопроизводства – физические лица. По Русской Правде предусматривался институт примирения между сторонами конфликта, осуществляемый судьями-посредниками, которые определяли размер компенсации, известной как «головничество» (возмещение ущерба или выкуп) [3, с. 229].

В «Судебнике» 1497 г. было установлено, что примирение между сторонами возможно, если они добровольно заявляют об этом в суде. В таком случае никто не подлежит ответственности, и стороны обязаны только оплатить судебные расходы. Примирение также могло происходить до судебного разбирательства без участия государственных судебных представителей (исполнителей). Однако при примирении стороны обязаны были уплатить сбор, размер которого был четко определен в «Судебнике» [4, с. 132].

В истории уголовного судопроизводства России реформа 1864 г. является одной из крупнейших и наиболее глубоких. Одним из результатов этой реформы стало создание института мировых судей, которые начали рассматривать уголовные дела частного обвинения. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу 1864 г., стороны, участвующие в таких делах, включая представителей обвинения и защиты, были четко определены, а также установлены процедуры примирения. Уголовные дела частного обвинения включали случаи оскорбления чести, достоинства, клеветы и насилия, а также другие дела [5, с. 247].

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1922 г., уголовные дела частного обвинения могли быть возбуждены только при наличии жалобы потерпевшего, который имел право поддерживать обвинение. Такие дела могли быть прекращены, если потерпевший примирился с обвиняемым. Примирение могло происходить даже до вынесения приговора. Однако закон предусматривал, что прокурор может вмешаться в дело, если в процессе судебного разбирательства выясняется необходимость защиты общественных интересов. Если прокурор вмешивался в дело, оно не могло быть прекращено из-за примирения сторон. Этот процесс не изменился в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. [6, с. 103].

Частное обвинение стало формой уголовного преследования с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и такие дела стали рассматриваться в судах мировых судей. Ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) определяет три формы уголовного преследования, которые применяются в зависимости от степени опасности преступления: частное обвинение, частное публичное обвинение и публичное обвинение. Уголовные дела частного обвинения, установленные в Уголовном кодексе Россий-

ской Федерации, включают: ч. 1 ст. 115 – Умышленное причинение легкого вреда здоровью; ч. 1 ст. 116.1 – Побои; ч. 1 ст. 128.1 – Клевета².

В российской юридической науке существует несколько определений частного обвинения. По мнению А. Л. Корякина, частное обвинение – это средство защиты личных интересов, связанное с преступлениями, определенными государством. Использование этого средства является субъективным правом гражданина, который свободен решать, предъявлять обвинение или нет [7, с. 86]. В то же время, по словам Ю. К. Якимовича, частное обвинение – «это особый процессуальный порядок для рассмотрения дел такого типа, а также упрощенная форма производства в рамках дифференцированного уголовного процесса» [8, с. 88]. В. В. Дорошков понимает частное обвинение как «особый вид уголовно-процессуальной деятельности в рамках особой правовой процедуры, которая позволяет прокурору выразить свою волю, обязательную для государственных органов, по привлечению обвиняемого к ответственности, поддержанию обвинения в суде и отмене обвинения» [9, с. 66–69].

Исходя из вышеизложенных определений, можно заключить, что частное обвинение определяется его юридической сущностью, которая выражается через две составляющие: процессуальную составляющую (особый порядок производства уголовного дела) и уголовную составляющую (перечень конкретных преступлений).

Н. Н. Полянский, М. С. Строгович и другие указывают на то, что уголовные дела частного обвинения содержат ряд обязательных признаков: незначительная общественная опасность преступлений; необходимость учета при квалификации этих преступлений мнения потерпевшего и его отношения к преступлению; преступления частного обвинения совершаются в условиях бытовых отношений между гражданами; отсутствие необходимости в производстве предварительного расследования; меньшая общественная опасность по сравнению с другими преступлениями [10, с. 31].

Прежде всего, это воля потерпевшего, который стремится привлечь виновного к уголовной ответственности, подавая заявление в суд. Кроме того, важно, чтобы доказательства, представленные частным лицом, были интегрированы в процессуальную процедуру. Таким образом, институт частного обвинения тесно связан с волей потерпевшего, а результат уголовного дела зависит от инициативы и действий потерпевшего. Организация частного обвинения позволяет потерпевшему самостоятельно поддерживать обвинение, представлять свои интересы и требовать правды, что дает ему возможность активно участвовать в судебном процессе, предоставлять свои доводы и доказательства, а также оказывать влияние на ход дела.

Разрешение потерпевшему непосредственно подавать иск в суд упрощает доступ к правосудию, сокращает время на рассмотрение дела и привлечение преступника к уголовной ответственности. Время рассмотрения уголовных дел частного обвинения также сокращается, так как отсутствуют предварительные стадии процесса до судебного разбирательства. Условная свобода системы частного обвинения позволяет потерпевшему самостоятельно решать, подавать ли иск, возбуждать ли уголовное дело против преступника или примириться с ним без вмешательства государственных органов.

В исследовании Р. В. Мазюка и Э. Ф. Чайкова авторы утверждают, что «права потерпевшего в уголовном процессе рассматриваются не только как критерий классификации видов обвинения, но и как юридическая ценность, защита которой является неотъемлемой частью целей уголовного судопроизводства» [11, с. 43]. Согласно этому, одной из главных задач Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также лиц, пострадавших от преступлений. Поэтому регулирование частных и публично-частных обвинений, особенно частных обвинений,

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025)// КонсультантПлюс (дата обращения: 18.12 2024).

рассматривается как важный правовой инструмент, который помогает пострадавшим защищать свои права и законные интересы, когда они прямо нарушаются преступными действиями.

Законодатели Российской Федерации предоставили потерпевшему значительные права, позволяя ему или его представителю подать заявление о возбуждении уголовного дела непосредственно в суд. Это означает, что уголовное дело будет принято к рассмотрению без прохождения этапов расследования или обвинения, и в случае успешной мирной договоренности между потерпевшим и обвиняемым обвинение может быть отозвано.

З. З. Талынева отмечает, что эта система «позволяет максимально обеспечить равенство сторон, поскольку в случае частного обвинения государство в процессе уголовного разбирательства выступает исключительно в роли независимого арбитра, не вмешиваясь в разрешение дела» [12, с. 269]. Согласившись с этим мнением, В. Ю. Стельмах утверждает, что «в делах частного обвинения потерпевший полностью контролирует процесс уголовного преследования. Потерпевший имеет право возбудить уголовное дело или добровольно отказаться от обвинений. Добровольное прекращение уголовного дела чаще всего происходит после успешной мирной договоренности между сторонами, и государство обязано уважать это решение. Это гуманное и своевременное решение правового конфликта, которое не наносит чрезмерного ущерба лицу, считающемуся виновным в преступлении, и при этом не тратит времени и ресурсов следственных органов» [13, с. 47–49].

Система частного обвинения может рассматриваться как результат различий между видами уголовного процесса. Эти различия полностью соответствуют процессуальным нормам России, в которых предусмотрены принципы экономии времени и защиты прав граждан. Преступления, по которым возбуждаются дела частного обвинения, не представляют серьезной угрозы для общества. Несмотря на то что дела частного обвинения менее серьезны, чем дела публичного и публично-частного обвинения, они все равно играют важную роль в обеспечении справедливости и защите прав потерпевших.

Процесс развития уголовно-процессуального законодательства Вьетнама зафиксировал три этапа кодификации уголовно-процессуальных норм: Уголовно-процессуальный кодекс 1988 г., Уголовно-процессуальный кодекс 2003 г. и Уголовно-процессуальный кодекс 2015 г. Все эти кодификации не включали института частного обвинения. Модель уголовного судопроизводства, применяемая в настоящее время во Вьетнаме, представляет собой инквизиционную модель, основанную на принципе преследования, означающего, что государство имеет полное право принимать решения по обвинениям. Под обвинением как процессуальной функцией понимается деятельность по преследованию лица, совершившего общественно опасное деяние, признаваемое преступлением.

Жертвы преступлений, участвующие в уголовном судопроизводстве, в большинстве случаев выступают в качестве участников процесса – потерпевших, которым законодателем предоставлены определенные права и обязанности, предусмотренные ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама 2015 г. Основная роль потерпевшего заключается в предоставлении информации о деле для поддержки компетентных органов в процессе разрешения уголовного дела.

Однако в сфере защиты прав человека в уголовной политике, в частности в уголовно-процессуальном законодательстве, внимание традиционно уделяется правам обвиняемых, а не потерпевших. С точки зрения законодательства, обвиняемый строго защищен системой прав, включая такие принципы, как презумпция невиновности, принцип установления истины по делу, право на защиту, право на компенсацию ущерба за неправомерное обвинение, а также правила проведения следственных действий (обыски, допросы и т. д.). В то же время потерпевшие от преступления, несмотря на то что они должны быть защищены вовремя, часто не получают должного внимания, и их потребности остаются неучтенными.

Поскольку уголовное судопроизводство постепенно стало средством государственного преследования преступников, жертвы перестали быть центром уголовного правосудия.

Они находятся в положении бенефициаров правосудия – государство «субсидирует» правосудие, принуждая преступников нести наказание и возмещать ущерб. Такая позиция также делает жертву преступления пассивной и зависимой от государственных органов. Их права на доступ к правосудию и участие в судебном процессе не признаются в полной мере.

Многие исследования подтверждают, что такая ситуация является несправедливой по отношению к потерпевшим. Ле Лан Чи подчеркивает уязвимость потерпевших с точки зрения прав человека в ходе уголовного судопроизводства, объясняя это «вторичными травмами, которые могут быть нанесены преступлением или процессом судопроизводства, а также общественным мнением, если органы уголовной юстиции игнорируют или недостаточно уважительно относятся к потерпевшим в процессе получения справедливости» [14, с. 93]. В то же время Динь Тхи Май утверждает, что потерпевшие часто остаются забытыми в законодательной практике, несмотря на то что они раньше занимали центральное место в уголовном процессе. В настоящее время большинство потерпевших участвуют в процессе как свидетели, предоставляющие информацию и доказательства для поддержания обвинения в отношении преступников [15, с. 42].

Некоторые исследователи во Вьетнаме также интересовались темой частного обвинения. Ли Нгуен Тхань выделяет несколько признаков частного обвинения: (i) оно является формой предъявления обвинения от имени частного лица; (ii) потерпевший и его близкие или лицо, нанятое потерпевшим для подачи обвинения, осуществляют право частного обвинения; (iii) содержание включает выдвижение обвинений в преступлении, указание на преступника и требование компенсации ущерба, причиненного преступлением; (iv) способ осуществления права частного обвинения – это прямое предъявление обвинения и доказательство его в суде [16, с. 71]. Нгуен Дык Тай проводит исследование института частного обвинения посредством анализа правового регулирования данного института в таких странах, как США, Германия, Франция, Китай и Россия, с последующим сравнительным анализом в контексте правовой системы Вьетнама. Он утверждает, что признание и особенности функционирования частного обвинения обусловлены историческими, экономическими, политическими и правовыми факторами, характерными для каждой конкретной страны [17, с. 52–53].

В контексте Вьетнама необходимо провести изменения, чтобы улучшить положение потерпевших в процессе уголовного судопроизводства. Применяя подход из Российской Федерации – страны со множеством схожих черт и значительным влиянием в политической и законодательной сферах, особенно в области уголовно-процессуального права, автор подчеркивает необходимость постепенного внедрения института частного обвинения в уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама.

С точки зрения политики, на протяжении почти 25 лет, начиная с Резолюции № 08-NQ/TW Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама о некоторых приоритетных задачах судебной работы в будущем, Вьетнам добился значительных успехов в судебной реформе. Резолюция № 27-NQ/TW от 09 ноября 2022 г. Центрального Комитета партии о продолжении строительства и совершенствования правового государства социалистического Вьетнама на новом этапе послужила путеводной звездой для реформы судебной системы на ближайшее будущее. По сравнению с предыдущими резолюциями Резолюция № 27-NQ/TW впервые определяет направление «сочетания судебных методов без судебного разбирательства с судебными методами» для «создания профессиональной, современной, справедливой, строгой, честной судебной системы, служащей Отечеству, служащей народу, защищающей правосудие, защищающей права человека и граждан, защищающей социалистическую систему, защищающей интересы государства, законные и оправданные права и интересы организаций и частных лиц». Это направление можно рассматривать как создание основы, позволяющей признание частного обвинения в уголовном процессе.

С точки зрения правового регулирования, отдельные положения Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама уже содержат элементы института частно-

го обвинения. В частности, ст. 29 Уголовного кодекса 2015 г. предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в определенных случаях, а статья 155 Уголовно-процессуального кодекса 2015 г. устанавливает порядок «возбуждения дела по требованию потерпевшего». Данный институт представляет собой особую форму возбуждения уголовного дела, при которой потерпевший обладает правом принимать решение о начале уголовного преследования в отношении определенных общественно опасных деяний, причинивших ему вред. Компетентный орган, установив наличие признаков преступления, вправе возбудить уголовное дело только по требованию потерпевшего и обязан прекратить производство по делу в случае отзыва потерпевшим соответствующего требования. Положение о возбуждении уголовного дела по требованию потерпевшего изложено в ст. 155 УПК 2015 г.:

1. Уголовное дело по преступлениям, указанным в п. 1 ст.ст. 134, 135, 136, 138, 139, 141, 143, 155 и 156 Уголовного кодекса может быть возбуждено только по требованию потерпевшего или его представителя, если потерпевший является несовершеннолетним, лицом с психическими или физическими недостатками или умер.

2. В случае если лицо, подавшее требование, отзовет его, уголовное дело должно быть прекращено, за исключением случаев, когда установлено, что лицо отозвало требование против своей воли, под давлением или угрозой. В этом случае расследование, прокуратура и суд продолжают производство по делу.

3. Если потерпевший или его представитель отозвали требование, они не могут подать новое требование, за исключением случаев, когда отзывание было сделано под давлением или угрозой.

Это положение охватывает как содержание, так и процессуальные аспекты. Возбуждение по требованию потерпевшего требуется только в отношении некоторых преступлений, где объектом нарушения являются социальные отношения, непосредственно связанные с потерпевшим, а объектом преступления является здоровье, достоинство, честь потерпевшего. Преступления, рассматриваемые по этим делам, в основном являются менее тяжкими (за исключением изнасилований и понуждений к действиям сексуального характера)³. В отличие от системы частного обвинения в Российской Федерации во Вьетнаме потерпевший имеет только право требовать возбуждения уголовного дела, в то время как возбуждение дела, расследование и обвинение остаются в компетенции соответствующих органов. Важным моментом является то, что если потерпевший отзывается от своего требования, дело должно быть прекращено. Это положение вызвало различные мнения. Некоторые поддерживают его, считая, что оно отражает уважение государства к потерпевшему, создавая возможность для него играть активную роль в отношениях с обвиняемым, помогая восстановить последствия преступления и решая, необходимо ли привлекать преступника к уголовной ответственности. Разрешение потерпевшему отозвать заявление без конкретных сроков может привести к нецелесообразной потере времени и усилий со стороны компетентных органов, которые уже начали судебный процесс. Тем не менее многие ученые считают это положение прогрессивным и подтверждают, что оно включает элементы частного обвинения, признавая волю потерпевшего в некоторых случаях [18, с. 59].

³ Предусмотренные преступления будут преследоваться только по требованию потерпевшего в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом 2015 г. с изменениями и дополнениями 2021 года, в том числе: п. 1 ст. 134: Умышленное причинение вреда здоровью другого человека; п. 1 ст. 135: Умышленное причинение вреда здоровью другого человека в состоянии сильного душевного волнения; п. 1 ст. 136: Умышленное причинение вреда здоровью другого человека сверх пределов необходимой обороны; п. 1 ст. 138: Неумышленное причинение вреда здоровью другого человека; п. 1 ст. 139: Неумышленное причинение вреда или ущерба здоровью другого лица вследствие нарушения профессиональных или административных правил; п. 1 ст. 141: Изнасилование; п. 1 ст. 143: Понуждение к действиям сексуального характера; п. 1 ст. 155: Унижение других лиц; п. 1 ст. 156: Клевета.

Принятие и использование положений уголовно-процессуального права Российской Федерации во Вьетнаме основано не только на сходстве политических систем, но и на необходимости создания уголовно-процессуальной системы, соответствующей историческим условиям и правовым особенностям Вьетнама. В процессе развития советской уголовно-процессуальной системы правовые акты Советского Союза, в частности система основных принципов уголовного судопроизводства СССР, принятая в декабре 1958 г., а также Уголовно-процессуальный кодекс СССР, вступивший в силу 1 января 1961 г., оказали сильное влияние на формирование уголовно-процессуального права Вьетнама.

Основные принципы уголовно-процессуального права Вьетнама, такие как принцип защиты законных прав и интересов сторон, принцип обеспечения справедливости и прозрачности в процессе, были сформированы и развиты под влиянием советского уголовно-процессуального права. Кроме того, такие институты, как доказательства, меры пресечения, также явно отражают влияние советского уголовно-процессуального законодательства.

Кроме того, поскольку права человека и верховенство права стали значимыми в общественном сознании России, при новом подходе к судебной реформе, берущей за руководящие принципы концепции прав человека и верховенства права, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации меняется весьма динамично. В связи с комплексным изменением уголовно-процессуальной политики в отношении потерпевших важной задачей уголовного правосудия становится защита законных прав и интересов потерпевших, уважение их достоинства и повышение доверия потерпевших к правосудию.

Учитывая это влияние, заимствование и применение опыта Российской Федерации в области развития уголовно-процессуальных норм, в частности института частного обвинения, может быть вполне оправдано. Создание уголовно-процессуальной системы, которая отвечает специфическим требованиям и практическим условиям Вьетнама, может значительно продвигнуться благодаря изучению и применению правовых моделей, уже проверенных на практике в странах с аналогичной правовой системой, как, например, в Российской Федерации.

Разрешение уголовных дел во Вьетнаме по-прежнему воспринимается как механизм государственной реакции на преступность. В связи с этим участие потерпевших в этом процессе остается ограниченным, что снижает их способность активно защищать свои права и интересы. В частности, потерпевшие не имеют права возбуждать уголовные дела, непосредственно затрагивающие их. Они могут лишь ходатайствовать о возбуждении уголовного дела в определенных случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом. Их роль, как правило, сводится к предоставлению доказательств и даче показаний, тогда как важные процессуальные решения принимаются государственными органами.

В то же время институт частного обвинения имеет глубокие исторические корни и является традиционным элементом уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Его суть заключается в защите прав потерпевших в случаях, когда они понесли непосредственный ущерб. С учетом принципов гармонизации правовых систем следует отметить, что отнесение некоторых уголовных дел к категории частного обвинения не только облегчает доступ потерпевших к правосудию, но и снижает нагрузку на компетентные органы, позволяя им сосредоточить ресурсы на расследовании более сложных преступлений.

Анализируя процесс становления и развития, сущность, особенности и роль института частного обвинения потерпевших в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, а также учитывая перспективы уголовно-процессуальной политики, права, культуры и истории Вьетнама, автор предлагает рассмотреть возможность применения данного института в уголовно-процессуальном праве Вьетнама. Это обеспечит эффективную защиту прав потерпевших и расширит их доступ к правосудию. Это предложение соответствует текущей тенденции правовой реформы, включая реформу уголовно-процессуального законодательства Вьетнама.

Список литературы

1. **Рубинштейн Е. А.** Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.09. – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказ. гос. техн. ун-та, 2004. 265с.
2. **Гаева О. Х., Хайрусов Д. С.** Историко-правовой аспект развития института примирения. М.: Изд. группа «Юрист» // История государства и права. 2008. № 6. С. 30–32.
3. **Корякин А. Л.** История развития и становления института частного обвинения в уголовном процессе России, проблемы частного обвинения и пути решения. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского // Вестник Омск. ун-та. Серия: Право. 2013. № 3. С. 225–233.
4. **Попрядухина И. В.** Преступления против личности по Судебнику 1497 г. Тольятти: Изд-во Тольят. гос. ун-та // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 131–133.
5. **Минулин Р. М.** Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон по Уставу уголовного судопроизводства / Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. академии мировой экономики, управления и права, 2016. С. 245–249.
6. **Корякин А. Л.** Институт частного обвинения от Русской Правды до УПК РФ. Оренбург: Изд-во Оренбург. филиала Моск. гос. юрид. академии // Тр. Оренбург. ин-та (филиала) Моск. гос. юрид. академии. 2013. № 17. С. 101–105.
7. **Корякин А. Л.** Виды уголовного преследования. Понятие, значение, сущность института частного обвинения в уголовном процессе России. Проблемы соотношения частного и публичного обвинения. Оренбург: Изд-во Оренбург. ин-та (филиала) Моск. гос. юрид. академии // Тр. Оренбург. ин-та (филиала) Моск. гос. юрид. академии. 2014. № 19. С. 84–88.
8. **Якимович Ю. К.** Дела частного обвинения и принцип публичности в уголовном судопроизводстве. // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Изд-во Томского гос. ун-та. 1993. С. 88–90.
9. **Дорошков В. В.** Частное обвинение и этапы его развития в России // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2015. № 3. С. 66–69.
10. **Дорошков В. В.** Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. М., 2001. 272 с.
11. **Мазюк Р. В., Чайков Е. Ф.** Защита процессуальных интересов потерпевшего при частном порядке уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. №6 (14). С. 40–49.
12. **Талынева З. З.** О необходимости существования дел частного обвинения в уголовном процессе // Евразийский юрид. журн. 2016. № 2 (93). С. 267–269.
13. **Stelmakh V. Y., Titov P.** Prospects for Developing Private Prosecution in Criminal Proceedings in the Russian Federation // XVII International Research to Practice Conference Dedicated to the Memory of MI Kovalyov, Atlantis Press, 2020, pp. 47–50.
14. **Ле Лан Чи.** Обеспечение прав жертв и некоторых уязвимых групп в уголовном правосудии: от правовых норм до деятельности юристов: моногр. М.: Национальная политика и правда, 2022. 320 с.
15. **Динь Тхи Май.** Определение процессуального статуса потерпевших во вьетнамском уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2014. № 2. С. 42–48.
16. **Ле Нгуен Тхань.** Право частного обвинения в уголовном судопроизводстве и проблема реализации судебного процесса в соответствии с требованиями судебной реформы во Вьетнаме // Государство и право. 2012. № 2. С. 70–79.
17. **Нгуен Дык Тай.** Права частного обвинения в уголовном судопроизводстве некоторых стран мира – Опыт вьетнамского уголовного судопроизводства // Прокуратура. 2023. № 8. С. 52–53.

18. **Тран Ту Хань.** Потерпевшие в Уголовно-процессуальном кодексе 2015 года и некоторые рекомендации по совершенствованию законодательства // Наука, ВНУ: Право. 2017. № 8. С. 55–60.

References

1. **Rubinshtein E. A.** Normative Regulation of the Institution of Termination of Criminal Cases Due to Reconciliation of the Parties: Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. *Stavropol: Publishing House of the North Caucasus State Technical University*, 2004. 265 p. (in Russ.)
2. **Gaeva O. Kh., Khairusov D. S.** Historical and Legal Aspects of the Development of the Institution of Reconciliation. Moscow, Publishing Group "Lawyer". *History of State and Law*, 2008, no. 6. pp. 30–32. (in Russ.)
3. **Koryakin A. L.** History of Development and Formation of the Institution of Private Prosecution in the Criminal Process of Russia, Problems of Private Prosecution, and Solutions. *Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2013, no. 3, pp. 225–233. (in Russ.)
4. **Popryadukhina I. V.** Crimes Against the Person in the 1497 Judicial Code. *Vector of Science of Togliatti State University*, 2011, no. 2, pp. 131–133. (in Russ.)
5. **Minulin R. M.** Termination of Criminal Cases Due to Reconciliation of the Parties under the Criminal Procedure Charter. *Improving the Activities of Law Enforcement Agencies in Combating Crime in Modern Conditions: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, 2016, pp. 245–249. (in Russ.)
6. **Koryakin, A. L.** The Institution of Private Prosecution from Russian Truth to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*, 2013, no. 17, pp. 101–105. (in Russ.)
7. **Koryakin A. L.** Types of Criminal Prosecution. Concept, Importance, and Essence of the Institution of Private Prosecution in the Criminal Process of Russia. Problems of the Relationship Between Private and Public Prosecution. *Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*, 2014, no. 19, pp. 84–88. (in Russ.)
8. **Yakimovich Yu. K.** Private Prosecution Cases and the Principle of Publicity in Criminal Proceedings. *Current Issues of Jurisprudence in the Modern Period*. Tomsk State University Publishing House, 1993, pp. 88–90. (in Russ.)
9. **Doroshkov V. V.** Private Prosecution and Its Development Stages in Russia. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3, pp. 66–69. (in Russ.)
10. **Doroshkov V. V.** Guide for Justices of the Peace. Private Prosecution Cases. Moscow, 2001, 272 p. (in Russ.)
11. **Mazuk R. V., Chaikov E. F.** Protection of Procedural Interests of the Victim in Private Criminal Prosecution. *Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, 2016, no. 6 (14), pp. 40–49. (in Russ.)
12. **Talynyeva, Z. Z.** On the Necessity of Private Prosecution Cases in Criminal Proceedings. *Eurasian Law Journal*, 2016, no. 2 (93), pp. 267–269. (in Russ.)
13. **Stelmakh, V. Y., Titov, P.** Prospects for Developing Private Prosecution in Criminal Proceedings in the Russian Federation. *XVII International Research to Practice Conference Dedicated to the Memory of M. I. Kovalyov, Atlantis Press*, 2020, pp. 47–50.
14. **Le Lan Chi.** Ensuring the Rights of Victims and Certain Vulnerable Groups in Criminal Justice: From Legal Norms to the Activities of Lawyers: Monograph. *Publishing House National Policy and Truth*, 2022, 320 p. (in Russ.)
15. **Dinh Thi Mai.** Determining the Procedural Status of Victims in Vietnamese Criminal Proceedings. *State and Law*, 2014, no. 2, pp. 42–48. (in Russ.)

16. **Le Nguyen Thanh.** The Right to Private Prosecution in Criminal Proceedings and the Problem of Implementing the Judicial Process in Accordance with Judicial Reform Requirements in Vietnam. *State and Law*, 2012, no. 2, pp. 70–79. (in Russ.)
17. **Nguyen Duc Thai.** Private Prosecution Rights in the Criminal Procedure of Some Countries – Experience of Vietnamese Criminal Procedure. *Procuratory*, 2023, no. 8, pp. 52–53. (in Russ.)
18. **Tran Thu Hanh.** Victims in the 2015 Criminal Procedure Code and Some Recommendations for Legislative Improvement. *Science, VNU: Law*, 2017, no. 8, pp. 55–60. (in Russ.)

Информация об авторе

Май Тхань Шон, преподаватель факультета уголовного правосудия Юридического университета Вьетнамского национального университета

Information about the Author

Mai Thanh Son, Lecturer of Criminal Justice Faculty University of Law, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

*Статья поступила в редакцию 04.02.2025;
одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 21.02.2025*
*The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 21.02.2025*

Информация для авторов

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год

¹ См. онлайн-справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (*обязательно*), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. **Gladyshev S. I.** Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)

3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 639990, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru

